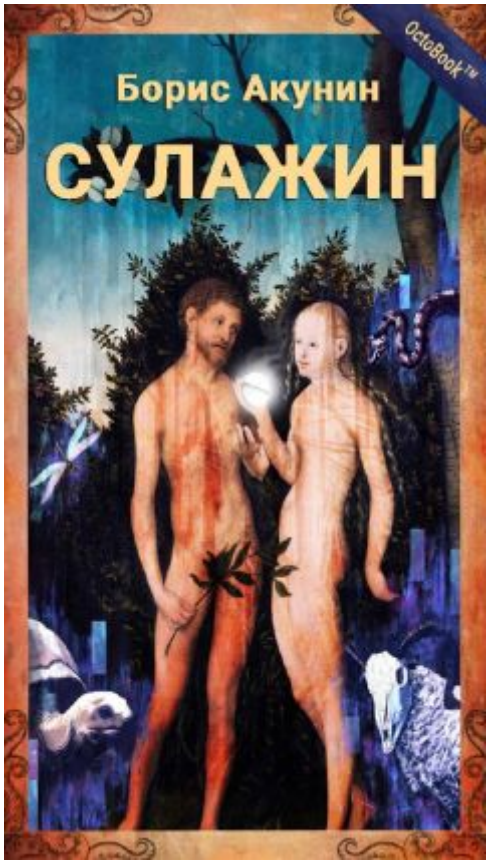

"Борис Акунин - Сулажин"

Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Борис Акунин

Сулажин

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ОТ АВТОРА

Читайте эту повесть очень осторожно. Хорошенько думайте, прежде чем сделать выбор перед каждым следующим уровнем. В конце концов вы получите то, чего внутренне хотите. И не факт, что вам это понравится.

Волнуюсь за вас. Счастливого пути!

Борис Акунин

Глава 1

Если б не сулажин. Ночью от волнения мне не удалось бы сомкнуть глаз. Лев Львович сказал: «Это переменит твою жизнь. А ее необходимо переменить». Он слов на ветер не бросает. Если сказал, что переменит. Значит, так и будет. Никому на свете я не доверяю так. Как ему.

Мою жизнь. Что от нее осталось. Обязательно нужно переменить. Долго я так не выдержу. Уж три месяца точно не выдержу.

«Перед сном прими таблетку, — сказал Лев Львович. — Вне зависимости от болей. Просто чтобы выспаться».

Лекарство помогло. Оно никогда не подводит. Сон был ровный, без пробуждений. Действие сулажина продолжается двенадцать часов. Поэтому утром всё покачивалось, подплывало. А когда к середине дня мир стал фиксироваться. Твердеть углами, выпячиваться шипами. И острые, враждебные выступы начали в меня вонзаться. Всё больней, больней. Пришлось принять еще одну таблетку.

Теперь мне хорошо. Только мысли, как обычно, короткие. Короткие и немножко путаются. «Мысли с коротким дыханием». Это Лев Львович так говорит. Он умеет находить точные слова.

Звоню ему в половине восьмого. Ритуал такой. Называется «звонок Другу».

«Ну что, говорю, идти?» «Обязательно, — отвечает. — Я что мог сделал. Мои возможности

исчерпаны. Не мой профиль. Теперь только этот Громов. Если то, что я про него слышал, правда. Он работает без лицензии. И кто бы дал ему такую лицензию? Конспирируется, прямо карбонарий. Но я выяснил, проверил. Громов — тот, кто тебе нужен. Он действительно помогает таким, как ты. Когда вернешься, позвони. Всё расскажешь. Подробно. Тогда решим, то это или не то».

Лев Львович никогда не говорит о себе. Я понятия не имею. Есть ли у него семья. Чем он интересуется. Что читает. Странно, что он помянул карбонариев. У меня на столе книга про карбонариев. Я в последнее время могу читать только историческую литературу. Не знаю почему. Совпадение, конечно. Случайное. Просто Лев Львович, как мне иногда кажется. Знает всё на свете. В том числе про меня. Неудивительно, если учесть. Сколько я ему про себя рассказываю.

Потом он подробно объяснил, как там у Громова и что.

На память сулажин не действует. У него есть другие побочные эффекты, но на память он не действует. Помнить всё помнишь. Иногда даже то, чего на самом деле не было. Это ведь экспериментальный препарат, в нем не всё еще отработано. Лев Львович говорит, что сулажин пока испытывают. Не знаю, что бы со мной было без сулажина. То есть, догадываюсь, конечно.

***

Инструкции очень точные. Я следую им в доскональности.

Еду на метро. Потому что, если взять такси, с московскими пробками никогда не угадаешь. А своей машины у меня нет, уже давно. Не факт, кстати, что под сулажином можно садиться за руль. Наверняка нельзя. Какая езда, если всё будто слегка не в фокусе.

В метро час пик. Хоть большинство пассажиров возвращаются в спальные районы. А я наоборот еду в центр. Вагон переполнен. Вокруг столько людей. Я существую от них отдельно. Уже две недели. И навсегда. Ну, в смысле, не навсегда. «Навсегда». Ха-ха.

Я смеюсь. На меня оборачиваются. Кто обернулся, задерживает взгляд. Обычное дело. У меня такое лицо, что люди на него смотрят. Теперь-то мне это все равно. А раньше нравилось.

От «Пушкинской» иду пешком. Вдоль улицы стоят и светят огнями машины. Смотришь вперед — огни желтые. Обернешься — красные.

Странный город Москва. Всё шиворот-навыворот. Медленный человек движется, быстрые автомобили стоят. Весной природа должна оживать, а от голых деревьев несет смертью. Светятся окна, но людей внутри нет. Ведь это центр, сплошные офисы, рабочий день уже кончился.

Я чувствую себя инопланетным существом, которое понимает устройство здешней жизни. Потому что готовилось к приземлению, изучало данные. Но всё вокруг неродное, чужое, бессмысленное. Низачем. Но мне лучше. Мысли уже не дергаются, не пунктирятся.

Вот нужный адрес.

Арка, всё правильно. Двор пройти насквозь. Направо за угол. Глухой колодец из кирпичных стен.

Дверь в полуподвал.

Вывеска «Подготовительные курсы». Это здесь.

Лев Львович хорошо объясняет. А я хорошо запоминаю.

Он сказал: «Звони три раза короткими. Один длинный. Потом два коротких. Не ошибись, а то не откроют».

Звоню, как велено. Справа над дверью камера. Поднимаю лицо, чтобы меня было лучше видно. Сейчас должны спросить: «Вы к кому?»

— Вы к кому? — с потрескиванием спрашивает щиток, весь в дырочку.

Я называю свою фамилию и прибавляю: «Вам звонили».

Только теперь жужжит замок, дверь приоткрывается.

Спускаюсь, с каждой ступенькой всё сильнее волнуясь. Мне очень нужно переменить жизнь. Очень.

Коридор. Очень опрятный. Даже, пожалуй, стильный. Это дорогая простота: обитые бордовой тканью стены с дубовыми панелями. Цветные литографии с рысаками и охотничьими собаками.

Всё это должно стоить больших денег. Значит, помощь Громова обойдется недешево.

Ничего. Был бы прок. А денег я достану.

Где-то играет тихая музыка. Армянская свирель, как ее? Дудук.

Двери слева и справа. Одна приоткрылась.

Выглядывает молодой человек. Худой, в серой водолазке. Череп лысый или начисто обритый. Глаза, как у больной собаки.

Я смотрю на его руки, торчащие из засученных по локоть рукавов. Жилистые руки, сильные, со слегка разбухшими суставами. Интересные руки. Вообще интересный субъект.

— Вы Громов?

— Что вы. Я ассистент. Хорошо, что вы пришли раньше. Мне нужно заполнить анкету и отнести Учителю. А занятие начнется ровно в девять. Когда все придут.

Испытываю неприятное удивление.

Topreading.ru

— Все? Это что, группа? Но я не хочу в группе!

— Так лучше, — быстро говорит ассистент. Брови у него двигаются, и от этого вся кожа на голом черепе ходит туда-сюда. — У нас система. Не понравится — уйдете и не вернетесь.

— А… сколько это стоит? — осторожно спрашиваю я.

— Не беспокойтесь. Всё индивидуально. И никому не обременительно. Каждый делает добровольный взнос. Сколько пожелает, и необязательно в денежной форме.

Мы в маленьком кабинете. Тоска, а не кабинет. Не на чем остановиться глазу. Стол, оргтехника, стеллажи. Ни картинки, ни календаря. Мне нравится этот кабинет. Похож на меня. Ха-ха. Нервозность немного отступает.

Вопросы вначале обычные. Отвечать на них легко. Адрес, семейное положение, ближайшие родственники, профессия, краткая биография. Потом лысый спрашивает про неприятное. Но кабинет бесцветен, ассистент бесплотен, тихий перестук клавиатуры бесстрастен. Рассказываю всё, как есть, и даже не дрожу голосом.

Он задает еще несколько уточняющих вопросов. Бьет по клавише.

— Всё, — говорит, — отправил. — И показывает куда-то за стенку. — А вы идите в гостиную. Это налево до конца. Скоро подойдут остальные четверо, и начнется. У нас никто не опаздывает.

***

Гостиная не похожа ни на пуританский кабинетик ассистента, ни на буржуазно-англоманский коридор. Она голая, белая. Несколько стульев в кружок, в стороне стол — и всё.

Сажусь, жду. Время от времени смотрю на часы. Сердце бьется гораздо быстрее, чем сменяются секунды на электронном циферблате.

Без четырех минут девять входит женщина в темных очках с зеркальными стеклами. Кивает, садится. Не рядом. Ей удобно меня разглядывать, глаз-то не видно. Но смотрит она на меня или нет, непонятно. Слишком неподвижно она сидит.

Молчим.

Женщина не молодая и не старая. Одета дорого, но небрежно. Губы не подкрашены, ногти без лака и, кажется, даже без маникюра. Стянутые в узел волосы и большие очки делают ее похожей на стрекозу.

Не то чтоб мне было интересно, кто она и что с ней. Просто в пустой комнате смотреть больше не на что.

Снова шаги. Мужчина. Лет пятидесяти. Ввалившиеся глаза. Шея с огромным кадыком торчит из слишком широкого ворота. Но рубашка безукоризненно бела, галстук аккуратно повязан, коричневый твидовый пиджак застегнут на все пуговицы. «Черепах», думаю я.

Тоже молча кивает. У них тут не принято разговаривать?

Сразу же появляются еще двое. Они пришли вместе, что уже странно. Он и она. В коридоре

они о чем-то вполголоса переговаривались, но в гостиную вошли молча. Он наклонил голову, она нет. Сели рядышком.

Оба молодые. Лет тридцать или около. Она, в отличие от Стрекозы, следит за собой. Брюнетка, очень сильно подведенные глаза. Цвет лица жуткий. Желтый, будто прогорклое масло. Никаким тоном не замаскируешь. Спутник у нее румяный, кудрявый. Такой губастенький бейби-фейс в гоповатой кожаной куртке. Он-то зачем здесь, этот здоровячок?

Что-то меня нынче тянет на зоологические сравнения. «Гюрза» и «Баранчик» — так я называю непонятную пару. Интересно, какую зверушку напоминаю этим людям я?

— Энимал плэнет, — говорю я вслух. И смеюсь.

На меня смотрят с испугом. Черепах (он сидит ближе всех) чуть отодвигается вместе со стулом.

Мне делается еще смешнее. Это нервное, я знаю. Ассистент сказал «остальные четверо». Значит, все в сборе?

— Звери на арене. Где дрессировщик? — говорю я.

Никто кроме меня не смеется. Даже не улыбается.

Нет, сзади кто-то тихо рассмеялся.

Оборачиваюсь.

Коротко стриженый человек в черном спортивном костюме, плотно обтягивающем поджарую фигуру, стоит и смотрит на меня. Лет ему, наверное, столько же, сколько мне. Плюс-минус. Совершенно застывшее, холодное, словно вырезанное изо льда лицо. Непонятно, как это можно смеяться, не раздвигая губ. «Хе-хе-хе», одним горлом. А глаза, наоборот, подвижные, живые, горячие. Так и шарят по мне.

Ну уж это точно Громов.

— Правда, похоже. — Говорит Громов почти без артикуляции. Но голос звучный, красивый. Такой хочется слушать. — Когда я был пионером, ходил в зоологический кружок. Он тоже был в подвале. Назывался «Живой уголок».

Если он был пионером, значит, старше. Мне тридцать четыре, и в моей прогрессивной школе пионеров уже не было.

Да, старше. Он подходит, я замечаю морщинки вокруг глаз. Откуда они могли взяться, если человек совсем не пользуется мимикой?

— А у вас здесь «Мертвый уголок», — продолжаю шутить я, хоть отлично понимаю, что шутка идиотская. Мягко говоря.

Скрип стульев. Кажется, зверинец рассердился. Но я смотрю не на них — на Громова. Он один здесь имеет значение.

Topreading.ru

Сейчас он скажет что-то не то — повернусь и уйду. Мне плохо в этом мертвом подвале! Я хочу во двор, где сырой воздух, запах помойки, холодная капель с крыш. Где жизнь.

— Да, это мертвый уголок, — соглашается со мной Громов.

Он больше не издает квохтающих, горловых звуков. Он серьезен. Подходит, встает рядом со мной. Смотрит сверху вниз. Хочу встать со стула — опускает руку на мое плечо. Движение мягкое, а ладонь тверже камня.

— Мы здесь этого слова не боимся. И вы скоро перестанете бояться.

Теперь он обращается к остальным:

— Нашего полку прибыло. Позвольте представить.

Я жду, что Громов назовет меня по имени, но он говорит:

— Рак желудка. Терминальная стадия. Осталось три месяца.

Все смотрят на меня, и я съеживаюсь. Как будто с меня содрали всю одежду, выставили напоказ. И даже нельзя прикрыться руками.

— Вам я тоже всех представлю. — Это Громов говорит мне. — Но сначала объясню, кто я такой и чем мы здесь занимаемся. Здесь у нас…

— Подготовительные курсы, — враждебно прерываю я, еще не отойдя от потрясения. — На вывеске написано.

— Именно так. — Он улыбается одними глазами. Вот откуда морщинки. — Здесь готовят к примирению с неизбежным людей, которым не может помочь медицина. Я научу вас не бояться смерти. И последний этап вашей жизни, сколько бы он ни продолжался, не будет отравлен страхами, горечью неисполненных желаний, ненавистью к окружающему миру и к здоровым людям. Главное же — я помогу вам избавиться от гнетущего одиночества, которое ощущает человек обреченный. Ведь вы именно за этим сюда пришли?

Я опускаю голову. Мне трудно выдерживать этот пронизывающий, сияющий взгляд. Боюсь разрыдаться.

— Одним больше помогают индивидуальные занятия, другим коллективные. Но в первый раз человек непременно должен пройти через испытание публичностью. Это шок, но шок благотворный. Нужно раскрыться, снять все защитные слои, в которые вы спрятались, как в кокон. Иначе ничего не выйдет.

Краем глаза я замечаю, что Черепах кивает.

— Поверьте мне, — просит, даже умоляет бархатный голос. — Вы должны мне доверять. В этом залог успеха. Я хочу помочь вам. Я желаю вам добра. Сейчас у вас, я знаю, ощущение, будто вы стоите в чем мать родила на улице, перед одетыми. Но у нас здесь не улица. Это баня. Даже парилка. — Снова раздается горловое «хе-хе». И вокруг тоже звучит тихий смех, от которого я вздрагиваю. — Начну с себя.

Удивительные глаза больше не улыбаются. Смотрят на меня печально и строго. Я гляжу в них не отрываясь. Этому взгляду нельзя не верить.

Topreading.ru

— В прежней своей жизни я очень часто находился на пороге смерти. Такова уж была моя профессия. Четырежды гибель казалась совершенно неизбежной, и четыре раза я прощался с жизнью. Дважды я действительно умирал. Кажется, я представляю собой уникальный в медицине случай — не просто два раза перенес клиническую смерть, но еще и сохранил отчетливые воспоминания о так называемых «пост-мортемных видениях». Пресловутый «тоннель» существует на самом деле — такой, как описано в литературе. Или изображено на известной картине Босха. После второго такого переживания, особенно яркого и реалистичного, я наконец понял, что должен оставить свои прежнюю работу. Мое назначение — готовить таких, как вы, к мирному отправлению в Тоннель. Это как в метро. Сажаю вас в вагон, вы машете мне рукой. Осторожно, двери закрываются. А следующая остановка — уже «Ботанический сад».

Поразительно, но Громов опять смеется, и слушатели ему вторят. Меня же начинает пробирать дрожь.

— И я буду ходить сюда все три месяца?

— Нет, что вы. Обычно курс продолжается недолго. В среднем пять-шесть занятий. В особенно трудных случаях десять. Но бывает, что довольно и пары уроков. Слушатель сам чувствует, что ему уже достаточно. Прощается со мной и уходит. Мы расстаемся с улыбкой. Я счастлив, когда отпускаю человека, который пришел ко мне слабым и дрожащим от страха, а уходит сильным и успокоенным. Но хватит предисловий. Давайте начинать занятие. Не будем испытывать терпение остальных. Здесь ведь у каждого своя беда.

В коридоре шаги. Легкие, танцующие. Никто еще не вошел, а уже по звуку можно определить: это женщина. Красивая, молодая, самоуверенная.

Так и есть.

Эффектная брюнетка с нервным, очень белым лицом, в брючном костюме из тонкой лайки останавливается на пороге. Все оборачиваются. Она смотрит только на Громова. Я не понимаю, что означает легкая судорога, проходящая рябью по ее чертам. Волнение? Отвращение? Или, наоборот, восторг? Может быть, просто насмешка?

— Я в последний раз. — Хрипловатый голос пресекается. — Попрощаться. Больше вы меня не увидите.

Поворачивается, чтобы уйти, но напоследок скользит взглядом по сидящим. Глаза смотрят прямо на меня. Что-то меняется в этом поразительном лице. Что-то в балансе света и тени.

Ресницы дрогнули, будто подавая мне знак. Женщина выходит, но в этом подрагивании ресниц мне померещился зов.

— Прощайте, — говорит Громов в спину женщине. Говорит печально. Или, может быть, озабоченно. — Не будем отвлекаться.

Я понимаю: он обращается персонально ко мне.

— Обернитесь и смотрите мне в глаза. Я чувствую, что вы раскрылись, между нами возникла связь. Но эта связь эфемерна. Мгновение — и уйдет.

Выберите один из вариантов продолжения

Сейчас, еще секунду. Мне почему-то хочется увидеть, как исчезнет, скроется за углом стремительная фигура. Женщина позвала меня за собой? Но почему? Зачем? Я ее не знаю, впервые вижу.

Перейдите к главе 2(1)

Тряхнув головой, я отгоняю нелепую фантазию. Куда может звать меня женщина, которой я знать не знаю? Оборачиваюсь к Громову.

Перейдите к главе 2(2)

Глава 2(1)

Сейчас, еще секунду. Мне почему-то хочется увидеть, как исчезнет, скроется за углом стремительная фигура. Женщина позвала меня за собой? Но почему? Зачем? Я ее не знаю, впервые вижу…

— Вы ко мне повернетесь или нет?

В голосе Громова прозвучала легкая нота раздражения. Я обернулся. Не я один смотрел вслед той женщине — все кроме Громова провожали ее взглядом. И выражение лица у каждого было странным. Хотя в этом паноптикуме нормальных лиц вообще не было. Разве я сам выглядел нормально?

— Извините…

Громов посмотрел мне в глаза, покачал головой.

— Поздно, момент упущен. У вас очень сильная броня. Минуту назад вы приоткрылись. А теперь опять глухая стена. — Он вздохнул. — Слишком твердый характер. При вашей биографии это неудивительно. Ничего. Я буду наблюдать за вами и ждать.

Это человек действительно разбирался в психологии. Не знаю почему, но взгляд черноволосой женщины что-то во мне изменил. Я уже не чувствовал себя подопытной лягушкой, которую сейчас начнут препарировать. Когда Стрекоза сказала: «Пусть расскажет про себя. Мы все через это прошли. Чем он лучше?» — я пожал плечами. Мой голос больше не дрожал.

Topreading.ru

Это человек действительно разбирался в психологии. Не знаю почему, но взгляд черноволосой женщины что-то во мне изменил. Я уже не чувствовал себя подопытной лягушкой, которую сейчас начнут препарировать. Когда Стрекоза сказала: «Пусть расскажет про себя. Мы все через это прошли. Чем он лучше?» — я пожал плечами. Мой голос больше не дрожал.

— Хотите знать подробности? Ну что… Начались боли в желудке. Сначала глухие, потом сильные. У меня врач знакомый, очень хороший. Назначил обследование. Потом говорит: «Зачем ты столько терпел? Теперь ничего нельзя сделать. Можно, конечно, помучить тебя химией, но это ничего не даст. Ты мужик крепкий, поэтому говорю как есть. Три месяца у тебя остается. Максимум».

Глаз Стрекозы под зеркальными стеклами было не рассмотреть. Костлявые пальцы крутили перламутровую пуговицу на блузке. Угол тонкогубого рта скривился. Что означала эта гримаса? Недоверие, сарказм, презрение? Во всяком случае, не сочувствие. Заглянуть бы этой жухлой ведьме за очки.

— Про болезнь неинтересно. У всех примерно одно и то же, — сказала Гюрза. — В чем ваша проблема?

— То есть? Разве того, что мне осталось жить максимум три месяца, мало? Это по-вашему не проблема?

Громов опять улыбнулся одними глазами.

— Если дело только в этом, вы — легкий случай и долго ко мне ходить не будете. Но дело ведь не только в страхе смерти, правда?

— Колитесь. — Гюрза тронула свои черные густые волосы, опускавшиеся ниже плеч. Она была бы красавицей, если б не жуткая желтизна кожи. — У нас тут друг от друга секретов нет.

Я молчал.

— Хотите маленький сеанс стриптиза? — Она засмеялась. — Я когда узнала, что мне скоро карачун, сначала с перепуга по сексику ударила. Во все тяжкие. Напоследок.

Черепах оскалил неестественно белые, наверняка искусственные зубы:

— Ой, вы никогда про это не рассказывали!

Гюрза дернула костлявым плечом:

— Ничего интересного. На групповухе есть одно правило. Если приходит кто-то новенький, часто жмется, стесняется. Напирать ни в коем случае нельзя, только кайф обломаешь. Никто не обращает на новичка внимания, все начинают заниматься делом, — она сделала похабный жест, — и человек сам потихоньку заводится, подключается.

Я заметил, что Громов перестал участвовать в разговоре. Сел, сложив руки на груди. Смотрел на дверь. И вид такой, будто нас не слушает, а думает о чем-то своем.

— Что во мне, по-вашему, самое интересное? — Глаза у бойкой брюнетки были, как сверла. Мне доводилось встречать людей с таким взглядом. Самые опасные особи на свете. Невзирая на половую принадлежность.

— Вы красивая, — осторожно сказал я.

— Ага. — Гюрза рассмеялась и вдруг дернула себя за локон. Черный парик соскользнул. Обнажился совершенно голый череп. — Залюбуешься, какая краля.

Что случилось с моей хваленой наблюдательностью? Как я мог не заметить, что волосы фальшивые? Это сулажин виноват. Ну и психоз, конечно. Хорошо, что я ушел со службы, хоть Лев Львович и отговаривал. Убеждал, что мне надо с головой погрузиться в работу. Это в моем положении лучше всего. Много от меня было бы проку в таком хреновом состоянии.

Черепах хихикнул, похлопав себя по точно такой же, как у Гюрзы, лысой макушке. Очевидно, он видел этот трюк раньше. А Баранчик, до сих пор ни разу не раскрывший рта, глазел на свою спутницу всё с тем же обожанием. Я ей даже позавидовал. Пускай он по виду болван болваном, но не бросил же. Не отшатнулся. Даже сюда за ней притащился.

— Самое интересное во мне то, что я оторвалась. Как тромб. — Гюрза зачем-то ткнула острым локтем своего обожателя. Он застенчиво улыбнулся. Щеки пошли ямочками. — В какой-то момент страх взял и пропал. Я почувствовала себя самым свободным существом на свете. Что хочу — то и сделаю. Чего мне бояться? Кто меня *теперь* чем-то испугает? Не понравится кто-нибудь — возьму и грохну. Как от не фига делать. Так что вы со мной повежливей. Очень советую.

— Совет не по адресу, — ответил я. — Грохните, сделайте одолжение.

Шутить я не собирался, но все одобрительно засмеялись, а Черепах заметил:

— Наш человек.

Я посмотрел на Громова — и встретился с ним глазами. Оказывается, он и слушал, и наблюдал. За мной. Внимательно.

— Работаем, — коротко сказал он. — Случай нетривиальный, но работаем. Спасаем общество от лишних жертв. Вы ведь в людях хорошо разбираетесь?

Я кивнул.

— Как по-вашему, правду говорит Оксаночка или интересничает?

— Правду. Буду с ней предельно вежлив. На самом деле я хочу прожить свои три месяца до конца.

Все опять засмеялись. А Гюрза перестала пиявить меня глазами.

— Ну а что скажете про Альбину? — Громов сделал легкий поклон в сторону Стрекозы. — Это еще более трудный случай.

Я повернулся к немолодой тетке. Попытался сосредоточиться. Мешали два моих отражения в зеркальных стеклах.

— Даю подсказку. Альбина — владелица кафе.

Topreading.ru

— Тоже онкология… — протянул я, рассматривая иссохшее лицо. Когда-то, еще недавно, голова у меня работала что твой процессор. Кафе? При чем здесь кафе?

— Ах, какая проницательность, — прошипела Стрекоза. Бескровные губы задергались — того гляди плюнет в физиономию. — Прямо Шерлок Холмс.

— Синдром обиды. — Громов вздохнул. — В тяжелой форме. Ненависть ко всем окружающим. На первом занятии Альбина призналась, что все время думает об одном и том же. Не насыпать ли напоследок яду в кофейную машину. На кого бог пошлет.

— И насыплю, — сказала Стрекоза. — Вы меня пока не отговорили.

Он погладил ее по плечу.

— Время есть. Отговорю.

— Видеть их всех не могу! Будто я закупорена в бутылке, за стеклом. А они радуются, руками размахивают. Они все там, а я здесь.

Это-то мне было хорошо понятно. Если б я работал в каком-нибудь веселом месте вроде кафе, может быть, тоже всех бы возненавидел. Хотя вряд ли. Какое мне до них дело?

— Что скажете про нашего Игоря?

Громов показал на Баранчика, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Ну здесь-то я был более или менее уверен. Даже позволил себе съязвить. На правах такого же приговоренного, как эти две стервы.

— Очарованный смертью. Влюбился в обреченную красавицу. Всюду за ней таскается. На тот свет, вероятно, тоже потащится.

Гюрза снова сверкнула на меня глазами. Я ухмыльнулся. Подмигнул. Хочешь укусить? Валяй. Видал я в своей жизни рептилий и поопасней.

Баранчик захлопал светлыми ресничками. Оп-ля! У него и слезы выступили.

— Опять мимо. Я не мог ошибиться насчет вашей проницательности, я в таких вещах не ошибаюсь. Значит, ваш интеллектуальный ресурс дезорганизовался вследствие потрясения… — Громов достал крошечную книжечку. Что-то в ней пометил. — Игорь ближе всех к смерти. Патологическая склонность к спонтанной тромбоэмболии. Развилась в результате неудачной операции. Тромб может оторваться в любую секунду. Это экстремально стрессовое состояние.

Теперь я понял, почему Гюрза толкнула Баранчика в бок, когда сказала об оторвавшемся тромбе.

— Поэтому эмоциональную близость с Оксаной надо только приветствовать, — продолжил Громов. — Они познакомились уже здесь. И полюбили друг друга.

— Встретились два одиночества, — подмигнул мне Черепах. — Романтично. Но недолговечно.

Сам не знаю, отчего я так разозлился на «дезорганизацию своего интеллектуального ресурса». Диагноз был точный, и рявкнул я не на Громова, а на Черепаха, в котором было что-то отталкивающее:

— Ну, а с вами что? Вы давно сюда ходите?

Он улыбнулся:

— Дольше всех. Больше года.

— Что же это за болезнь такая, неторопливая?

— Сердечко. — Он комично скривил губы. — Три инфаркта, два шунта. Могу помереть в одночасье, а могу покоптить небо еще лет этак несколько.

— Я не хотел принимать Сергея Ивановича, — сказал Громов. — Это нетипичный для моих курсов случай. Но Сергей Иванович так упрашивал…

— И столько плачу за право присутствовать на этих беседах, — перебил Черепах. — Только здесь, в этом подвале, я ощущаю себя полноценно живущим. Там… — Он показал вверх и в сторону. — …Там я доходяга, инвалид, по которому могила плачет. А здесь на общем фоне я здоровяк и долгожитель. Сколько за этот год интересных людей повидал. И пережил. Вас, бог даст, всех тоже переживу… Ой, как они на меня смотрят!

Он зашелся от смеха, перешедшего в поперхиванье.

Что правда, то правда: мы, все четверо, даже травоядный Баранчик, одинаково сдвинули брови, а Гюрза даже зашипела — того гляди жало высунет.

— Брэк, — поднял руку Громов. — Спасибо, Сергей Иванович. Достаточно. Вы думаете, что я пускаю вас сюда из-за денег, а на самом деле вы исполняете очень полезную функцию раздражителя, без которого не может эффективно работать ни одна группа. Но смотрите не переборщите. А то Оксаночка вас прикончит, и я потеряю сразу двух пациентов. Какой это будет удар для моей самооценки и репутации!

Кажется, Черепах в самом деле троллил нас вполне сознательно. Во всяком случае, он немедленно перестал хихикать, положил ногу на ногу и умолк.

— Разминка закончена, — легко сказал Громов. — Я понаблюдал за вами, Николай. И, пожалуй, готов сказать, в чем заключается ваша главная проблема. В какой именно точке сконцентрирован эпицентр вашего страха. Если мой диагноз верен, это будет означать, что ключ у нас в руках. Останется лишь вставить его в замок и повернуть.

Я пожал плечами.

— Умирать страшно. Как любому человеку. Вот и вся проблема.

— Страх — одна из наиболее сложных, многонюансных эмоций. — Громов грустно улыбнулся.

Я начал привыкать к этой его странной улыбке одними глазами. — С моей точки зрения, страх — это, собственно, даже не эмоция, это болезнь. Страх опаснее и вреднее любого физического недуга. Он мучает, парализует, убивает. Но если есть болезни, не поддающиеся излечению, то элиминировать страх всегда можно. Надо лишь правильно установить патогенез. Вам, Николай, только кажется, что вы боитесь смерти. На самом деле, если я правильно в вас разобрался, вы боитесь совсем другого.

— Чего это «другого»?

Я не мог взять в толк, к чему он клонит.

Громов поднял ладонь: погодите, не перебивайте.

— Корень проблемы в том, что вы храбрый человек. Привычный к риску. Я и сам был таким же. Мне легко вас понять. Вы ведь, выражаясь пафосно, не раз смотрели смерти в глаза?

— Приходилось…

— И ведь не трусили?

— Вроде нет…

— А сейчас чувствуете себя дрожащей биомассой и сами себя за это презираете. Наверное, мечетесь по дому? Бывает, что и плачете?

Я не ответил.

— Стыдиться тут нечего. — Громов заговорил тише, мягче. — Есть такой синдром, называется «Страх храбреца». В определенной специфической ситуации бывает, что люди слабохарактерные, даже робкие встречают смерть довольно спокойно, с достоинством, а прославленные смельчаки совершенно теряют лицо.

— В какой такой ситуации? — пролепетал я.

— На эшафоте. У вас в анкете, в разделе «Изменение привычек», в графе «Чтение», написано: «Стал читать только историческую литературу». Это, кстати говоря, довольно распространенное явление среди моих пациентов с культурным уровнем выше среднего. У меня есть гипотеза, объясняющая этот психологический феномен, но не буду сейчас отвлекаться… Так вот, если вы хорошо знаете историю, вам наверняка известны казусы, когда храбрецы перед казнью молили о пощаде, или вырывались из рук палачей, или вопили. Я читал, что современников поразило малодушие, которое проявил на плахе Эдвард Стаффорд, доблестный рыцарь, победитель множества турниров, приговоренный к отсечению головы Генрихом Восьмым. Глава штурмовиков Рем, герой Первой мировой, когда его расстреливали, рыдал и бился. А вот трусоватый Риббентроп перед виселицей…

— Завязывайте с историей, а? — хрипло сказал я. Меня начинало трясти от этой лекции. Или от вкрадчивого голоса Громова. Или от чего-то другого. Не знаю. Я сам не понимал, что со мной.

— Хорошо. Я вот к чему веду. Храбрый человек — это человек, обладающий даром принимать быстрые решения в ситуациях повышенного риска. Когда есть выбор между тем, чтобы спрятаться от опасности или ринуться ей навстречу, он выбирает второе. *Но должен быть выбор.* А у осужденного на смерть никакого выбора нет. Вы, Николай, боитесь не смерти, а

отсутствия выбора. Вы чувствуете себя связанным бараном, которому гарантированно перережут горло, и он ничего не может с этим поделать — только блеять…

Я зажмурился.

Откуда он знает?

Вчера ночью мне приснился кошмар. Именно про это. Как будто я снова в горах, в плену у «чехов», и меня сейчас зарежут. Вывернули руки, подносят к горлу ржавый зазубренный тесак, а я не могу даже отвернуться — сзади тянут за волосы. Я проснулся с воплем.

— В слезах ничего стыдного нет, — быстро сказал Громов. — Плачьте. Это полезно…

Но расклеиваться на людях — до этого я еще не докатился.

— Покурю, — буркнул я сдавленно.

Быстро поднялся, чуть не опрокинув стул. Вышел.

— Браво, маэстро, — пробасил за моей спиной Черепах. — Не устаю восхищаться.

Громов ответил ему:

— Молчите…

В коридоре я никак не мог вытащить из пачки сигарету. Не слушались пальцы. А когда наконец достал, увидел на стене табличку «Thank you for not smoking» — и бульдог в котелке с перевернутой книзу трубкой.

Окей. Покурить на свежем воздухе — это еще лучше.

***

Во дворе я вдохнул полной грудью весенний воздух. Дышать стало легче. Руки дрожали, но клокотание в горле утихло.

Чертов «маэстро» попал в самую точку. Бараном на бойне — вот кем я себя чувствовал все эти дни. И вдруг подумалось: а может, хрен вам всем? Катитесь со своими тремя месяцами?

Не уверен, что Громов желал достичь именно этого эффекта. Но впервые за двенадцать дней тоскливый ужас немного отодвинулся.

Я сразу позвонил Льву Львовичу и рассказал про свою идею.

Он выслушал, не перебивая. Когда я замолчал, сказал:

— Ну, этот выбор у тебя остается всегда. И пистолет не понадобится. Есть способы получше. Застрелиться гораздо трудней, чем ты думаешь. Мне дважды приходилось доставать пулю из мозга несостоявшихся самоубийц. Оба выжили. Правда, одного парализовало, а второй остался идиотом… Нет, Николай. Я тебя к Громову не за этим посылал. Пусть он с тобой еще поработает.

И отключился. Он редко говорит «до свидания».

Topreading.ru

После разговора с Львом Львовичем мне, как всегда, стало легче. Я выпустил струйку дыма, огляделся.

Двор как двор. Обычный старомосковский каменный колодец. Ни деревца. Только освещенные и неосвещенные окна, асфальт, припаркованные машины.

Одна из них («ауди», кроссовер) вдруг коротко мигнула фарами. Кто-то там сидел за рулем. Женщина.

Это она мне? Больше во дворе никого не было.

Я подошел.

Опустилось стекло.

— Не угостите сигаретой? — спросил хрипловатый голос, который я сразу узнал.

Это была она, красавица-брюнетка, заходившая к Громову попрощаться и так странно на меня посмотревшая. Или показалось?

— У меня крепкие.

— Я люблю крепкие.

Я поднес ей зажигалку. Обычно, когда даешь прикуривать, люди смотрят на кончик сигареты. Но женщина смотрела на меня, сосредоточенно. В матовых глазах вспыхнули два огонька.

— Так и есть, — тихо сказала она.

— Вы о чем?

— Садитесь. Покурим и поговорим.

Значит, не показалось. Что-то ей нужно.

Раньше меня не пришлось бы долго уговаривать сесть в машину к такой красотке. А сейчас заколебался. Ей что-то от меня нужно, а мне от нее — ничего. Так не отказаться ли, вежливо?

Но сел, конечно. В какой-то книжке я читал, что любопытство — один из самых живучих человеческих инстинктов. Сильнее только голод. И страх.

Она щелкнула кнопкой на потолке. В салоне зажегся свет.

— Зачем? — спросил я. — В темноте курить лучше.

— Хочу вас получше рассмотреть. В подвале толком не успела…

Она действительно уставилась на меня. Особенно ее заинтересовали шрамы. Их у меня два: от угла левого глаза вниз и на правой скуле. Следы осколков.

Я знал, что шрамы меня не уродуют, а только придают эффектности. Телки на них всегда

залипают. То есть залипали. Теперь мне это стало по барабану.

Никакого женского интереса в цепком взгляде брюнетки не чувствовалось. Интенсивная, даже какая-то воспаленная заинтересованность — несомненно. Но не африканская страсть, это точно.

Что ж, поиграем в гляделки. Я тоже принялся ее рассматривать.

Необычное лицо. Я таких, пожалуй, не встречал. Только что оно казалось красивым — но женщина слегка повернулась, тени легли по-другому, и вся красота пропала. Медуза Горгона, и только. Я даже слегка отодвинулся. Но она приподняла подбородок — и я опять залюбовался.

— Я смотрю, мы оба не сторонники церемоний, — сказал я. — И место, в котором мы встретились, не располагает к светскому ля-ля. Поэтому спрошу напрямую. Вы ведь из нашей братии?

Если нет, то спросит: «какой такой братии»? Но она не спросила.

— Ясно. Вы пришли к Громову прощаться, потому что… Потому что он вам помог?

Опять ни «да», ни «нет», только все тот же жадно изучающий взгляд.

— Он вам действительно помог?

— А?

Я понял, что она меня не слышала.

— Что с вами? — спросил я сердито. — Чем вы больны?

— Ничем. — Она прищурилась, будто решая или прикидывая что-то. — Я совершенно здорова.

Растерявшись, я пробормотал:

— Что ж вы делали у Громова?

Она отвернулась, включила фары.

— Потом объясню. Когда мы лучше узнаем друг друга.

— А за каким хреном мне узнавать вас лучше? — Я почувствовал, что закипаю. В последнее время я стал очень легко заводиться, с пол-оборота. — Покурили, поболтали — и арриведерчи. Я сюда пришел не для того, чтобы с вами болтать. Мне нужно возвращаться к Громову.

— А за каким хреном мне узнавать вас лучше? — Я почувствовал, что закипаю. В последнее время я стал очень легко заводиться, с пол-оборота. — Покурили, поболтали — и арриведерчи. Я сюда пришел не для того, чтобы с вами болтать. Мне нужно возвращаться к Громову.

Я взялся за ручку, даже приоткрыл дверцу. Но не вышел. Потому что напоследок посмотрел на женщину, а она на меня. Что-то неуловимое опять изменилось в ее облике. Она показалась мне ослепительно прекрасной. Главное, я никак не мог понять выражения ее глаз. Что в них читалось — мольба или насмешка? Если мольба, то отчаянная. Если насмешка, то очень уж злая.

Topreading.ru

— Громов от вас никуда не денется. А я денусь. Сейчас уеду — и вы меня больше никогда не увидите.

— Может, оно и к лучшему? — пробурчал я, сопротивляясь притяжению этого взгляда.

— Может быть. Это вам решать… — Она опустила голову. Сияние будто погасло. — Если я в вас ошиблась, то безусловно к лучшему.

И опять я не разобрал, что прозвучало в ее голосе — презрение или отчаяние?

Сейчас пошлю ее к черту, а потом буду ломать голову: кто она и что это значило? Вроде бы в моем положении должно быть на всё наплевать, но жизни осталось так мало. Может быть, это последняя загадка, которую жизнь мне загадывает.

Я захлопнул дверцу. Протянул руку.

— Николай.

Она шумно вздохнула.

— Слава богу. Не ошиблась. Лана.

Ладонь у нее была узкая, холодная и неожиданно сильная.

— Ты на машине? — спросила она. — Можем сесть к тебе, если хочешь.

— У меня нет машины. Давай к делу. — Я тоже перешел на «ты». — Тебе чего от меня надо?

Ответа я не получил.

— Поехали отсюда, а? У меня от этого места мурашки по коже. — Она поежилась. — Ты далеко живешь?

— Далеко. В Выхино.

— Машины нет, живешь в Выхино. А на лузера непохож. — Она завела двигатель, тронула. — В Выхино так Выхино.

— А кто я, если не лузер? Ниже падать уже некуда…

— От тебя зависит. Жизнь такая штука, что даже в самый последний миг можно отыграться.

Я искоса поглядел на нее, ожидая продолжения. Но она молчала. Лампочку в салоне Лана погасила, по ее профилю скользил отсвет уличных огней.

Угол рта у нее подрагивал. Не мольба и не насмешка. Что-то другое.

— Так о чем будем говорить?

— Не гони. Я должна посмотреть, как ты живешь. Ты ведь один живешь? Это видно.

Ах, так меня не просто подвозят до дома? Ко мне мылятся в гости?

— Что еще тебе видно?

— Самое главное. Что мы нужны друг другу. Просто я это поняла сразу, а ты еще нет.

— Мне сейчас одно нужно. Участок на кладбище посуше. — Я ухмыльнулся, это у меня получилось не очень убедительно. — А что нужно тебе?

Молчание. Дороги были уже почти пустые, одиннадцатый час. Лана вела машину уверенно, совсем не по-женски.

— Ты вообще кто? — спросил я.

— Никто. Меня практически не существует.

— Интересничаешь…

Я отвернулся, стал смотреть на освещенные окна. Всё любопытство куда-то делось. То ли от сулажина, то ли от стресса я стал какой-то чудной. Ни на чем не могу сосредоточиться дольше, чем на несколько минут. Бывало, сижу, смотрю по телевизору кино, просто чтоб отвлечься — и скоро перестаю понимать, кто эти люди, о чем они говорят, из-за чего психуют.

— Адрес скажи.

Я вздрогнул. Мы уже проехали метро «Рязанский проспект». Это я надолго отключился. А о чем думал — не вспомнить. Может, ни о чем. Тупо глядел в окно — и всё.

Сказал ей адрес. Она набрала его на навигаторе — ловко, почти не отрываясь от дороги.

— Характер у тебя камень. Восемнадцать минут молчал. Ни разу на меня не взглянул. Мне такие мужчины всегда нравились.

Она заговорила по-другому. Ласково, чуть ли не заискивающе.

Мы уже подъезжали к моей тоскливой девятиэтажке. Она и раньше-то напоминала мне бетонный памятник на дешевом кладбище, а теперь подавно.

— Первый корпус — этот, так?

— Только у меня в квартире срач, — предупредил я. — Мягко говоря.

Лана коротко рассмеялась.

— А у меня в душе. Мягко говоря.

Опять интересничает. Бабы не умеют без этого, даже когда им совсем паршиво. А Лане, кажется, было сильно паршиво — я заметил, как дрожат у нее пальцы.

***

Лифт у нас в доме крошечный. Мы стояли очень близко, лицом к лицу. Она оказалась на полголовы ниже. Глядела на меня снизу. В таком ракурсе ее лицо опять переменилось.

Topreading.ru

Худенькая, хрупкая женщина смотрела на меня с волнением и трепетом. Как смотрят на последнюю надежду. Мы были в этом ящике, как в гробу. Отдельно от всех. Только она и я.

Лифт уже остановился, а мы всё стояли. Только когда двери стали снова закрываться, я опомнился.

— Пойдем… — сказал я глухо.

Мы начали рвать друг с друга одежду прямо в тесном коридорчике, не включив света. Я задыхался от нетерпения и жадности. Она тоже.

В комнате мы опрокинули стул. До дивана не добрались — повалились прямо на палас. И яростно, с рычанием и взвизгами, ударяясь о ножки стола и не замечая этого, терзали, рвали, пожирали друг друга. Не знаю, сколько времени продолжалось наше неистовое спаривание. Я никогда не встречал в женщинах такой алчности и такого неистовства.

Когда мы наконец расцепились, я перекатился на спину и долго не мог отдышаться. Смутно белеющая люстра выписывала надо мною круги, словно планирующая над Землей летающая тарелка. Стены покачивались. Пол кренился, как палуба.

— Николай…

Я с трудом повернул голову.

Лана лежала на боку, подперев рукой щеку и смотрела на меня. Ее огромные глаза влажно мерцали. Тело было узкое, серое.

— Теперь я вижу, что мы действительно были нужны друг другу, — сказал я, хмыкнув.

Она нетерпеливо дернула подбородком. В ней не было никакой расслабленности. Совсем наоборот.

— Ты кто? — спросила она. — У тебя глаза, как у волка. Тигриная пластика. Железные мышцы. Кто ты по профессии?

Я засмеялся. Впервые за двенадцать дней мне было почти нормально. Даже странно, как это я раньше не додумался до такого естественного способа релаксации.

Topreading.ru

Выберите один из вариантов продолжения

— Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Капитан Николай Раковский. Отряд быстрого реагирования. Тот самый СОБР, о котором вы наверняка слышали.

Перейдите к главе 3(1)

— Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Николай Зайцев.

Старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Следственного управления.

Перейдите к главе 3(2)

Глава 2(2)

Тряхнув головой, я отгоняю нелепую фантазию. Куда может звать меня женщина, которой я знать не знаю? Оборачиваюсь.

— Спасибо, Тоня, — очень серьезно сказал Громов. — Это важно, что вы меня послушались. Ничего, что я назвал вас «Тоня»? Может быть, лучше «Антонина»?

— Антониной я была две недели назад. Теперь я Тоня. Потому что тону и хватаюсь за соломинку.

Это я попыталась пошутить. Он не улыбнулся.

— Вы не утонете. Наоборот — вынырнете. Обещаю.

Я несколько напряглась — очень уж благостно это прозвучало

— Мне говорили, что здесь не религиозный кружок или что-то такое…

Вот теперь Громов улыбнулся, а по комнате прокатился смешок.

— Нет, мы тут не молимся, на Бога не уповаем. Религиозные люди ко мне не приходят, у них и так есть утешение. Отчаянный страх смерти — удел атеистов и агностиков. Тех, у кого нет веры. Каждый здесь справляется с этим страхом по-своему. И все вместе помогают друг другу. Позвольте, я представлю вам остальных. И вы сразу перестанете чувствовать себя такой одинокой.

Он подошел к Стрекозе, положил ей руку на плечо.

— Зоя через неделю ложится на операцию, вероятность успеха которой, согласно статистике, не больше двадцати процентов. Уже дала подписку, которая освобождает клинику от всякой ответственности. Вам может показаться, что один шанс из пяти — огромное богатство по сравнению с ситуацией, когда у тебя нет ни одного шанса. На самом деле это еще страшнее. Крошечная вероятность спасения катастрофически травмирует психику. Не дает возможности смириться с неизбежностью — ведь не факт, что это неизбежность.

— Все равно, — сказала я. — Я бы поменялась.

— Знаете, что сделала Зоя? — спросил Громов, не обратив внимания на мою реплику. — Ушла от мужа. Любимого. Прожили вместе почти тридцать лет.

— Ушла? Зачем?

Я смотрела на Стрекозу, но за темными стеклами ее глаз было не видно.

— Чтобы не подвергать его такому испытанию. Сказала ему, что теперь, когда сын вырос и уехал, им оставаться вместе незачем. Она хочет пожить одна. В свое удовольствие.

— И что муж?

— Он не знает про мою болезнь, — сказала Стрекоза и прижалась щекой к руке Громова. — Думает, у меня от менопаузы крыша поехала. Если операция удастся, я к нему вернусь. А если нет — ему будет легче. Он ведь и так меня уже как бы потерял.

— И что муж?

— Он не знает про мою болезнь, — сказала Стрекоза и прижалась щекой к руке Громова. — Думает, у меня от менопаузы крыша поехала. Если операция удастся, я к нему вернусь. А если нет — ему будет легче. Он ведь и так меня уже как бы потерял.

— Не понимаю. По-моему, это как-то не по-людски.

Никогда бы я раньше не сказала такое человеку прямо в лицо. Но теперь вся моя былая деликатность куда-то подевалась. Известный антропологический факт: у девяносто девяти процентов людей в обстановке смертельной опасности пропадают все навыки цивилизованного поведения. И только один процент продолжает вести себя с достоинством. Я не из этого процента.

— Видно ты, милочка, никогда никого по-настоящему не любила, — отплатила мне Стрекоза той же монетой.

— Брэк!

Громов поднял ладонь жестом рефери, который останавливает боксерский клинч.

— Это Александр Николаевич, — показал он на Черепаха, который мне слегка поклонился, оскалив морщинистую физиономию. — Он тоже ничего не сказал домашним про свою болезнь. Но по другой причине. Хотите рассказать Тоне сами?

— У вас лучше получится. Главное — короче. А то, если начну, сами знаете…

— Знаем, — решительно заявила Стрекоза. — Еще раз я не выдержу.

Черепах засмеялся, комически развел руками: ну вот, видите.

— У Александра Николаевича молодая жена, которую он очень любил…

— А она меня — постольку-поскольку, — подхватил Черепах. — Постольку, поскольку успешен, обеспечен и беспроблемен.

— Алё, мы договорились! — Стрекоза сердито заерзала. — На жалость не давить и к черту подробности!

Гюрза, зевая, полировала ногти хищно-багрового цвета. Баранчик не сводил с подруги жалобного взгляда.

— Довольно обычная история, — с печальной улыбкой сказал мне Громов. — Состоявшийся человек женился на юной красотке. Взаимовыгодный обмен: благополучие в обмен на молодость. Но одна из сторон нарушила соглашение и боится, что партнерша об этом узнает.

— Она меня сразу бросит, — вздохнул Черепах. — Никаких сомнений. Это бы ладно. Она ребенка заберет. Без жены я бы как-нибудь дожил. Сколько мне осталось? Но без дочки не смогу. Каждая минута рядом с ней — это счастье. Умом я понимаю, что девочке лучше от меня отвыкнуть. Что для нее моя смерть будет шоком. Но ничего поделать с собой не могу. И терзаюсь из-за того, какое я эгоистичное дерьмо…

— А что у вас за болезнь? Сколько вам осталось? Это известно?

— В том-то и дело, что неизвестно. Не буду обременять медицинскими подробностями. У меня обнаружили редкую патологию сердечно-сосудистой системы. Я могу умереть через минуту, а могу протянуть еще год или два. Два года жить одному? — Он передернулся. — Нет, этого я точно не смогу.

Я повернулась к Громову:

— Что вы тут можете сделать? Избавить Александра Николаевича от эгоизма? Чтобы он спокойно подыхал в одиночестве?

— Не знаю. У меня пока нет ответа. — Громов задумчиво покачал головой. — Но мы работаем над этим.

— А с вами что? — спросила я молодую пару.

— Со мной всё окей, — сказала Гюрза, наматывая на палец черную прядь. — Химия не помогла. Один врач говорит: месяц, другой: полтора. Плевать. Скорей бы уже. Хорошенького понемножку.

— Зачем же вы сюда ходите, если плевать?

— Из-за него. — Она показала костлявым пальцем на своего кудрявого спутника. У того на глазах выступили крупные слезищи — как в индийском кино. — Сильно психует.

— А что у вас за болезнь? — спросила я тогда парня.

— Я здоров… — Баранчик всхлипнул. Слезы скатились по румяным щекам. — Спасибо…

Это Громов подал ему салфетку.

— Ко мне не так редко приходят подобные пары. И всегда в психологической помощи больше нуждается тот, кто остается.

— Я не останусь! Не останусь! — вскрикнул Баранчик.

Гюрза закатила глаза ко лбу.

— Сделайте уже с ним что-нибудь, Олег Вячеславович!

Вот, оказывается, как звали Громова. Почти что вещий Олег.

— Блин, ты достал со своими истериками! — зашипела желтолицая девица, оскалив мелкие острые зубы. — Вытри сопли!

— «Из мертвой главы гробовая змея шипя между тем выползала», — продекламировала я. — Вы вещего Олега не укусите?

Я же говорила: в моем нынешнем состоянии у меня что на уме, то и на языке. В этом гулком, пустом ощущении свободы от всего на свете, вероятно, был бы своеобразный кайф. Если б не тошнотворный, неотступный, тоскливый ужас, если б не бессонница, если б не сулажиновая зависимость.

— Три стервы на одну комнату будет многовато, — ответила мне Гюрза, но довольно мирно, без агрессии.

Олег Вячеславович трижды хлопнул в ладоши.

— Всё, познакомились. Прошу тишины и внимания! Сегодня поиграем в детскую игру. Каждый из нас в раннем детстве любил вообразить собственные похороны. Как все плачут, произносят трогательные речи, терзаются тем, что нас обижали, и прочее. Было такое?

Кивнули все кроме Гюрзы.

— Я играла по-другому, — заявила она. — Я хоронила бабочек в спичечных коробках. Заживо.

— Тогда с вас и начнем, — ласково улыбнулся ей Громов. — Сейчас будут ваши похороны. Вы умерли, и мы провожаем вас в последний путь. Сначала произнесу речь я, потом остальные.

— Супер. Но если я померла, я лучше лягу. — Неприятная девица составила стулья, улеглась, сложила руки на груди, закрыла глаза — и точно: сделалась самой настоящей покойницей.

— Рит, не надо, а? — жалобно проблеял Баранчик. — Встань, а?

Господи, подумала я. Как меня занесло на это фрик-шоу? Зачем я тут торчу? Почему не уйду к чертовой матери?

Но не ушла.

Мы встали вокруг «усопшей», которая, по-моему, вошла в роль с большим удовольствием.

Громов тихо заговорил:

— Сегодня мы прощаемся с Маргаритой Степановой. Она прожила короткую и красивую жизнь…

Гюрза, не открывая глаз, процедила:

— Только без брехни, окей? А то меня стошнит прямо в гробу.

— …Она прожила короткую и красивую жизнь, — повторил Громов. — Короткая жизнь всегда

красива, потому что прерванный в начале полет, надломленный свежий стебель, недозвучавшая мелодия наполняют душу острой печалью, а это сильное и красивое чувство. Наша Рита была ярким человеком и замечательной художницей. Ее дерзкие фотоколлажи заставляли нас то восхищаться, то возмущаться. Думаю, со временем вклад, внесенный Ритой в искусство, оценят не только читатели ее блога, но всё художественное сообщество. Мы с вами видели лишь малую часть Ритиного наследия. Слава богу, у нее есть преданный друг, Леонид Ригель, который собирается открыть большой сайт, где будут собраны и классифицированы все работы Маргариты Степановой.

Баранчик несколько раз кивнул головой. Потом яростно замотал ею. Олег Вячеславович слегка коснулся его руки и продолжил:

— Тяжелая болезнь омрачила последний год Ритиной жизни, превратила ее в суровое испытание. Многих сломили бы такие страдания. Но Рита была сильным человеком. Она не предавалась жалости к самой себе, не мучила окружающих, не теряла достоинства. Несмотря на мучительные процедуры, на слабость, Рита продолжала работать. Она создала два новых художественных цикла, и этот последний период стал расцветом ее творчества. У покойной был трудный, конфликтный характер. Она часто ссорилась с людьми, бывала резкой. Но люди, общавшиеся с ней, в последний год взглянули на Риту по-новому. К сожалению, обычно мы начинаем по-настоящему ценить человека, только когда теряем его…

Он сглотнул, голос дрогнул. Я вдруг поняла, что Громов волнуется — он говорит искренне, он сам растроган.

— …Понимаете, когда человек уходит, после него в ткани бытия остается рваная рана. О масштабе и качестве ушедшего можно судить по размеру и глубине этой раны, по тому, насколько медленно она заживает и большой ли потом образуется шрам. На свете немало людей, исчезновение которых проходит почти незамеченным. Потому что их жизнь была малоосмысленной, и никто по ним горько не заплакал. А смерть Риты стала горькой потерей для многих, очень многих. В блоге у нее были тысячи «френдов», следивших за ее записями и творчеством. За последнее время число тех, кто сострадал Рите, восхищался ею, молился о ее выздоровлении, многократно возросло. Но Рита ушла, и теперь в тысячах душ осталась кровоточащая рана…

На этом прочувствованная речь прервалась, потому что Баранчик с ревом кинулся к «покойнице», сел на корточки и, давясь рыданиями, завопил:

— Марго, Марго! Почему ты не взяла меня с собой? Что я тут один? Как? Они все забудут, для них ты просто блог, а я… Я все равно умру!

Поднялась мощеобразная рука, щелкнула Баранчика по лбу.

— Ты чего, очумел? Перестань меня тискать, больно!

Гюрза приподнялась, злобно оттолкнула скорбящего. Тот шмякнулся на мягкую попу, захлопал глазами.

Это выглядело так комично, что я рассмеялась. Черепах держался за живот и хохотал. Стрекоза скалила неестественно белые зубы. Громов улыбался.

Это выглядело так комично, что я рассмеялась. Черепах держался за живот и хохотал. Стрекоза скалила неестественно белые зубы. Громов улыбался.

— Не удивляйтесь, — сказал он мне. — Наши занятия часто оканчиваются взрывом веселья. Правда, обычно сессия продолжается дольше. Но после этой интермедии, боюсь, вернуться в правильное настроение нам уже не удастся. На сегодня всё. Завтра увидимся в то же время.

***

После этого все как-то очень быстро ушли, а я замешкалась.

Громов сел за стол и что-то записывал в блокноте. А я стояла у двери и медлила. Сама не знаю, почему.

Нет, знаю. Нужно было решить, приду ли я сюда снова. И чего-то не хватало, чтобы определиться: да или нет.

Олег Вячеславович отложил ручку, поднял глаза. Я хотела сказать «до свидания» — и не сказала. Некоторое время мы молчали.

Потом Громов поднялся и подошел.

— Я ждал, останетесь вы или нет. Не хотел влиять на ваше решение. Часто бывает, что люди после первого занятия уходят и больше не возвращаются. Вы здесь первый раз, мне хотелось бы поговорить с вами индивидуально, но в таких случаях я никогда не проявляю инициативы. Если человек чувствует, что я могу помочь, он делает первый шаг сам. Если нет — значит, ему нужно что-то иное.

— Я пока не знаю, — сказала я. — У вас тут… странно. Пациенты у вас странные. И сами вы странный.

— Не странен кто ж? — Он улыбнулся. Я начинала привыкать к этой его улыбке одними глазами. — Здесь не употребляют слово «пациент». «Ученик» или «ученица».

— А вас, значит, нужно называть «учитель»?

— Нет, я тоже ученик. Вот сегодня представлял вам остальных и впервые осознал очень интересную вещь…

Он запнулся.

— Какую?

— Эти люди находятся на пороге смерти. Но все их мысли подчинены любви. Здесь несколько ее разновидностей, и все самоотверженные: у Зои — женская, у Леонида — мужская, у Александра Николаевича — родительская.

— А у Гюрзы? То есть у этой, как ее, Риты? Разве она кого-то любит?

— Конечно! Это ведь она привела сюда своего возлюбленного. Чтоб его спасти. Сама она ничего уже не боится, слишком устала от болезни. Мобилизация любви перед натиском смерти — как это естественно, как по-человечески! — Громов говорил всё оживленней — его увлекла эта мысль. — Близость конца требует от души напряжения всех сил. И любовь кидается на защиту всего, что ей дорого — как птица на защиту птенца. Против лисы-смерти у любви нет ни одного шанса, и всё же она отчаянно трепещет крыльями, кричит. Несколько раз на моих

глазах случалось чудо: хищница поворачивалась и убегала.

— От меня не убежит. — Что-то меня начинало знобить. Я обхватила себя за плечи. — Права ваша Зоя. Я никого никогда по-настоящему не любила. Никакая полоумная птица спасать меня не кинется.

Он посмотрел на меня, слегка наклонив голову. Словно решал, верить или нет.

— Если вы остаетесь, нам нужно наладить эмоционально-психологический контакт. Чтобы я вас чувствовал, а вы мне доверяли. Поработаем?

— Давайте. — Я сняла с плеча сумку, кинула на стул. — Что я должна делать?

— Идемте к столу.

Мы сели лицом друг к другу.

— Сейчас я немножко пошаманю. — Морщинки вокруг глаз пошли лучами. — Не бойтесь. Это не гипноз и не зомбирование. Будем настраиваться на одну волну. Приём очень простой, можно сказать, инфантильный — как игра в похороны. В моей методике вообще много детского. Когда человек готовится умереть, он будто возвращается назад, к истокам. Наносное и приобретенное отшелушивается. Остается только младенческое: больно — небольно, страшно — нестрашно. Моя задача — сделать так, чтобы вам было небольно и нестрашно.

— Моральный сулажин, — кивнула я.

— Что?

— Неважно.

Он не стал выспрашивать.

— Есть два способа взаимонастройки: тактильный и бесконтактный. В первом случае нужно взяться за руки. Во втором — не отрываясь смотреть друг другу в глаза. Как вам комфортней?

Выберите один из вариантов продолжения

Пальцы у меня были холодные и дрожали. Поэтому я сказала:

— Давайте лучше поиграем в гляделки.

Перейдите к главе 3(3)

Topreading.ru

Пальцы у меня были холодные и дрожали. В прежней жизни я бы постеснялась протягивать мужчине такие руки. А сейчас подумала: «Не надо ничего скрывать. Какая есть, такая есть». И молча подала влажные ладони.

Перейдите к главе 3(4)

Глава 3(1)

— Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Капитан Николай Раковский. Отряд быстрого реагирования. Тот самый СОБР, о котором вы наверняка слышали.

— Я знала! — Лана возвела глаза к потолку. — Спасибо, Господи! — Села по-турецки, щелкнула меня по носу. — У меня глаз — алмаз. Никогда не ошибаюсь в людях.

— Чего ты так обрадовалась-то? — удивился я.

— А шрамы откуда? — спросила она, будто не расслышав.

— От верблюда. На войне был.

Лана торжественно продекламировала из какого-то стихотворения:

— Славою увитый, шрамами покрытый, только не убитый. Именно такой мне и нужен.

Она легко, не коснувшись руками пола, поднялась.

— Где у тебя свет включается? Хочу посмотреть на твою берлогу.

Щелкнула выключателем, и стало светло.

— Ты хоть шторы задвинь, — сказал я, любуясь ее стройной фигурой. — Или накинь что-нибудь.

— А? — рассеянно переспросила Лана, скользя взглядом по книжным полкам.

Обычно голая женщина, когда на нее смотрит новый любовник, либо стесняется, либо старается продемонстрировать свое тело в наиболее выигрышных ракурсах. Но Лана держалась так, будто была полностью одета и просто зашла в гости. Я не мог понять, почему она разглядывает мое убогое жилище с таким сосредоточенным вниманием.

— Так зачем я тебе нужен?

Она снова будто не расслышала.

- Кто это? — спросила, беря со стола фотокарточку в рамке. — Хорошенький пацанчик. Сын?

— Неважно. — Я поднялся, начал одеваться. — Не хочу про это.

В последние дни я старался о Лёшке вообще не думать. Иначе мне захотелось бы увидеть его напоследок. Вика права, ни к чему это.

— Ну и не говори. Я сама тебе расскажу…

Лану совершенно не смутило, что теперь я был одет, а она по-прежнему оставалась нагишом. Взгляд у нее был такой острый, что мне показалось, будто это я стою перед ней голый.

— История такая… — Она сложила руки на груди, подперла щеку. — У тебя была жена. Оказалась стервой. Вы развелись. Она забрала ребенка и не дает с ним видеться.

Я оторопел.

— Откуда ты знаешь?

— Элементарно, Ватсон. На фотке ребенок, а вторая половина отрезана. Пацанчик здесь никогда не бывает — ни игрушек, ни детских книжек. Ты сообщил своей бывшей, что загибаешься, а она тебе даже не разрешила попрощаться с сыном. Наверное, сказала, что не хочет травмировать детскую психику. Так?

— Ну ты даешь…

— На самом деле эта твоя… как ее?

— Вика.

— …Эта твоя Вика тебя бортанула не из-за детской психики, а потому что с тебя уже взять нечего. Квартира съемная, прежнюю ты жене оставил, а больше у тебя ни шиша нет. На кой с таким папкой прощаться?

Я поднял с пола колготки и кожаные брюки, швырнул ей. Меня трясло от злости.

— Одевайся! И вали отсюда, Шерлок Холмс с сиськами.

— Я не Шерлок Холмс. — Лана сладко улыбнулась, балансируя на одной ноге. — Я твой ангел.

— Ко мне теперь только один ангел может прилететь, — пробурчал я. — Смерти.

Она застегнула молнию на лайковой куртке, встряхнула волосами.

— Я и есть ангел смерти. Именно так зовут меня клиенты. Я очень добрый ангел. И очень щедрый.

Теперь головой затряс уже я. С сулажином иногда не разберешь, наяву что-то происходит или мерещится.

— Что ты сказала?

— Сядем к столу? Разговор будет серьезный. — Мы сели напротив друг друга. Свет люстры отражался в Ланиных глазах, и я, как завороженный, всё смотрел на эти огоньки. — У тебя будет, что оставить сыну. Я заплачу тебе миллион. Долларов.

— Миллион долларов? За что?

Я вонзил ногти в ладонь, чтобы проверить, не галлюцинация ли это. И не понял, потому что не ощутил боли. Под сулажином можно руку хоть в огонь совать — кроме легкого щекотания ничего не почувствуешь.

— За смерть. Не твою, конечно.

— В каком смысле? — спросил я, подумав.

— Уф. — Лана вздохнула. — Не думала, что ты такой тормозной. Нужно убить одного человека. Ясно? Ты ведь умеешь убивать. Тебя учили. На войне доводилось?

Миллион долларов, ни хрена себе, подумал я. Еще подумал: это происходит наяву. И только потом представил, как позвоню Вике и скажу ей. Вот когда она вокруг меня запрыгает, хвостом завиляет. Но разве в ней дело? Я обеспечу Лёшке нормальное будущее. Вырастет — скажет: «Я плохо помню отца, но он любил меня, он обо мне позаботился».

Кажется, Лана поняла мое молчание неправильно.

— Не сомневайся, это жуткая сволочь. Такого грохнуть — человечеству одолжение сделать. У меня это дело принципа. На приличных людей или даже на тех, которые туда-сюда, я заказов не беру.

— Ты вообще кто? — спросил я, глядя на эту молодую женщину словно впервые.

Как это я сразу не заметил, что глаза у нее, будто у ящерицы: немигающие, со стеклянным блеском.

— Диспетчер. Беру заказы, нахожу исполнителей. Работа как работа. Мне нравится.

— Ясно. Расскажи про твою «жуткую сволочь».

- Значит, берешься?

Я промолчал, ждал ответа.

— Это большой человек в криминальном мире. Прозвище — Фиксер.

— Вряд ли такой уж большой. Иначе я бы про него слышал.

— Именно потому что он мегабольшой, ты про него и не слышал. В поле зрения полиции такие деятели не попадают. Фиксер не нарушает законов. Он — решальщик, посредник. Сводит друг с другом нужных людей, помогает решать трудные проблемы. Иногда выступает гарантом на сделках и стрелках.

Лана закурила. Я смотрел на ее уверенные движения, слушал деловитый голос и не мог поверить, что еще несколько минут назад мы с ней кувыркались на полу.

— Если он такой безобидный, кому понадобилось его убирать?

— Это не наше с тобой дело. Наверное, Фиксер пытается разрулить какую-нибудь проблему, а клиент очень не хочет, чтобы Фиксер ее разрулил. До такой степени не хочет, что готов выложить серьезные бабки. Из которых исполнителю положен миллион. Сколько достанется мне — не спрашивай, не скажу.

— Это понятно. Но миллион — что-то много для исполнителя. Я киллерские расценки примерно представляю. И вообще — почему ты не обратилась к какому-нибудь профи? Если ты диспетчер, должна их всех знать.

Она кивнула — ожидала вопрос.

— Никто из профессионалов не возьмется. Тут есть одна засада.

— Какая?

— У Фиксера охрана, как у президента государства средних размеров. Говорю тебе, это очень большой человек. Подорвать нечего и думать. Подстрелить издалека невозможно. А если вблизи, то потом не уйдешь. Телохранители положат на месте. Теперь сообразил, почему я обратилась к тебе?

— Потому что мне все равно каюк?

— Вот именно. Когда мне дали заказ на Фиксера, я всю голову себе сломала: кто возьмется за такое дело? Ведь чистое самоубийство. Хорошо дядям из «Аль Каиды» — у них полно придурков, готовых положить жизнь во имя Джихада. А тут работа неидейная, коммерческая. И вдруг эврика! Сообразила. - Лана рассмеялась. — Нужно поискать среди людей, которым нечего терять. Потолкалась по онкодиспансерам, по больницам. Узнала про курсы Громова — записалась. Но там, сам видел, одни лохи. Зашла попрощаться, потому что Громов — мужчина интересный и вообще на будущее пригодится, идейка-то золотая. Вдруг вижу тебя. По всем приметам — тот, кто мне нужен. Еще вопросы есть?

— Один... — Я тоже закурил. Сквозь серо-голубой табачный дым Лана вновь показалась мне таинственной и очень, очень красивой. — Если ты такая деловая, на кой нужно было со мной трахаться? Просто сказала бы, и всё.

Ее глаза замерцали.

— А я серьезно отношусь к своей работе. И у меня свои методы. По тому, как мужчина ....., — она спокойно произнесла грубое слово, — я определяю, чего он стоит в деле.

— Врешь. С холодной головой так не воют и губы себе до крови не кусают. Захотелось с живым покойником попробовать? У которого покупаешь за миллион остатки жизни? Ну и как оно, пошло в кайф?

Впервые мне удалось вывести ее из себя.

— Слушай, я не поняла: ты мочила или доктор Фрейд? За работу берешься?

Она была права. У каждого свои тараканы в голове. Если она мной и попользовалась — не жалко. Я внакладе не остался.

Разговор перешел на конкретику. И сначала обсудили денежную сторону. Насчет главного Лана меня успокоила: гонорар я получу сразу и сполна. «Вне зависимости от результата», — сказала она.

— То есть, если я до Фиксера не доберусь и меня замочат телохранители, деньги все равно достанутся сыну? — уточнил я. — Щедро.

Она гордо ответила:

— Я выбираю исполнителей, и я за свой выбор отвечаю.

«Значит, тебе платят сильно больше миллиона», — подумал я.

Просто поразительно, как быстро всё устроилось. Лана записала имя и адрес моего сына. В пару минут, прямо с моего компьютера, открыла на его имя счет и перевела семизначную сумму.

Мне оставалось только самому поменять пароль. Лана дала хороший совет: заморозить вклад до Лешкиного 18-летия. Во-первых, чтоб жена не растратила, а во-вторых, за это время миллион превратится в два. «Начиная с восемнадцати пусть банк выплачивает ему только проценты, чтоб хватило на учебу, а доступ ко всей сумме пускай будет в тридцать лет, когда у парня уже кое-какие мозги появляются», — посоветовала Лана. Я, честно говоря, растрогался. Правда, ненадолго.

— Деньги переведены на мой счет. Не боишься, что я тебя кину? — сказал я. От всех этих событий накатило какое-то шальное, легкомысленное настроение. Захотелось пошутить.

— Нет, не боюсь, — так же легко ответила Лана. — У нас ведь есть залог — твой сын. В случае чего — сам понимаешь… Ты глазами не сверкай. Я-то тут при чем? Кинешь ведь ты не меня — клиента. Он и обидится.

После этого вся моя веселость улетучилась. Инструкции касательно дела я выслушал молча. Лана заставила повторить, кажется, засомневавшись, всё ли я запомнил. Я повторил слово в слово. С памятью у меня проблем не было.

Когда мой «ангел смерти» ушел, ужасно захотелось позвонить Льву Львовичу. Просто чтобы рассказать, как оно всё поворачивается. Пусть хоть один человек на белом свете (Лана не в счет) знает, на что я иду ради сына.

Выберите один из вариантов продолжения

Минут пять я колебался, звонить или нет. Даже «вызов» нажал, но тут же дал отбой. Не поможет мне теперь Лев Львович. Отныне я сам по себе.

Перейдите к главе 4(1)

Нет, рассказывать о том, что я собираюсь замочить большого бандюгана, конечно, было

нельзя. Зачем делать Льва Львовича соучастником убийства? И вообще, мало ли кто может подслушать. А вот спросить о том, что меня беспокоит, пожалуй, стоило.

Перейдите к главе 4(2)

Глава 3(2)

— Секс как повод для знакомства? Ну окей, мадам. Позвольте представиться. Николай Зайцев. Старший оперуполномоченный отдела по борьбе с бандитизмом Следственного управления.

— Ты — полицейский? Сыщик?

В темноте стремительно качнулась серая тень. Лана села на пол, обхватила себя за плечи.

— Нет, правда?!

— Ну да. Мент, следак. Теперь уже бывший. Ушел на больничный. С концами.

— Как странно, — сказала она. — Как странно… Это очень странно…

— Чего странно-то?

Она всхлипнула. Замотала головой — словно отгоняла какую-то мысль.

— Это не сон. Это всё на самом деле, — сказала Лана, и я понял — это она проверяла, не мерещится ли ей наш разговор.

— Я так много разговариваю сама с собой, что иногда у меня бывают глюки. — Она опустилась на четвереньки, протянула руку и дотронулась до моего подбородка. Потом до плеча. Коротко, нервно рассмеялась. — Ты точно не глюк.

— Хочешь еще раз убедиться?

Я тоже взял ее за холодные плечи. Но она отодвинулась, села.

— Может быть, это судьба. Может быть, она меня пожалела. Я как только тебя увидела, что-то такое почувствовала… Господи, неужели…

У нее стучали зубы.

— Э, да ты совсем закоченела. — Я встал, взял с кресла плед. — Вот, накинь. Пойдем на диван. Я тебя согрею. Что ты почувствовала? При чем тут судьба?

Лана послушно встала, пошла за мной. Мы легли, и она прижалась ко мне. Ее худенькое тело всё дрожало.

Topreading.ru

— Рассказывай. Что у тебя за проблемы?

Она молчала, спрятав лицо у меня на груди. Кожу щекотнуло теплое, мокрое.

— Опа-на! Ты чего плачешь-то?

Я потянулся зажечь лампу.

— Выключи, — сказала Лана гнусавым голосом. — Я всё тебе расскажу. И, может быть, ты меня спасешь… Но сначала…

И она стала целовать меня, гладить, царапать ногтями. Продолжала всхлипывать, но уже не жалобно, а прерывисто, судорожно, с исступлением. И всё нашептывала что-то.

Не сразу я разобрал слова: «Полюби меня… Спаси меня… Полюби меня… Спаси меня…»

Во второй раз у нас всё было совсем не так, как в первый. Долго, медленно, с паузами. Я не открывал глаз, почти не двигался.

«*Не один. Я не один*» — вот что я думал. Остальное сейчас не имело значения.

Я сам не заметил, как уснул. Но и во сне я всё время чувствовал, что рядом есть кто-то горячий и живой.

Мне снилось, что я лежу на морском берегу. Песок нагрет солнцем. Рядом со мной большая мохнатая собака. Когда-то, в детстве, у меня была московская сторожевая Кира. Я ее очень любил. Теперь псов этой замечательной породы почти не увидишь. Не знаю, куда они делись.

Мне снилось, что я лежу на морском берегу. Песок нагрет солнцем. Рядом со мной большая мохнатая собака. Когда-то, в детстве, у меня была московская сторожевая Кира. Я ее очень любил. Теперь псов этой замечательной породы почти не увидишь. Не знаю, куда они делись.

Кира разнежилась под теплыми лучами. Я почесываю ее вислое ухо. Она тыкается влажным прохладным носом мне в живот, подставляя другое ухо. Шелестят волны.

«Кира, — шепчу я. — Где же ты была? Если б ты была со мной, всё было бы по-другому. Помнишь, как ты меня защищала? Эх, ты…» Мне смутно помнится, что в моей жизни что-то было не так. Но теперь всё наладилось. Бояться больше нечего. Кира со мной.

Кира заурчала. Зевнула, разинув широченную острозубую пасть.

И вдруг вгрызлась в мой живот.

Заорав от невыносимой боли, я скрючился. Стал отталкивать мохнатую башку, но шерсть с нее слетела, как пух с одуванчика, и я вцепился ногтями в голую кожу.

— Ты что? Больно! — взвизгнула предательница Кира женским голосом.

Я корчился на диване, обеими руками хватаясь за живот. Такого сильного приступа у меня никогда еще не было. Перепуганная Лана жалась к стене.

— Та… та… таблетки! — простонал я, давясь криком. — Скорей! Там… в кармане… Свет включи!

Невыносимо долго она рылась по карманам куртки. Потом уронила пузырек. Никак не могла открыть крышечку — тряслись руки. Всё это время — и еще несколько минут, пока подействовало лекарство — я катался по дивану, заталкивая, запихивая боль обратно в живот.

Наконец отпустило. Я лежал весь в испарине, обессиленный.

— На, выпей воды.

Лана подала стакан. Я не заметил, когда она успела одеться. В окно лился тусклый свет. На часах было без четверти семь.

— Извини, — сказал я, садясь. — Со мной бывает. Надо было на ночь таблетку принять. Забыл.

Она стояла надо мной, смотрела в сторону. Лицо отсутствующее, неживое. Рассвет — плохое время для женской красоты. Но с Ланой он обошелся как-то уж особенно жестоко. Я бы ее не узнал, честное слово. Сегодняшняя Лана отличалась от вчерашней, как перегоревшая лампочка от сияющей. Померкший свет, мертвые проволочки-морщины. Должно быть, я здорово напугал ее.

— Ты правда извини. Я болен, ты же знаешь.

— Да, ты болен, — вяло ответила она. — Ты совсем болен. Это ты меня извини. Мне не следовало…

Я уже чувствовал себя почти нормально. Оделся, сдвинул на столе хлам.

— Сейчас умоюсь, заварю кофе, и ты мне расскажешь про свои проблемы.

— Не надо кофе. Я сейчас уеду…

— Как это? — я остановился на полдороге к двери. — То «спаси», а то вдруг «уеду»?

Лана взяла со стула сумку.

— Ты не сможешь меня спасти. Ты болен. Меня никто не сможет спасти. Это мне с отчаяния примерещилось… Пусти, мне пора.

Но я не отодвинулся. Мне было трудновато сосредоточиться — сулажин начинал плавить мозги.

— Ты всё перепутала. Ты же здорова. Это меня не спасти.

— Да, я здорова. Но я умру раньше тебя. Пожалуйста, дай пройти.

Она смотрела вниз. Я не видел ее глаз.

— Я не понимаю…

— И не нужно. У тебя своих бед хватает. Прощай.

Лана подняла лицо. Поразительно — оно опять сияло. Во всяком случае глаза.

— Живи, сколько получится, сыщик. Спасибо тебе. Я стала совсем холодная, ломкая, будто ледышка. А ты немного согрел меня напоследок. Так и умирать легче.

Topreading.ru

Опять интересничает, подумал я. Глубже на крючок сажает. Лучше не напирать — в следующий раз сама расскажет.

— Ну гляди, — сказал я. — Передумаешь — звони. Забей мой номер в память.

— Хорошо…

Я продиктовал, она потыкала в кнопочки тонким пальцем. Брать у нее номер я не стал. Захочет — сама позвонит. А она обязательно позвонит, сто процентов.

Чмокнулись в дверях. Ушла.

Вообще-то неправильно было подходить к окну и смотреть, как она выходит из подъезда. Когда-то я хорошо знал правила этой извечной игры в кошки-мышки. Чем больше тебя зацепила женщина, тем меньше выказывай свою заинтересованность. А Лана меня зацепила крепко. В моем состоянии это неудивительно.

И все же я встал у окна. Когда Лана оглянулась, высчитывая этаж (а она конечно же оглянулась — женщина есть женщина), я не стал прятаться за штору. Слишком мало оставалось у меня времени. Глупо было тратить его на копеечные маневры.

У машины Лана обернулась еще раз. Помахала мне. Взялась за ручку. Потянула.

Рама дрогнула. Задребезжало стекло. Вместо «ауди» на тротуаре надулся и лопнул пузырь из огня и дыма.

Первое, что я сделал — потер глаза. До такой степени был уверен, что снова вижу сон. Но видение не исчезло. Облако разрасталось. На асфальт падали какие-то железки. Подпрыгивая, катилось вдоль бордюра колесо. Дом на той стороне улицы будто захлопал десятками глаз — там отдергивали шторы.

Сквозь дым на тротуаре проступило размазанное пятно — словно кто-то размашисто выплеснул ведро помоев.

Я был на войне. Я знаю, что остается от человека после направленного взрыва.

Прошло всего несколько секунд. Еще оконное стекло не перестало дребезжать. Только что Лана махала мне рукой. И вот — пятно на тротуаре.

Я не стал на это дальше смотреть. И думать ни о чем не стал. Сел на пол, у подоконника, закрыл руками лицо. Дал сулажину покачать меня в своей дурманной колыбели.

***

Иногда, особенно если проснуться ночью, возникает ощущение, что *всего этого* на самом деле нет. Диагноза, болей, метания в четырех стенах. То ли это невероятно цепкий кошмар, который никак не отвяжется. То ли я переместился из реальности в какое-то иное измерение, где всё устроено по-другому. То ли я вообще уже в загробном мире.

Сейчас я тоже сидел и бормотал: «Так не бывает, так не бывает». Ну ведь правда же — не

бывает.

Но сон это был или неотличимая от сна реальность, одно не вызывало сомнений: странная женщина по имени Лана, так неожиданно проникшая в мою распадающуюся жизнь, исчезла и больше не вернется.

Это не я ее согрел. Это она обожгла меня своим нервным пламенем. Одна яркая вспышка — и снова темнота. Остался легкий аромат духов, подтверждающий, что Лана действительно здесь была. И еще царапина на запястье — этот она впилась в меня ногтями в момент страсти.

А может быть, взрыв — это фокусы сулажина? Сейчас выгляну — а на улице всё тихо. Никаких обломков.

Я вскочил, будто вытолкнутый пружиной.

***

Оказывается, на улице сияет солнце. Оно уже выглянуло из-за соседней крыши. Это значит, что прошло часа два. Или больше. А показалось, что я просидел под окном не больше пяти минут.

Дырки во времени, дырки в сознании.

Никаких фокусов. Я увидел кучку людей около обломков. Оцепление. Толпу зевак на отдалении. Полицейский эвакуатор с краном стоял неподалеку. Ждет, пока эксперты закончат работу. Быстро ребята приехали. К взрывам в Москве относятся серьезно.

Еще вчера мне казалось, что отнять у меня уже нечего. Я гол и нищ. Тающая ледышка жизни — всё, что у меня остается.

Нет, это Лана говорила про ледышку…

Господи, какой же я урод! Мог остановить — и не остановил! Решил, что девочка интересничает.

А она твердо знала, что умрет. Что ей угрожает смертельная опасность. Она так неистово обнимала меня, так в меня впивалась, потому что я показался ей последним шансом на спасение. Но я подвел и предал ее. Сначала жалкими корчами, продемонстрировавшими мою никчемность. Потом своей непробиваемой тупостью.

Я дал ей уйти, и она погибла.

Судьба решила напоследок сделать мне драгоценный подарок. Необыкновенная женщина могла наполнить мою иссыхающую жизнь волшебным эликсиром, смыслом, счастьем! Если б я мог спасти ее от неведомых врагов — или хотя бы попытался это сделать — мне и умирать было бы нестрашно!

Лузер, тряпка, последнее чмо — вот кто я. И нечего жаловаться на свою долю. Я получаю то, что заслуживаю. Буду коптить небо еще три месяца, заглушая боль наркотиками, а потом сдохну. И никто обо мне не заплачет, потому что не из-за чего плакать.

Я стоял, ревел, хлюпал носом и колошматил ребром ладони по подоконнику. Мне хотелось

Topreading.ru

ощутить боль, расколотить себе руку в кровь или переломать кости. Но из-за чертова сулажина никакой боли я не чувствовал, а руки у меня натренированные, удар сильный. Подоконник взял и треснул.

Кисть была цела, только покраснела. Я посмотрел на свою руку и перестал выть.

Я болен. Я скоро умру. Но силы меня пока не оставили. Профессиональные навыки тоже никуда не делись. И голова работает — если не слишком сильно налегать на сулажин.

А еще у меня есть три месяца или около того. Чем тратить их на нытье и жалость к себе, несчастному, или на лекции специалиста по преодолению страхов, не лучше ли раскрыть последнее в своей жизни дело? Найти того или тех, кто преследовал и убил Лану. Ведь я был хорошим сыщиком. Мне всегда поручали расследования, требующие дотошности и упорства. Когда награждали орденом, начальник Управления (он заядлый собачник) сказал: «У Зайцева нюх, как у гончей, а хватка, как у бульдога». Неужели же я за три месяца не раскрою это дело? Двадцать четыре часа в сутки буду землю рыть, но найду убийцу. И когда найду, накажу по справедливости, а не по закону. Что мне теперь закон?

Ох, не повезло тебе, гадина, что Лана в последний вечер своей жизни повстречала Николая Зайцева. Или не тебе, а вам — если тут шайка.

Слезы у меня высохли. Сулажин перестал раскачивать пространство. В моем существовании появился смысл. Я стал собой прежним. Только вдесятеро сосредоточенней, целеустремленней. И злее.

Ну-ка без эмоций. По существу.

Произошло так называемое «техническое» убийство, то есть с применением технических средств — заминирования автомобиля. Предумышленные убийства такого рода самые труднораскрываемые, потому что обычно их совершают не на горячую голову. И почти всегда профессионалы.

Про жертву пока известно очень мало. Примерный возраст — около тридцати, имя — Лана (Светлана?). Не исключено, что на самом деле ее звали как-то иначе. Судя по одежде и по марке машины убитая была женщиной обеспеченной. Еще я знаю, что она ждала покушения, кто-то очень серьезный ей угрожал. Кажется, это всё.

Про «Подготовительные курсы», где я впервые увидел Лану, и про Громова, который наверняка может рассказать про свою знакомую, я пока думать не стал. Это от меня никуда не денется. Сначала нужно собрать сведения с места преступления. И поглядеть, кто там работает. Понятно, что кто-то из наших, но кто именно?

У меня есть хороший бинокль, память о войне. Я встал у окна, навел оптику на фокус.

Распоряжались двое. Один от ФСБ, по повадкам видно. Раньше я его не видел. Плотный мужик, немолодой. Рожа скучающая — значит, уже понял, что убийство не по его части. Второй активный. Он стоял ко мне спиной, кивая Лесюкову из экспертно-криминалистического. Лесюков — это паршиво. Он на меня после одного прошлогоднего дела зуб затаил. Единственный из всех технарей, кто со мной даже не попрощался, когда я уходил в отпуск по болезни, и все знали, что ухожу с концами. Этот мне ничего не скажет. Можно, конечно, попытаться, но…

Здесь старший группы повернул голову, и я перестал думать про Лесюкова.

Серега Полухин! Другое дело. Полухин мне был не то чтобы друг. Мои друзья все на войне погибли, а новыми я не обзавелся. Но с Серегой мы несколько раз работали, в столовке иногда обедали за одним столиком.

Я спустился вниз. Показал парню из оцепления корочку, подошел.

— Ты чего, вышел с больничного? — немного удивился Полухин, пожимая мне руку. — Вроде позвонили, от вас Луценко едет.

— Нет, я тут живу. Вон мой дом. Гляжу из окна — ё-моё. Спустился посмотреть.

— И не слыхал, как рвануло? Здоров же ты спать. Тут чуть окна не повылетали.

— Я на лекарствах. Отключаюсь наглухо, — мрачно сказал я.

Полухин виновато сморгнул.

— Понятно…

— Чего тут у вас делается? Кого грохнули? Бандюгана или коммерса?

— Бабу какую-то. Лесюков говорит, дверца машины была заминирована. Направленный заряд, эквивалент под тысячу. Сам понимаешь, опознавать особенно нечего. — Он показал вниз и в сторону, где судмед ковырял что-то на асфальте. Я нарочно в ту сторону смотреть не стал. — От документов тоже ни хрена не осталось. Но машина на имя… — Полухин заглянул в блокнот. — Каратаевой Светланы Витальевны, 1980 года рождения.

Ее действительно звали Ланой. Она меня не обманула. Я кашлянул — запершило в горле.

— Мои начали опрашивать жильцов. — Полухин кивнул на зевак и на девятиэтажку. — Пока голяк. Ни машины, ни бабы этой никто раньше здесь не видел. Если, конечно, за рулем была эта, как ее, Каратаева.

— Дай посмотреть. Я тоже жилец.

— Садыков! Дуй сюда! Покажи фотку.

Подошел парень-стажер, незнакомый. У него на мобильном была фотография владелицы автомобиля — скинули из компьютерного центра.

Да, это была Лана. Только волосы светлые. Ей так было лучше, блондинкой. Лицо мягче, моложе. И взгляд совсем другой. Хотя скорее всего это она из-за стресса так изменилась. Постоянный страх здорово меняет внешность. Уж мне ли не знать.

— Ну? — спросил Полухин.

— Впервые вижу. Я, правда, здесь меньше года живу. Но такую цыпу точно бы срисовал. Придется вам, мужики, по всем ста восьмидесяти квартирам култыхать. Сочувствую.

Topreading.ru

Он выругался.

— Слушай, Зайцев, помог бы, а? У меня завал, во! — он провел большим пальцем по горлу. — В каждую дверь звони, объясняй, половина не откроет. А ты тут свой. Выяснить бы, к кому она приезжала — считай, полдела.

Тут Полухин спохватился — вспомнил, что я инвалид и наполовину покойник.

— Ладно, Коль, извини. Это я того… Ты мне лучше вот с чем помоги. «Ауди» этой в десять вечера здесь не стояло — вон тот дед гулял с собакой, точно говорит. А взорвали нашу Светлану Витальевну в шесть пятьдесят пять, когда она садилась в тачку. Баба молодая, при всех делах. Скорее всего приезжала на квартиру к любовнику. Ночку поотжигала с ним, утром рано собралась восвояси — и тут бумс! Сарпрайз.

Я улыбнулся. Черный юмор в нашей профессии — это нормально. Без него свихнешься.

— Ты мне вот что скажи: проживают у вас тут одинокие плейбои, которые могут хороводиться с красоткой на крутой тачке? Может, ты?

Он опять хохотнул, но осекся. Сообразил по моей хмурой роже, что юмор не в тему.

— Извини, Коль…

— Не факт, что она приезжала к кому-то в нашем доме, — серьезно сказал я. — Там сзади еще три корпуса таких же, во дворах не припаркуешься — всё забито. Кто в гости приехал, часто машину на улице оставляют. На той стороне улицы тоже дома. Я бы на твоем месте не стал тратить время на квартиры. Рой контакты. А насчет жильцов я покумекаю. Поспрашиваю. Времени у меня теперь до хрена. Если что узнаю — сообщу. Только ты меня сориентируй по деталям, когда пробьете Карабаеву эту по всем каналам.

— Каратаеву, — поправил Полухин, очень обрадовавшись. — Повезло мне, что ты тут живешь. Я тогда сейчас быстренько сворачиваюсь и поеду. Телку наверняка грохнули по коммерции или из-за чего-то делового. От ревности и неразделенной страсти грамотный заряд на дверцу не магнитят. Притом так ловко, что Каратаева взялась на ручку и ничего не заметила. Лесюков говорит, взрывная волна прямо от дверцы пошла. Это самое интересное. Так замаскировать — это уметь надо. Вот представь, садишься ты в свою машину, а у тебя прямо на дверце какая-то хрень прилеплена. Стал бы ты открывать или сначала подумал бы? Лесюков говорит, что у гэрэушников есть такие плоские мины, прозрачные, их почти не видно. Но сам он таких никогда не видал, только про них слышал. Соображаешь?

— Серьезный человек поработал.

— То-то и оно. Деловые контакты Каратаевой я пощупаю. Это быстро. А ты мне любовника найди. Вряд ли она в эту дыру по бизнесу приезжала.

— Очень деликатно, товарищ майор. Я тут живу между прочим.

Посмеялись. Потом Полухин посерьезнел.

— Ты молодцом держишься. Респект. Я расскажу ребятам. Мы много о тебе говорим. Зашел бы как-нибудь.

— Ага, — сказал я.

Зайду я к вам, как же. В последний день, когда прощался, все смотрели, как будто я уже в гробу лежу, в гарнире из цветочков. Ушел — вздохнули с облегчением. Но это нормально. Я уже говорил, друзей у меня нет.

Поручкались, разошлись.

***

Вот теперь у меня было, за что зацепиться.

Интересная получалась штука. Убийца знал, где ночью находилась Лана. Притом что сама она не знала, куда едет.

Проследили? Исключено. Хоть я по дороге из центра и отключился, но на повороте с Рязанки хорошенько поглядел назад. Это у меня привычка, автоматическая. С тех пор как пару лет назад меня крепко пасли бандюки. Чтоб я не заметил слежки — такое исключалось. Пустая за нами была дорога, до самого дома.

Значит, что? Убийца знал мой адрес и знал, что Лана едет ко мне. Притом что мы с ней познакомились только вечером.

Вывод? Яснее ясного. Мой адрес записан в анкете у Громова. Кто-то видел, как Лана меня увозит, а потом посмотрел в компьютере, где я живу.

Теоретически и практически это могли сделать шесть человек: Громов, его лысый ассистент или любой из четырех пациентов. Когда количество версий строго ограничено — это подарок для следователя.

Плюс к тому есть мощная наводка: убийца обладает навыками взрывного дела и, что самое интересное, предположительно имеет доступ к экспериментальной спецтехнике. Информация о некой «прозрачной мине» из секретного арсенала ГРУ меня очень заинтересовала.

Я мысленно прошерстил подозреваемых, оставив самых очевидных напоследок.

Начал с пациентов. Понятно, что все они — болты с сорванной резьбой. Как и я. От каждого можно ожидать любых фокусов. Опять-таки, как и от меня. Когда человек знает, что жить ему осталось недолго, в голову начинают приходить самые дикие фантазии.

Гюрза про это сказала прямым текстом. Мол, ей человека пришить — раз плюнуть. Мало ли, из-за чего одна фальшивая брюнетка могла возненавидеть другую? Например, из-за того, что у той не парик на голой от химии башке, а настоящие волосы.

Начал с пациентов. Понятно, что все они — болты с сорванной резьбой. Как и я. От каждого можно ожидать любых фокусов. Опять-таки, как и от меня. Когда человек знает, что жить ему осталось недолго, в голову начинают приходить самые дикие фантазии.

Гюрза про это сказала прямым текстом. Мол, ей человека пришить — раз плюнуть. Мало ли, из-за чего одна фальшивая брюнетка могла возненавидеть другую? Например, из-за того, что у

той не парик на голой от химии башке, а настоящие волосы.

Другая женщина, Стрекоза, со своим «синдромом обиды» сама как мина замедленного действия. Оскорбилась на судьбу так, что ненавидит всех здоровых. А Лана была здорова и зашла попрощаться. Травмированная психика могла воспринять это прощание очень болезненно: вы, мол, подыхайте, а я пошла.

По-хорошему психопаток вроде Гюрзы и Стрекозы надо бы в запереть в отделение для буйнопомешанных.

«А тебя?» — спросило меня зеркало (я как раз брился).

А меня не надо. Я должен найти убийцу и рассчитаться с ним. Или с ней.

Черепах и Баранчик вчера опасными мне не показались. Но по опыту знаю: кусачие собаки небрехливы, а тихий человек часто бывает опаснее того, кто много скандалит и сыплет угрозами. Кроме того, среди виртуозов взрывного дела женщин не бывает. Во всяком случае, я о таких не слышал. Надо будет порыться в биографических данных Сергея Ивановича с Игорем. Установить личность обоих будет нетрудно.

Это всё были версии для разогрева. Каждую я мысленно пометил флажком. Перейти к двум главным объектам — самому Громову и его тихоне-ассистенту — не торопился. Для этого требовалась полная ясность мысли, а чертов сулажин, действие которого было ослаблено потрясением, снова начинал туманить мне мозг.

Я решил позвонить Льву Львовичу.

Когда я сказал, что все мои друзья погибли, а новых не появилось, это верно только отчасти. У меня появился Лев Львович, просто он не друг. С друзьями выпивают, к ним ходят в гости, вместе ездят в отпуск, обмениваются откровенностями, помогают им и принимают от них помощь. Мои отношения со Львом Львовичем — игра в одни ворота. Это я с ним откровенничаю, изливаю душу, прошу о помощи. Он — никогда. Мы даже не видимся, только говорим по телефону. И звоню всегда я. Долгое время я даже лицо его помнил неотчетливо, будто сквозь туман. Ничего удивительного. Первый раз я увидел Льва Львовича, когда лежал на операционном столе: надо мной склонился кто-то, закрытый марлевой повязкой. Уже несколько часов я то терял сознание, то ненадолго приходил в себя, но плохо соображал, где я и что со мной. Думал, сон вижу. И приснился мне кто-то без лица, но с сосредоточенными серыми глазами, и сказал: «Ничего, я тебя склею. Будешь, как новенький».

Лев Львович меня склеил и я стал, как новенький, если не считать шрамов. Наш взвод в горах попал в засаду. Все мои друзья погибли. Не только друзья — вообще все. А меня подобрали. На мне живого места не было, у любого другого хирурга я бы умер.

Потом несколько раз он приходил ко мне в палату и долго со мной разговаривал. Но это был только голос, потому что две недели я пролежал с повязкой на глазах. После того, как из башки извлекли осколок, что-то там случилось со зрительным нервом, и глаза нельзя было травмировать светом. Но Лев Львович твердо обещал, что я не ослепну, поэтому я не беспокоился. Единственный и последний раз я увидел его, когда мне снимали повязку. «Ну вот, я же обещал, — сказал Лев Львович. — Меня переводят в Москву. Больше не увидимся. Будут проблемы — звони. Оставляю номер мобильного». За две недели я придумал, как он должен выглядеть: пожилой, с мягким лицом под стать голосу и, наверное, с бородкой. Но Лев Львович оказался совсем не таким. Он сидел спиной к ярко освещенному окну, и мои глаза после долгого затемнения плохо видели, но врач оказался моложе, чем я думал, а лицо

жесткое, угловатое.

Пока я работал на Петровке и все у меня было более-менее нормально, я ни разу ему не звонил. Во-первых, зачем отнимать время у занятого человека, через руки которого наверняка прошли сотни раненых вроде меня. Во-вторых, хотелось забыть про войну и про всё, что на ней было.

Но когда сильно заболел живот и я испугался, поняв, что это всерьез, я обратился не в ведомственную поликлинику, а к Льву Львовичу. Ужасно обрадовался, когда он взял трубку — ведь сколько лет прошло, номер мог смениться. Мне казалось, что если я обращусь не к обычному врачу, а к Льву Львовичу, ничего ужасного у меня не обнаружится. Максимум какая-нибудь язва.

Приезжай, сказал он. Когда я приехал (он теперь работает в режимной клинике без вывески), мы очень долго разговаривали. «Ты сильно изменился», — сказал Лев Львович. А я не понял, изменился он или нет, потому что впервые его как следует разглядел. Он задал мне много вопросов — не только про боли, а вообще про всё. Выписал направление на анализы. Дальше — ясно. «На этот раз я тебя не склею, — сказал Лев Львович. — Не получится. Но я тебя не брошу. Я буду с тобой до самого конца. Чем смогу — помогу. Запиши номер телефона, который я никогда не выключаю».

Теперь я звоню ему по новому номеру несколько раз в день. Он в основном молчит. Произнесет несколько слов, даст короткий совет — и всё. Иногда мне кажется, что я звоню в никуда и разговариваю сам с собой. Может, половина разговоров мне вообще мерещится. С сулажином — запросто.

— Мне нужна ясная голова, — сказал я в трубку. — Без сулажина я не могу, а с ним становлюсь полудурком. И руки дрожат.

Он не спросил, зачем мне ясная голова. Только задал вопрос:

— Это тебе очень нужно?

— Очень.

— Прими десять капель из синего пузырька, который я тебе дал. Побочные эффекты исчезнут, координация движений восстановится. Но предупреждаю: в некоторых случаях это нейтрализует анестезирующий эффект сулажина. Причем навсегда.

— …Навсегда?

Я вздрогнул. Без сулажина я болей не вынесу.

— Да. Вероятность подобной несовместимости невелика, но она есть. Может быть, не стоит?

Если вероятность невелика, можно и рискнуть.

— Стоит. Вы ведь говорили, что в какой-то момент сулажин все равно перестанет мне помогать…

— Да, но еще не скоро. Примерно через три месяца.

— Но вы говорили, что мучиться я все равно не буду… Что вы мне поможете…

— Мучиться ты не будешь. Слово.

— Спасибо.

Я отсоединился.

Хорошо, что есть Лев Львович. Теперь можно заняться делом.

На перекрестке я поднял руку, и ко мне подкатили сразу две машины: черный «мерин», весь битый-трепаный, привет из прошлого тысячелетия, был ближе, но со встречки через сплошную лихо развернулась белая «девятка» и срезала «мерину» нос.

— Куда ехать, командир? — крикнул через открытое окно разбитной водила. — Давай ко мне, поддержи отечественное!

Из черной машины высунулся носатый брюнет. Качнул головой: садись.

Выберите один из вариантов продолжения

Я решил сесть к нахалу. Потому что нахалы удачливы, а удача сегодня мне была очень нужна.

— На Малую Дмитровку. Пятьсот. Без торговли.

— Хрен с тобой. Грузись.

Перейдите к главе 4(3)

Болтливый попутчик мне сейчас был ни к чему. Поэтому я прошел мимо «девятки» и сказал нерусскому человеку:

— На Петровку. Пятьсот.

Он молча кивнул, глядя в сторону.

Перейдите к главе 4(4)

Глава 3(3)

Пальцы у меня были холодные и дрожали. Поэтому я сказала:

— Давайте лучше поиграем в гляделки.

— Хорошо. Сядьте ровно. Расслабьтесь. Вообще забудьте, что у вас есть тело. Смотрите мне прямо в зрачки… Вот так.

Глаза Громова будто застыли. Они глядели прямо на меня, но, казалось, видели что-то совсем иное. Во всяком случае, никто и никогда не смотрел на меня с таким выражением.

Какие черные у него были зрачки. Будто две глубокие шахты. Или два тоннеля, про которые он говорил в гостиной. Что там, в них? Я невольно подалась вперед.

— Не надо так близко, — сказал Громов ровным, тихим голосом. — В самую душу никому заглядывать не следует. Можно провалиться и не вынырнуть.

— Это вы про любовь? Не беспокойтесь. Мне сейчас как-то не до романтики.

— Нет. Я про потерю автономности. Нельзя растворять свою душу в чужой, это самообман и преступление против себя. Душа, ставшая частицей другой души, перестает существовать.

Удивительно, но я очень хорошо поняла смысл этой туманной фразы. Я всегда это чувствовала, только не умела сформулировать. Если кто-то — муж, любовник, подруга — пытались снять последний эмоциональный барьер, я всегда отстранялась. Наверное, поэтому не могла никого полюбить. Боялась. И сейчас Громов объяснил мне природу этого страха.

— Я чувствую, что мы уже на одной волне, — сказал он. — Обычно это занимает намного больше времени. Если вообще удается. С вами легко. Кажется, обучение будет недолгим.

Его взгляд был ласковым, но без фамильярности. Приглашал к откровенности — и в то же время побуждал сохранять дистанцию.

— Вы к кому-нибудь обращаетесь на «ты»? — с любопытством спросила я. — Кто-нибудь, говорит вам «ты, Олежек» или «ты, Олежка»?

Глаза улыбнулись.

— Никто. Странно, что я об этом раньше не задумывался. С тех пор, как я порвал с прежней жизнью, вокруг нет людей, с которыми я был бы на «ты». С бывшими сослуживцами и знакомыми отношения я прекратил, нам не о чем разговаривать. Родственников у меня не осталось. На свете нет никого, с кем мне хотелось бы перейти на «ты». И это отлично. Мне нравится разговаривать на «вы». Если бы в мире все, абсолютно все были на «вы», жизнь стала бы намного лучше.

— Абсолютно все? Даже родители с собственными детьми?

— Конечно. Родители с детьми — обязательно. Ребенок только кажется зависимым существом, которым можно помыкать. Тут очень легко впасть в заблуждение. Но это отдельная душа, идущая своим путем, и обращаться с ней нужно с особенной деликатностью, потому что она еще не развившаяся, хрупкая. Если вы, конечно, желаете ребенку добра, а не руководствуетесь собственническим инстинктом.

— Но мир, где нет никого, к кому можно обратиться на «ты»… не будет ли он слишком

холодным?

И снова глаза слегка улыбнулись.

— Треть человечества говорит по-английски, где есть только you. Разве американцы или англичане как-то особенно холодны? Просто они в среднем уважительней относятся к правам другой личности. Зато у нас в России часто даже незнакомые люди моментально переходят на «ты». Разве из-за этого у нас меньше одиночества?

Я никак не могла понять, всерьез он это говорит или шутит, чтобы я расслабилась. Но я и так уже не ощущала напряжения. Мне просто нравилось разговаривать с этим человеком. Даже игра в гляделки не стесняла.

— То есть вы вообще исключили бы из русского языка местоимение «ты»?

— Я использовал бы это обращение только в двух случаях… — Громов почесал бровь и слегка кивнул, удовлетворенно. — Это маленький тест. Вы не перевели взгляд на мой палец — значит, связь прочная.

— В каких двух случаях? — подогнала его я. Мне было интересно.

— Во-первых, нужно быть на «ты» с самим собой. И здесь — никакой дистанции. Абсолютное понимание, полная откровенность. Человек, обманывающийся на свой счет, обязательно свалится в яму.

— С собой — это понятно. А с кем еще?

— Со смертью, конечно.

Я помолчала, пытаясь вникнуть.

— То есть с жизнью надо быть на «вы», а со смертью — на «ты»?

— Именно так. Вы правильно поняли. Жизнь — штука коллективная, ее приходится делить со многими. А смерть — твоя и только твоя. — Глаза не улыбнулись, а рассмеялись. Никогда не знала, что глазами можно смеяться. — Видите, в данном случае, когда речь идет о смерти, трудно обойтись без местоимения второго лица в единственном числе. Жизнь у человека можно отобрать. Смерть отобрать нельзя, ее можно лишь отсрочить. Люди живут и ставят перед собой самые разнообразные цели, иногда достигают их, чаще — нет. Но есть цель, не достичь которой невозможно. Что бы вы ни делали, вы приближаетесь к ней с каждым мгновением. Успех гарантирован.

— Это вы про смерть. — Я вздохнула. — Звучит невесело.

— Почему же? — Громов, кажется, удивился. — Смерть гораздо лучше жизни. Только нужно как следует подготовиться. Умирать, когда не готов, страшно, а главное — вредно.

Я улыбнулась. Он все-таки шутит.

— Вредно?

— Сейчас расскажу про свою вторую смерть, и вы поймете. В первый раз сердце у меня остановилось ненадолго, я мало что успел разглядеть и запомнить. А второй раз я был мертв целых пять минут. Описать это ощущение почти невозможно, в нашей жизни нет ни таких слов, ни таких понятий, но все же попробую. Я почувствовал, что меня подбрасывает вверх, что я будто взлетаю, но что-то мешает моему полету, что-то тянет меня вниз. Как будто… как будто я выдрался из трясины, а ноги еще там… — Он защелкал пальцами, неподвижное лицо чуть тронула нетерпеливая гримаса. — Нет, не ноги, а скорее что-то постороннее, но в то же время моё… Очень трудно объяснить. Ну вот представьте тесные сапоги, густо облепленные грязью. Эта тяжесть мешает полету, и сбросить ее нельзя. И я понял, что скинуть грязные сапоги можно лишь на земле. Иначе мне лететь с ними дальше. Опоры-то нет. И я решил вернуться. Не потому что здесь лучше, о нет! Но приставшую грязь проще и удобнее счищать при жизни, потом это будет намного трудней. Я не религиозен, но то, что я почувствовал по ту сторону жизни, кажется, не противоречит ни одной из религий.

Нет, он был абсолютно серьезен. Я перестала улыбаться.

— Как же вам удалось оттуда вернуться? Я где-то читала, что без кровоснабжения клетки мозга невосстановимо разрушаются через несколько минут.

— У меня очень сильная воля. Когда-то я специально тренировал ее. Эта нематериальная субстанция плохо изучена наукой. Из практики известно, что воля способна опровергать законы физики. Очевидно, речь идет о каком-то особом, незарегистрированном виде энергии. Китайские даосы продлевали свою жизнь на несколько веков — до полного очищения души от «грязи». Индийские йоги преодолевают гравитацию и парят над землей. Японские ниндзя умели убивать врагов бесконтактно, пучком направленного волевого излучения. Ближневосточные суфии исцеляли больного, забрав себе его недуг. Всё это — акты, превосходящие физиологические возможности человеческого организма. Я, пожалуй, не сумею вам объяснить, как мне удалось вернуться назад. Очень захотелось — и повернул. Врачи были потрясены, когда у меня вновь заработало сердце. Вы абсолютно правы насчет кровоснабжения мозга. Мне пророчили, что я никогда не выйду из комы. Но месяц спустя я очнулся. И помнил свое видение до малейших деталей. Очнувшись, я задумался над тем, как и зачем жить дальше. Ответ пришел быстро…

Громов на несколько секунд прикрыл веки, и я беспокойно шевельнулась — контакт прервался, мне его не хватало.

— Чтобы скинуть «грязные сапоги»? — догадалась я.

Он открыл глаза, улыбнулся ими, и всё снова стало хорошо.

— Да, чтобы очиститься и в следующий раз взлететь уже беспрепятственно. Дело в том, что у меня раньше была чрезвычайно грязная жизнь. Я ведь фанатик поставленной цели, а фанатики цели, как вы знаете, в смысле средств не чистоплюйничают. Я отправил на тот свет — такая у меня была служба — тридцать пять или, может быть, сорок человек. Видите, даже точно сказать не могу, сколько. Решил считать по максимуму: сорок.

— Господи, что же это у вас была за служба такая?!

— Контртеррористическая деятельность. Не будем про это, ладно? Я давал подписку о неразглашении. Это тяжкий груз, очень тяжкий. Но всякий раз, когда я, образно говоря, сажаю в лодку успокоенного, ничего не боящегося ученика, мой груз становится легче. Работа, которой я здесь занимаюсь, — мой путь к самоочищению. Были и неудачи, особенно вначале,

когда не хватало опыта. Но в тридцати двух случаях моя помощь оказалась эффективной. В тридцати трех, — поправился Громов. — Если считать женщину, которая сегодня приходила прощаться. Она готова, я ей больше не нужен. Еще семь таких побед — и всё, мой долг будет выплачен. Я стану чистым и свободным. Ничто не будет меня здесь удерживать…

Мечтательное выражение громовского лица — вот что подействовало на меня сильнее всего. Если человек, уже побывавший *на той стороне*, мечтает вернуться, зачем бояться? Впервые со дня, когда мне сообщили диагноз, я задышала свободно. Будто разжались когти, стискивавшие мое сердце.

Громов сразу уловил произошедшую во мне перемену.

— Вы удивительная женщина. Никогда еще не встречал такой восприимчивости и спонтанности. Мне кажется, будет довольно еще одного индивидуального занятия, и вы перестанете цепляться за жизнь. Вы будете ждать смерти спокойно и даже радостно. Как заключенный выхода из тюрьмы. Однако нужно закрепить успех. У меня очень плотное расписание индивидуальных занятий, но я постараюсь освободить окошко. Позвоню и вызову вас, хорошо?

— Хорошо.

Мне действительно было хорошо. Страх не вернулся, даже когда Олег Вячеславович опустил глаза и стал смотреть в свой ежедневник.

***

Первое, что я сделала, вернувшись домой, — позвонила Льву Львовичу, чтобы поблагодарить за Громова.

Я постаралась ничего не упустить. Увлеченная собственным рассказом, я не обратила внимания на то, что Лев Львович всё время молчит. Он всегда был идеальным слушателем, но время от времени задавал уточняющие вопросы — а тут как воды в рот набрал.

— Алло, вы здесь? — в конце концов забеспокоилась я. Вдруг связь прервалась, и я разглагольствую в пустоту?

— Это всё? — спросил Лев Львович. — Ты… ты всё мне рассказала?

— Да. Теперь я просто жду его звонка.

— Это всё? — спросил Лев Львович. — Ты… ты всё мне рассказала?

— Да. Теперь я просто жду его звонка.

— Господи, кажется, я совершил ошибку! — воскликнул Лев Львович. — Думал, что направляю тебя к психотерапевту, который поможет избавиться от навязчивых мыслей! Он учит тебя совсем не тому! Не ходи к нему больше, слышишь? Это бесовщина! — Никогда еще не бывало, чтобы он так волновался. Даже голос у него прерывался. — Нужно не укладываться в гроб раньше положенного срока, нужно сполна использовать оставшееся время! Эти три месяца должны стать самым осмысленным, самым драгоценным периодом в твоей жизни! Ты должна прожить их так, как жил настоящий самурай. Каждое утро, просыпаясь, он должен был

говорить себе: «Сегодня я умру», и эта мысль побуждала его относиться к каждому мгновению как к драгоценности, не размениваться на пустяки!

От такого натиска, совсем не свойственного Льву Львовичу, я даже растерялась.

— Но я не самурай. Я женщина.

— Антонина, на свете нет ни женщин, ни мужчин! Есть люди-рабы и люди-самураи. Каждый сам выбирает, к какому сословию принадлежит. Раб копошится во мраке, уткнувшись носом в землю — всё выискивает съедобные корешки. Самурай смотрит в небо и смакует каждую секунду своего существования, зная, что она может оказаться последней. Слух и зрение самурая напряжены до предела. Человеческое существо рождается, не умея смотреть и слышать. И далеко не все потом обучаются двум этим искусствам. Большинство людей смотрят — и не видят, слушают — и не слышат. Я хотел, чтобы ты хотя бы на исходе жизни обрела настоящее зрение и настоящий слух. Мне говорили, что Громов учит именно этому. А он, оказывается, смертепоклонник! Он клевещет на жизнь, оскорбляет ее! Вторая ваша встреча будет последней, сказал он? Я боюсь, как бы он не подтолкнул тебя к самоубийству! Есть маньяки, кто упивается своей властью над жизнью и смертью других людей.

— Олег Вячеславович не похож на маньяка. И я не могу вообразить, чтобы он чем-то упивался, — возразила я, кажется, впервые за всю историю наших отношений в чем-то не согласившись со Львом Львовичем.

И тут он меня поразил.

— Ну вот что, Антонина, — сказал Лев Львович после паузы. — Думаю, нам нужно встретиться. Как-то нечестно получается. Ему ты смотришь в глаза, мне — нет. Давай утром. В десять, около памятника Гоголя — который спрятан в маленьком скверике, сидящего. Там не бывает людно.

Он даже не спросил, смогу я или нет. И, в общем, понятно, почему не спросил. Какие у меня сейчас дела? Только готовиться на тот свет.

Я жутко заволновалась. Одно дело — разговаривать по душам с голосом из трубки, и совсем другое — увидеть перед собой живого человека. А вдруг он… Даже не знаю, что «вдруг». Что угодно.

— Как мы узнаем друг друга? — пролепетала я.

— Хороший вопрос. — Лев Львович хмыкнул. — Знаю про тебя всё кроме того, как ты выглядишь. Всегда воображал себе этакую Мерилин Монро накануне суицида.

— Я примерно такая и есть.

— Ну, тогда я тебя сразу узнаю. А я… У меня в руке будет желтый кожаный портфель.

Удивительно, но я никогда и не пыталась себе представить, как выглядит Лев Львович. А может быть, ничего удивительного. Не пытаются же себе представить верующие, какой рот, нос и цвет волос у Бога Саваофа.

Со Львом Львовичем у нас вышло так. Несколько лет назад у меня был тяжелый нервный срыв. Неважно, из-за чего. Не хочу вспоминать. К врачам я не обращалась, потому что они начали бы допытываться, в чем причина моей депрессии, а говорить об этом мне было невмоготу. Нормальная такая депрессия: я утратила всякий интерес ко всему на свете, закрылась в себе.

Просто расхотелось жить. В теперешнем положении это кажется невероятным: моей жизни ничто не угрожало, а я ее ни в грош не ставила!

Муж потерпел мою хандру несколько месяцев и не вынес — отвалил. Одна за другой исчезли подруги (особенно близких у меня и не было). Меня всё это не встряхнуло. Я всерьез подумывала о том, чтоб наглотаться таблеток, и если не делала этого, то исключительно от апатии и безразличия. Потом один знакомый рассказал, что есть такой специалист — вроде психоаналитика, но не копается в прошлом и к тому же лечит по телефону, анонимно. Это и был Лев Львович. Начались наши телефонные разговоры — сезон первый. Лев Львович меня тогда спас. Избавил от ненависти к себе, я опять обрела вкус к жизни.

Сиквел начался две недели назад. Я вновь позвонила Льву Львовичу, когда жизнь, к которой благодаря ему я вернулась, у меня стали отбирать. Мы разговаривали по несколько раз в день. Без Льва Львовича я, наверное, рехнулась бы от страха.

И вот мы встретимся. Завтра утром.

Я приняла сулажин и, вопреки обыкновению, спала со сновидениями. Мне снился Лев Львович.

Кто-то в длинном белом плаще, с седыми волосами до плеч, стоял возле блестящего черного постамента — это был памятник, но верхняя его часть была не видна, потому что желтый портфель в руке Льва Львовича источал ослепительное золотое сияние, погружавшее все вокруг в густую тень. Я не могла оторвать взгляда от этого источника света. Шла я торопливо, потому что опаздывала, но при этом почему-то не приближалась. Посмотрела под ноги — асфальт ехал мне навстречу, словно дорожка эскалатора, когда двигаешься по нему в противоход. Я побежала — тротуар поехал быстрее. Крикнуть я не могла, не хватало дыхания. Лев Львович, по-прежнему не оборачиваясь, взглянул на часы и стал медленно удаляться. Сияние следовало за ним, а за его спиной смыкалась мгла, и я всё безнадежней тонула в ней. Где-то на бульваре духовой оркестр заиграл «Прощание славянки» — всё громче, громче.

Я проснулась с бешеным сердцебиением. Мобильник заливался маршем — это у меня рингтон такой. Прежде чем взять трубку, я взглянула на часы.

Десятый час. Чуть не проспала!

— Алло?

Я была уверена, что это Лев Львович.

— Антонина, здравствуйте. Давайте встретимся прямо сейчас. Около Гоголя — который на бульваре. Знаете?

Громов!

— Конечно, знаю. Но… почему так внезапно?

— Почувствовал, что нам необходимо срочно встретиться. После того, как я побывал в коме, у меня бывают озарения. Я им верю. Отменил две встречи, освободил утро. Приезжайте. Встретимся через час.

— Хорошо. Только мне тоже нужно перенести одну встречу.

— Всё, договорились. Через час.

Я немедленно позвонила Льву Львовичу, но абонент был недоступен. Набрала Громова — он успел отключить телефон.

Наскоро одевшись, выскочила на улицу, взяла машину. С дороги попеременно звонила то Громову, то Льву Львовичу — оба не отвечали.

Я попросила остановить возле кинотеатра «Художественный», на краю Арбатской площади. С одной ее стороны, на бульваре, стоял веселый советский Гоголь; с другой прятался в кустах грустный, дореволюционный. Время было пять минут одиннадцатого.

В нерешительности я заметалась: куда бежать — налево или направо? К веселому Гоголю или к грустному? К Громову или к Льву Львовичу?

Выберите один из вариантов продолжения

Глубоко вздохнула. Побежала на бульвар к веселому Гоголю.

Перейдите к главе 4(5)

Глубоко вздохнула. Побежала в скверик к грустному Гоголю.

Перейдите к главе 4(6)

Глава 3(4)

Пальцы у меня были холодные и дрожали. В прежней жизни я бы постеснялась протягивать мужчине такие руки. А сейчас подумала: «Не надо ничего скрывать. Какая есть, такая есть». И молча подала влажные ладони.

— Не так. Пальцами правой руки возьмитесь за запястье левой. Левой рукой нащупайте пульс на моей правой руке. Да, правильно. — Громов проделал то же самое — своей правой рукой взялся за левую, а правой слегка стиснул запястье моей правой. Получился замкнутый квадрат. — Сейчас молчите, считайте свой пульс и мой. Через некоторое время они сравняются… Нет, смотреть не нужно. Закройте глаза, постарайтесь расслабиться…

Topreading.ru

Я так и сделала. Пульс у меня был частый и слабый, у Громова редкий и отчетливый. А ощущать пожатие его сильных и теплых пальцев было приятно. И как-то успокоительно. Словно ко мне подключился некий источник энергоснабжения.

Приоткрыв глаз, я посмотрела на руки Олега Вячеславовича. То, что я раньше не обратила на них внимания, — следствие болезни. В прежней жизни я всегда смотрела мало-мальски интересному мужчине на руки. Поразительно, как много рассказывают они о человеке. Часто бывает, что у писаного красавца отвратительные руки — я сразу перестаю таким интересоваться. Наоборот тоже бывает. Наверное, я фетишистка, но красивый мужчина для меня в первую очередь — мужчина с красивыми руками.

У Громова руки были замечательные: не большие и не маленькие, с длинными пальцами, с идеальными, но не наманикюренными ногтями (ненавижу мужиков с маникюром!). На правой чуть оттянулся манжет и было видно часть сильного, но не толстого запястья, покрытого как раз такой, как нужно растительностью. Еще три недели назад я прямо влюбилась бы в такие руки.

У Громова руки были замечательные: не большие и не маленькие, с длинными пальцами, с идеальными, но не наманикюренными ногтями (ненавижу мужиков с маникюром!). На правой чуть оттянулся манжет и было видно часть сильного, но не толстого запястья, покрытого как раз такой, как нужно растительностью. Еще три недели назад я прямо влюбилась бы в такие руки.

— Не подглядывайте, Тоня. Так нечестно. — Я поскорее зажмурилась. — Если вам неуютно сидеть неподвижно и молча, давайте я вам прочту какое-нибудь убаюкивающее стихотворение.

И монотонно, протяжно полузапел:

— «Спят беды все. Страданья крепко спят. Пороки спят. Добро со злом обнялось. Пророки спят. Белесый снегопад в пространстве ищет черных пятен малость. Уснуло все. Спят крепко толпы книг. Спят реки слов, покрыты льдом забвенья. Спят речи все, со всею правдой в них. Их цепи спят; чуть-чуть звенят их звенья. Все крепко спят: святые, дьявол, Бог. Их слуги злые. Их друзья. Их дети. И только снег шуршит во тьме дорог. И больше звуков нет на целом свете…».

Я забыла про голос! Красивые руки — это в мужчине первое. А второе — голос. У Олега Вячеславовича голос был волшебный. Это особенно сильно чувствовалось, когда отключалось зрение. Мягкий, глубокий, с легкой хрипотцой.

Две недели назад я перестала быть женщиной. Я превратилась в трясущийся от страха студень. Казалось, что женское сгинуло, больше оно не вернется и не понадобится. Зачем, если осталось всего три месяца? А оказывается, вот оно. Хватило малости: прикосновения красивых рук, звука красивого голоса — и женское зашевелилось, воспряло.

Еще запах. Он тоже может примагничивать или отталкивать. У меня невероятно чуткое обоняние — это из-за склонности к мигреням. Я никогда не могла иметь дело с мужчиной (в интимном, разумеется, смысле), если от него неправильно пахнет. На мужскую парфюмерию у меня аллергия. Запах должен быть свой собственный.

Topreading.ru

Я опять подглядела через ресницы. Глаза у Громова были плотно закрыты. Осторожно, чтоб не шуршать одеждой, наклонилась. Потянула носом.

М-м-м, какой это был запах! Даже голова закружилась. Я поскорее распрямилась.

— Ну что такое, Тоня? Что вы всё дергаетесь? — расстроенно спросил Олег Вячеславович. — Пульс совсем было сравнялся — и снова скакнул. Ладно, ждать больше не будем. Давайте побеседуем. Руки не расцепляем. Не подсматриваем… Сделаю-ка я вот что, для верности…

Он высвободился, зашелестел чем-то. Я открыла глаза. В руках у него была полоска плотной ткани.

— Наклонитесь-ка. — Он затянул повязку у меня на затылке. — Теперь вас ничто отвлекать не будет. Представьте, что разговариваете не со мной, а с пустотой, с воздухом. И постарайтесь быть предельно откровенной.

— Постараюсь…

Но воспринимать его как пустоту и воздух стало совершенно невозможно. Его запах меня притягивал, голос волновал, руки заряжали электричеством.

— Вы сказали, что никогда по-настоящему не любили. Трудно поверить, что в вашей жизни не было любви. Вы ведь красавица. Натуральная красавица, даже косметикой не пользуетесь.

— Это я сейчас распустилась, раньше пользовалась. Но вы правы. Я красивая. Только в смысле любви это не помогает. Скорее наоборот. Я с детства знала, что я не такая, как другие девочки. Особенная. На меня смотрели, будто я что-то подарила или пообещала подарить. А я ничего никому не дарила и не обещала. Я просто такою родилась. Понимаете, когда привыкаешь к этим взглядам, к тому, что на тебя оборачиваются, всё время водят вокруг хороводы… Тебе становится всего мало. Ты чувствуешь, что заслуживаешь большего. А на самом деле ты ничего не заслуживаешь. Просто у тебя смазливая мордашка и пропорционально сложенная фигура. Ты одариваешь мужчину своим экстерьером, и вроде как можно больше ничего не давать. Большинству и не нужно, им хватает. Я… я понятно объясняю?

— Понятно, — ответил из ниоткуда звучный голос. — Красота, как всякий природный дар, одновременно является испытанием. Не все выдерживают, не все умеют пользоваться. Это как красивый голос…

Я вздрогнула. Откуда он узнал, о чем я думаю?

— Чтобы стать выдающимся певцом, мало родиться с хорошими вокальными данными. Надо учиться, много работать. Только тогда можно воспользоваться голосом в полную силу. С красотой то же самое. Она воздействует не на слух, а на сердца. Это мощнее, но и много сложнее.

— Что вы, я очень неплохо попользовалась красотой, — горько улыбнулась я. — С этим-то у меня было все в порядке.

— Значит, неправильно пользовались. Расскажите про это.

Я рассказала про два свои замужества. Сначала про первое, в девятнадцать:

— Не знаю, почему считается, что юные девушки романтичны. Девчонки в период созревания

озлоблены, несчастливы и болезненно завистливы. У меня не было причин комплексовать из-за внешности. Зато я терзалась из-за того, что плохо одеваюсь, езжу в пахучем метро, живу в паршивой пятиэтажке. Мне хотелось совсем другой жизни. Как раз и времена начинались соответствующие — лимузины, рестораны, круизы, бутики. Всё это я получила от своего первого мужа. А больше ничего — потому что не заказывала. Так что всё было по-честному… Второй брак получился того хуже. Думала — любовь, а оказалась влюбленность. Влюбленность прошла, и ничего не осталось. Муж хотел от меня еще чего-то, а у меня этого не было. И все мои внебрачные романы тоже были дурацкие. Сначала «ах», потом «нах». Знаете, — продолжала я изливать душу невидимому слушателю, — меня считают умной. Я действительно быстро соображала, была острой на язык, и с деловыми качествами у меня всё тип-топ. Но по-женски я всегда была неумна и теперь уже не поумнею. Быть красивой и не уметь любить — это как быть Царь-пушкой: смотрится ого-го, только не стреляет… Эй, вы там не уснули?

Очень уж надолго он замолчал.

— Я внимательно вас слушаю. Те, кто не умеют любить, просто любят себя больше, чем партнера. Хорошее средство научиться любить — завести детей. Обычно это помогает.

— Я никогда не хотела детей. Все женщины мечтают о детях, а я не хотела. Думала, что я моральная уродка. И только теперь поняла, почему так. Наверное, внутренне я всегда чувствовала, что умру молодой. Бездетной умирать легче…

Сказала я это, и сама себя разжалобила. Слезы так и брызнули. Но под повязкой, я думаю, было не видно.

«Хватит рвать человеку душу, Антонина», — сказала я себе. Но остановиться уже не могла. Помолчав, чтобы справиться с голосом, продолжила:

— А еще я всегда, с детства, делала всё очень быстро. Решала задачки, делала уроки, сходилась и расходилась с людьми, загоралась чем-нибудь и остывала. Мама говорила: «Куда ты всё торопишься? Будто боишься не поспеть». А я, оказывается, именно этого и боялась. Правильно боялась. Где-то я читала, что торопыги живут меньше — якобы из-за повышенной нервной возбудимости и дерганого ритма жизни. Но всё наоборот: человек, обреченный на короткую жизнь, подсознательно это чувствует. Потому и торопится взять от жизни как можно больше…

Я всхлипнула — и самой стало противно. Нельзя так расклеиваться! Особенно перед мужчиной, который тебе нравится.

Господи, какая разница, нравится он мне или нет! Теперь ничто не имеет значения. Даже то, нравлюсь ли ему я!

От этой мысли я окончательно скисла и разревелась всерьез. Высвободила руки, сорвала повязку, ею же вытерла слезы.

— Можете в нее и высморкаться, — сказал Громов. — Они одноразовые.

Тут я на него разозлилась. Не знаю почему. Может, потому что он смотрел на меня своими прищуренными глазами и понять, о чем этот человек сейчас думает, было совершенно невозможно. Я ведь совсем ничего о нем не знала.

— Раз у вас их много, возьмите еще одну и завяжите глаза себе. Теперь я буду спрашивать, а вы отвечайте. Хочу знать, что вы за человек!

— Вообще-то у нас так не заведено… — Глаза смотрели всё так же, не улыбались. — Обычно мои ученики говорят только о себе. Для людей в подобном психологическом состоянии это естественно. О моей жизни никто никогда меня расспрашивал. И я не уверен, что мне это понравится… Ладно, можете задать один вопрос.

— Два!

— Хорошо, два.

И я уже знала, какие. Подождала, пока он наденет повязку, и спросила:

— Вы сказали, в самом начале, что раньше занимались чем-то другим и несколько раз чуть не погибли. Что это была за работа?

— Я был профессиональным спасателем. С детства мечтал об этом. Помните, было такое стихотворение: «Ищут пожарные, ищет милиция». Вот и я хотел стать тем, кто спасает людей и не считает это чем-то особенным. Почти двадцать лет я спасал от смерти за зарплату и был доволен своей судьбой. Но однажды вдруг понял, что занимаюсь не тем. Потому что никого от смерти спасти нельзя, ни одного человека. Только на время. И вообще — от смерти не спасать надо, к ней нужно готовить. У меня обнаружилось к этому призвание. Второй вопрос?

Несколько минут назад, ничего не видя, глотая слезы, я чувствовала себя беспомощной и беззащитной, я была полностью подчинена голосу, который добивался от меня ответов. Сейчас роли переменились. Это он сидел передо мной слепой, ожидающий. Я могла безо всякого стеснения рассматривать его руки, шею, губы. Наклонившись, я снова вдохнула его запах — не спеша, с наслаждением.

— Почему вы молчите? Вам нехорошо? — спросил Олег (мысленно я уже называла его просто по имени) и потянулся снять повязку.

Я остановила его руку. Прикосновение еще больше взволновало меня.

— Второй вопрос. Кто была та женщина, зашедшая попрощаться?

— Одна из тех, кого я приготовил.

— И всё?

— И всё.

«Однажды — скоро — я так же зайду сюда, попрощаюсь и уйду», — подумала я. И всё мое возбуждение пропало. Это были фантомные боли. Тоска по ампутированной жизни.

— Можно снять? — Голос у Громова стал какой-то другой. Неуверенный. И лицо уже не было неподвижным — углы рта подрагивали. — Наше время заканчивается. А мне хочется на вас еще посмотреть…

— Зачем?

Он сдернул повязку.

— Как зачем? — Глаза шарили по моему лицу. — Вы же сами говорили, что привыкли к взглядам. При всех пялиться на вас было неприлично. Потом мы сидели с закрытыми глазами. Потом вы прикрылись повязкой. Потом то же сделал я…

Женское, ампутированное опять заныло, засаднило. Я сидела и поворачивала лицо то чуть влево, то чуть вправо — подставляла его взгляду, как лучам солнца. И коже делалось теплей. По-моему даже румянец проступил.

Надо же, за эти ужасные дни я совсем забыла одно из главных удовольствий жизни — чувствовать, как тобой любуются. Здесь есть маленький секрет: ни в коем случае нельзя самой смотреть на мужчину. Гораздо приятней воображать, с каким именно выражением он на тебя смотрит.

— Ужасно… — пробормотал Олег. — Как это ужасно!

Я вздрогнула.

— Что?

Он прикрыл ладонью глаза и лоб.

— Извините. Извините.

Мне говорили комплименты миллион раз, но никогда в такой форме.

— Вы не должны так говорить! Это жестоко! — Я разревелась. — Зачем, зачем?

— Не должен, сорвалось… Просто вы очень красивая. Пожалуйста, простите!

— Краси-ивая, — выла я. — Краси-ивая… Как кукла, да? Но кукла сломалась, теперь ее выкинут на помойку.

— Это не помойка! — закричал Олег — и осекся. — Извините… Черт, вы как-то странно на меня действуете. Я сегодня не в форме.

— Я тоже, — прогундосила я. — Давайте завязывать. Пойду.

Шмыгая носом, подхватила сумку и пошла к двери.

— До свидания, — сказал Громов вслед. — Вы завтра придете?

Ничего я ему не ответила.

Нужно было покурить. Срочно.

На тридцатилетие я сделала себе подарок — отказалась от табака, потому что от него портится цвет лица и желтеют зубы. А теперь снова закурила. Одна из маленьких радостей кошмара, в который превратилась моя жизнь. Как в кино: приговоренному перед казнью разрешается выкурить сигарету.

Я стояла во дворе, у входа в полуподвал, смотрела на черный прямоугольник неба, зажатый между крыш, а на освещенные окна не смотрела. Чернота действовала на меня успокаивающе. Вот они, настоящие подготовительные курсы к смерти: глазеть на ночное небо, представлять себе бескрайний мертвый космос, сознавать малозначительность того, что меня ожидает.

Недокуренная сигарета, как маленькая падающая звезда, полетела в сторону. Перед тем как уйти, я еще раз поглядела вверх.

И был мне голос — глухой, прерывающийся. Он сказал:

— Погодите.

Это был голос Громова.

Я вздрогнула, не сразу сообразив, что голос доносится из динамика. Громов подглядывал через камеру видеонаблюдения, как я курю.

— Вы на машине?

— Нет…

— А куда едете?

Я сказала.

— Минутку подождете? Я вас подвезу.

Нам по дороге? Это известие меня почему-то поразило. Первое, что я сделала, автоматически — встала под лампой и посмотрелась в зеркальце. Нечего сказать, красавица: глаза распухли, под ними круги. И нос, кажется, красный. Хотя в машине будет не видно. И вообще глупости.

Громов вышел. Мы сели в автомобиль. Поехали. Всё — без единого слова.

Я искоса поглядывала на него, он смотрел только на дорогу. Брови сдвинуты, возле рта резкая складка. Хотелось бы мне узнать, о чем он так сосредоточенно думает.

— Послушайте, а это точно? — спросил Олег, когда мы остановились на третьем или четвертом светофоре. Вот теперь он повернулся. Глаза у него влажно блестели.

— Что «точно»?

— Ну, диагноз. Бывают ошибки. Я знаю очень хорошую клинику в Германии. Это можно устроить. Дополнительная проверка не повредит. Денежный вопрос решим, если это для вас проблема…

Он был совсем не похож на того Громова, который вел занятие с живыми покойниками. Куда-то подевались спокойствие, уверенность, умудренность. И голос был другой, жалобный.

— Ошибка исключена. У меня три месяца. Максимум.

Зажегся зеленый. Олег поставил рычаг на «драйв», поехали. Я обратила внимание, что он каждый раз перед светофором ставит на нейтралку. Очевидно, привычка к аккуратности.

И пришла мне в голову одна идея. Ужасно хотелось снова ощутить его прикосновение, хоть на секунду. Перед расставанием можно пожать руку, но это когда еще будет.

Topreading.ru

Я откинулась назад. Будто в рассеянности, не зная, куда пристроить, положила руку на рычаг скоростей. И отвернулась.

Перед очередным светофором он опять захочет поставить на нейтралку, дотронется до моей кисти. Я скажу: «Ой, сорри» — и отдерну. Ничего такого.

Но мы гнали уже по Ленинградке, и светофоров почти не стало, а те, что были, как на зло, горели зеленым. Так и доехали.

— Вон мой дом, — показала я. — Можете остановиться возле фонаря. Видите, на втором этаже окно светится?

— Вы живете не одна? — удивился он, притормаживая.

— Одна.

— Зачем же оставлять свет? — И смешался. — Ну да… Что-то я сегодня плохо соображаю. Все *мои* так делают. Тяжело возвращаться в темноту.

Тут ему все-таки пришлось дотронуться до моей руки. Я ждала прикосновения, как удара током. Но не такого сильного.

И еще я думала, что, наткнувшись на мою руку, Олег свою отдернет. А он крепко сжал мою кисть.

Не знаю, сколько мы так просидели. Ничего не было сказано, ни слова. Слова бы только помешали.

Сначала я ни о чем не думала. От руки поднималось тепло, всё мое тело будто наполнялось жизнью, и я не двигалась, чтобы не мешать этому волшебному процессу.

Потом очнулся рассудок. И я в панике вырвала руку. Энергетическая цепь рассоединилась.

Что я делаю?! Зачем?! Если мне страшно и одиноко, это не оправдание, чтобы тащить за собой в могилу Олега! Он здесь ни при чем! Какая же я стерва! Всю жизнь была эгоистичной, бессердечной сукой, такой хочу и подохнуть?

— До свидания, — сказала я, задыхаясь, и всё не могла нащупать ручку двери. — Завтра увидимся.

А сама уже знала, что никуда я завтра не пойду и никогда мы больше не увидимся.

— Какое завтра? — сказал Олег. — Я поднимусь к тебе. Можно?

— Нельзя, — ответила я. — Ни в коем случае.

Хлопнула дверцей. Пошла к подъезду, говоря себе: «Только не оборачивайся, только не оборачивайся!».

Выберите один из вариантов продолжения

Но это было сильнее меня, я обернулась.

Перейдите к главе 4(7)

Если и был в моей никчемной жизни хоть один достойный поступок, то этот: я дошла до подъезда, так и не обернувшись.

Перейдите к главе 4(8)

Глава 4(1)

Минут пять я колебался, звонить или нет. Даже «вызов» нажал, но тут же дал отбой. Не поможет мне теперь Лев Львович. Отныне я сам по себе.

Главное, страх пропал, как будто никогда не было. Вот ведь странно: когда оставалось жить три месяца — трясся, а когда смерть задышала прямо в лицо, успокоился.

Не успокоился, конечно. Нужно еще было выполнить заказ.

Весь следующий день я проторчал в интернете и на телефоне. Гуглил информацию по Фиксеру, звонил знакомому мужику из Главного управления уголовного розыска.

Лана сказала правду. Фиксер был рыбиной крупной, зубастой и такой глубоководной, что с поверхности не разглядишь. И сведения, которые Лана сообщила мне об охране Фиксера, тоже подтвердились.

Жил он на Рублевке, за двойной оградой, сплошь обвешанной электроникой. Ездил на бронированном лимузине с мигалкой, в сопровождении четверного эскорта. Никогда не вылезал из автомобиля в месте, которое может оказаться под прицелом снайпера. Ну и так далее. В общем, исключительно тяжелый пассажир. Ни один киллер за подобную работу не взялся бы — если, конечно, не камикадзе.

Ну, а я камикадзе. Лана правильно всё рассчитала.

Ну, а я камикадзе. Лана правильно всё рассчитала.

Позвонила она вечером. Сказала, что сегодня как раз подходящий случай. Если я готов.

Готов, ответил я. И даже обрадовался, честное слово.

Ну тогда спускайся, говорит. Машина у подъезда.

Человек, который несмотря на вечернее время, был в темных очках, передал мне пакет. Внутри — пистолет и мобильник.

Мобильник почти сразу зазвонил.

Это опять была Лана. Теперь она говорила долго. Когда закончила, полдороги было уже позади.

Ехал я на Новый Арбат, где у Фиксера на двадцать два ноль ноль была назначена деловая встреча. Двенадцатый этаж высотки, ресторан «Ле Мутон». Естественно, в отдельном кабинете, вход в который будет стеречь охрана. Но Лана сказала: «Отдельного вип-сортира не бывает даже в крутых ресторанах. А у Фиксера простатит. Больше часа без пи-пи он не может».

Я сел в баре, заказал выпивку, стал смотреть на телефон. Вообще-то мне полагалось бы психовать, или прощаться с жизнью, или, как говорится, оглядываться на пройденный путь. Но вместо этого я думал про Лёшку. Что правильно я с ним не встретился. Я уже там, по ту сторону, хоть еще дышу и даже сосу вискарь. Незачем Лёшке на меня такого смотреть. Банк, согласно контракту, обязался переводить моей бывшей тысячу баксов в месяц. Чтоб хватало на ребенка, а цацки — шиш, на такие деньги не зажируешь. Про миллион или сколько к тому времени накрутится, сын узнает в день совершеннолетия. С этого дня тысяча будет поступать не Вике, а ему. Полный доступ к счету с тридцати лет, как посоветовала Лана.

Мобильник завибрировал на третьем стакане, на сорок второй минуте. И сразу отключился. Это был сигнал, что Фиксер идет отлить.

Я встал. Согласно инструкции, накрыл телефон салфеткой. Кто-то его отсюда заберет.

Быстро вышел в коридор, там перешел на бег. Мне до сортира было вдвое ближе. Заскочил — и сразу к умывальнику.

Через минуту вошли двое в темных костюмах. Первый сразу направился ко мне, встал за спиной. Другой принялся осматривать кабинки. Одна была занята, и телохранитель застыл перед запертой дверцей.

Неторопливо моя руки, я напевал и слегка покачивался. Уставился в зеркало на бугая, торчавшего сзади. Спросил, не поворачиваясь:

— Чё уставился?

— Тоже хочу руки помыть, — спокойно ответил он.

— Тебе чё, умывальников мало?

Я обернулся, сощурил глаза, как делают подвыпившие козлы, когда их тянет на ссору. Сулажин начисто глушил алкоголь, но амбре после трех виски от меня был убедительный.

— Мне нравится этот. Руки сушить будете?

Он очень вежливо это сказал. Солидный был бодигард, супер-класса. Никакой быковатости, джентльменские манеры, но взгляд — как у питона. И знает это. Привык, что от этого взгляда все перед ним прогибаются.

Я тоже прогнулся. Захлопал глазами. Вроде как слегка протрезвел.

— Нет, не буду.

И пошел к выходу. Как раз и кабиночный сиделец тоже вышел. Он оказался не из

аккуратистов. Не моя рук, сразу направился к двери.

Второй телохранитель заглянул в освободившуюся кабинку, кивнул первому. Четко ребята работали, ничего не скажешь.

В коридоре у дверей торчали еще двое таких же. И с ними Фиксер, я узнал его по описанию: куцые бровки, перебитый нос, прилизанные белесые волосы.

Охранники так и впились в нас с грязнулей глазами. Представляю, что бы они со мной сделали, если б я сунул руку в карман.

Я икнул, скользнул безразличным взглядом по Фиксеру. Пошел себе неровной походкой. Уронил зажигалку — телохранители сразу сделали стойку. Я выматерился, подобрал.

Фиксер уже скрылся в туалете, но эти двое остались снаружи. На двери висела табличка «Технический перерыв 5 минут». Обстоятельно.

За углом я остановился, стал смотреть на часы.

— Бах! — глухо грохнуло в туалете. Это сработала хлопушка, которую я пристроил под умывальником.

Топот, стук двери.

Я высунулся.

Отлично: коридорные гориллы ринулись на шум. Вот теперь нельзя было терять ни секунды.

На бегу выдернув из-за пояса пистолет, я понесся к еще не успевшей закрыться двери.

Жить мне оставалось секунды четыре. На секунду дольше, чем Фиксеру. Спастись он мог только в одном случае: если в момент хлопка находился в кабинке и не выскочил оттуда. Тогда — облом. Сгину ни за понюх табаку. Но ведь у Фиксера не понос, а простатит. Для этой надобности довольно и писсуара. А впрочем плевать. В этом забеге для меня главное не победа, а участие. Лана ведь сказала, что при неудачном покушении деньги все равно останутся на счете.

Мне сказочно повезло. Притом вдвойне.

Во-первых, дверь так и не закрылась. Ее рванули слишком сильно, что-то заело в механизме. Поэтому прямо из коридора я увидел всё помещение, как на ладони.

Во-вторых, охранники, все четверо, были повернуты ко мне спиной — сгрудились вокруг умывальника. Не такие уж, выходит, они были крутые профессионалы. А сбоку, у писсуаров, один-одинешенек, стоял с расстегнутой ширинкой Фиксер. Метра три до него было.

Первая же пуля попала ему в голову. Для верности я добавил вторую.

Время словно притормозило. Убитый плавно отлетал к писсуару, грациозно поднимая руку — будто собирался помахать мне на прощанье. Люди в темных костюмах замедленно поворачивались. Каждый одинаковым движением, столь же неторопливо, тянулся к подмышке.

Быстро работала только мысль.

Я не подготовил никаких путей отхода. Вообще не думал о том, что будет после того, как застрелю Фиксера. Меня должны были изрешетить на месте. Но не торчать же столбом, не изображать же неподвижную мишень?

Развернувшись, я дунул по коридору. До угла было метров двенадцать, но по прямой. А преследователям нужно выскочить из двери, повернуться, прицелиться.

Успел!

Обернуться времени не было, но судя по шуму, за мной кинулись двое. Почему не стали стрелять — понятно. Следующий отрезок коридора вдвое длиннее. В торце — главный зал ресторана, направо за поворотом — отдельные кабинеты, откуда пришел Фиксер. Слева еще какая-то дверь. Кажется, лестница.

Я бежал, втянув голову в плечи и каждое мгновение ждал пули. Инстинкт заставил меня перейти на зигзагообразные скачки — и вовремя. Сзади выстрелили: раз, другой, третий. Возле уха зазвенел воздух, вдребезги разлетелось стекло на ресторанной двери. Вообще-то я собирался пронестись через бар и зал к кухне, но понял — нет, почувствовал, что дальше вперед бежать нельзя, следующая пуля точно моя.

Поворачивать направо, к кабинетам, означало угодить в капкан. Поэтому я метнулся влево, толкнув дверь с надписью «Лестница».

Вниз вели ступеньки, но инстинкт, в эти секунды руководивший моими действиями, крикнул: «Не беги!»

В узком вертикальном колодце телохранители меня догонят. Я растренирован, а они, надо думать, в отличной форме. И стреляют наверняка лучше. После армии я пробовал устроиться в личную охрану к одному гусю, причем уровнем пониже Фиксера. Не прошел по уровню подготовки. А ведь был не такой рыхлый, как сейчас.

Я встал за распахнутой половинкой двери, приготовился.

Через секунду на лестничную площадку, будто четырехногое, четырехрукое чудище, выкатились мои приятели. Я высадил в них всё, что оставалось в магазине. По-честному: патрон в одного, патрон в другого, и так трижды.

Выглянул в коридор — никого. Двое остальных остались в сортире, возле своего новопреставленного шефа.

Через две ступеньки, легкой попрыжкой я поскакал вниз.

Бояться теперь было нечего. С двенадцатого этажа я спущусь минуты за две. Еще секунд тридцать на то, чтоб пересечь двор. А там людная улица, ищи меня свищи.

Инстинкт передал руль рассудку. И первое, о чем спросил меня рассудок, было: «Зачем ты драпал? Предпочитаешь не быструю смерть от пули, а медленную, от метастаз?» Второй вопрос задала совесть: «За что ты убил охранников? Фиксер, допустим, был гнида, но парни просто выполняли свою работу».

Не могу сказать, что эти мысли омрачили мне настроение. Мелькнули — и пропали.

Я несся вприпрыжку по ступеням и захлебывался от невыразимого счастья. Я чувствовал себя

Topreading.ru

фантастическим богачом. Давно ли я вел счет своей оставшейся жизни на минуты и секунды? А теперь у меня целых три месяца. Три месяца! Много-много тысяч минут!

А еще у меня на счете честно заработанный миллион. Я могу уехать в лучшую онкологическую клинику планеты, оплатить любое лечение. Вдруг… вдруг меня спасут?

Я чуть не споткнулся, пришлось схватиться за перила.

Или не спасут, но подарят еще год или два.

В самом крайнем случае — пропишут нормальное болеутоляющее, от которого я не буду плыть, как от сулажина. Господи, да я могу нанять личного круглосуточного медика со шприцом!

Целых три месяца я буду жить, как король. Это стоит предыдущих тридцати семи лет.

Совесть тоскливо спросила: «А сын?»

Совесть тоскливо спросила: «А сын?»

Ну, за три месяца весь миллион не просадишь, отмахнулся я от надоедалы. Да если и потрачу — разве деньгами можно кому-то принести счастье? Скорее навредишь. У Лёшки поедет крыша, когда на него вдруг свалится такое наследство. Пропадет стимул учиться, пробиваться в жизни. Будет просто сидеть и ждать тридцатилетия.

В общем, от совести я отделался легко. Но между шестым и пятым этажами снова пробудился рассудок.

В расчеты Ланы и ее заказчика никак не входило, что исполнитель останется жив. Мне полагалось рухнуть под пулями охранников. Живой я представляю потенциальную опасность. Нужно сматывать и залечь поглубже на дно. Или сегодня же свалить за кордон.

А сын? Через него они запросто вытянут меня, как на спиннинге. Лёшка у них в залоге — так она выразилась. То есть, в заложниках. Пришлют весточку через банк, не прямым текстом. Типа: «Контракт выполнен Вами наполовину. Подумайте о залоге».

Вдруг меня разобрал смех. Это я вспомнил одну историческую книжку — за последние две недели я их закупил кучу и читал ночи напролет, когда не мог уснуть. Чтоб не думать. Исторические книжки чем хороши? Все, про кого в них написано, уже умерли. Свои ребята.

Вот какую я вспомнил штуку.

Перед битвой при Босуорте король Ричард Третий взял в заложники сына своего малонадежного союзника лорда Стенли. Мол, не придешь мне на подмогу, сыну твоему башка с плеч. А лорд Стенли в ключевой момент прислал королю записку: «Ничего, у меня есть другие сыновья». И нанес удар Ричарду во фланг.

У меня кроме Лёшки других сыновей нет. Но три месяца — большой срок. Можно и сыновей, и дочерей настругать. Во всяком случае, посадить семена. И хрен ли мне дети? У меня есть я. Минимум на три месяца.

Я бежал по лестнице и хохотал. Никогда в жизни не чувствовал себя таким свободным и счастливым.

Толкнул дверь, выбежал во двор. Остановился, задохнувшись ароматами весны и жизни.

В узком прямоугольнике, зажатом между многоэтажными зданиями, было темно, но сбоку, в арке, сияла огнями, рокотала моторами улица.

Я поднял глаза к небу, где мерцал бледный месяц.

Но ниже неба, на чердаке дома напротив, сверкнул злой огонек. Он был гораздо ярче месяца и сразу же погас.

Меня швырнуло об стену. «Сука!» — успел подумать я, прежде чем Ангел Смерти подмигнул мне еще раз своим огненным глазом.

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы скорее человек действия, а не рефлексии. Бываете резки, даже грубы. Не боитесь новизны и эксперимента. Любите приключения и имеете некоторую склонность к авантюризму. Вы способны решительно менять свою жизнь. Не любите монотонности и рутины.

В сложных ситуациях Вы склонны идти напролом и нередко совершаете ошибки. Вы бываете конфликтны, довольно часто ссоритесь с людьми.

Делать важные дела Вам лучше в одиночку, а не в команде.

Вы склонны к пессимизму и склонные оценивать жизнь в лунном, а не солнечном свете.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(2)

Нет, рассказывать о том, что я собираюсь замочить большого бандюгана, конечно, было нельзя. Зачем делать Льва Львовича соучастником убийства? И вообще, мало ли кто может подслушать. А вот спросить о том, что меня беспокоит, пожалуй, стоило.

— А вот если тебе нужно спасти самого дорогого человека… Ну или не спасти, а сделать

счастливым… Но ради этого придется пойти на преступление… Короче, вы бы так поступили или нет?

— Уточни, пожалуйста, условия задачи, — попросил Лев Львович. Одно из его самых ценных качеств — он никогда не спрашивает лишнего. Только по делу. — Так все-таки спасти или сделать счастливым? И о каком преступлении идет речь — о мелком правонарушении или о настоящем злодействе?

— …Ладно. Всё нормально. До свидания.

Не первый раз такое происходило. Спросишь о чем-нибудь важном — Лев Львович задает встречный вопрос. В результате получается, что ответ ты находишь сам.

Я сначала скис. Но потом сказал себе: во-первых, обратной дороги уже нет, деньги переведены. А во-вторых, может, никакого звонка Льву Львовичу и не было. С сулажином не разберешь.

Но задуматься задумался.

Моей жизни не жалко. Сколько ее осталось? Все равно одно название. Фиксера тоже не жалко. После Ланиного ухода я проверил — позвонил знакомым ребятам из отдела по борьбе с оргпреступностью. Не наврал мой «ангел смерти»: скотина этот Фиксер, каких мало. Обеспечить сыну будущее — счастье, о котором я и не мечтал. Что ж меня так ломает?

Я не смерти боялся. Как ни странно, этот страх, сводивший меня с ума последние две недели, теперь, когда смерть придвинулась вплотную, куда-то подевался. Если честно, я думал про близкий конец даже с каким-то если не удовольствием, то облегчением.

«Сделаю два хороших дела: помогу сыну и уничтожу сволочь, — повторял я себе в тысячный раз. — Плюс к тому решу личный вопрос — умру быстро и красиво. В чем же засада? Заповедь «не убий» я на войне преспокойно нарушал. И хрен ли мне в заповедях?»

В Бога я отродясь не верил, в церковь не ходил. Когда узнал свой диагноз, с перепугу понесся в храм, заказывать молитву о здравии раба Божьего Николая. Стыдно вспомнить. Хорошо, дьякон или кто он там вправил мне мозги. «Крещеный?» — спрашивает. Нет. Ну он меня и попер. Церковь, говорит, только за крещеных молитвы возносит. На фига такая церковь, которая Бога только за своих просит? Это мафия какая-то, закрытый клуб.

В конце концов я понял, в чем моя проблема.

«Ангел смерти» сделал мне подарок, а я, как старуха из сказки про золотую рыбку, возжелал большего. Не только помочь сыну и избавиться от медленного, мучительного умирания, но, коли уж я ухожу красиво, захотелось *уйти совсем чистым*. Это была не осознанная мысль, а чувство, которое еще требовалось оформить в слова.

Я попробовал.

Жизнь я прожил так себе. Мягко говоря. Сам в грязи повалялся, других ею забрызгал. Проливал свою и чужую кровь. Химичил, пакостничал по мелочи, а несколько раз по-крупному. Цапал что плохо лежит, и своя рубаха мне была всегда ближе к телу. Потому и загибаюсь от рака в полном одиночестве, если не считать Льва Львовича, который и не живой человек вовсе, а просто голос в телефонной трубке.

Короче, жил так, как будто никогда не умру. А умирать, оказывается, надо. Но таким грязным — неохота. Не знаю, почему.

Например, что если церковь с попами — фигня, а Бог все-таки есть? Скажет: «Ты зачем, Коля, за Меня решил судьбу раба Моего Фиксера? У Меня на него Свои планы были. И на Тебя, между прочим, тоже. Нехорошо, Коля».

Вот до каких идиотских мыслей я в конце концов докатился. Самому смешно стало. Я и засмеялся. Один, в пустой квартире, стоял перед зеркалом и покатывался.

Отсмеялся — будто груз сбросил. Это называется «катарсис». Очистка души и мозгов от мусора.

***

Избавившись от глупых мыслей, сосредоточился на подготовке. Лана оставила мне целое досье, и я внимательно его изучил.

Добраться до Фиксера действительно было трудно. Обычному киллеру даже невозможно.

ВИП-посредник жил в загородном доме, куда не то что проникнуть — незаметно приблизиться нереально. Из своего логова Фиксер высовывался только для деловых встреч. Никогда в дневное время, чтоб не угодить в пробку. Самое милое дело — угрохать человека, когда он застрянет в потоке машин. Никакая охрана не спасет. Но Фиксер все встречи назначал только поздно вечером или ночью, гонял с мигалкой, на бешеной скорости. Даже на красный свет не останавливался.

Все рандеву у него происходили в местах, куда обычной публике доступа нет. Подход непременно «снайпер-пруф». Эта тортилла высовывалась из своего панцыря только на несколько секунд — прошмыгнуть от бронированного лимузина до дверей. Вот единственный шанс, когда объекта было возможно достать. Человек с быстрой реакцией и твердой рукой в такой момент теоретически мог бы подобраться к Фиксеру и выстрелить, но на этом для убийцы всё бы и закончилось. «Решальщика» неотступно сопровождали два телохранителя, и при переходе машина–подъезд оба были в режиме боевой готовности: при малейшем признаке опасности открыли бы огонь. Парни это были в высшей степени серьезные. Убийца Фиксера гарантированно становился заодно и самоубийцей. Никто из профессионалов в такой хоккей играть бы не стал. Я — охотно.

Два дня я ждал и готовился. С утра бегал километров десять по Кузьминскому парку, тренировался не на выносливость (она не понадобится), а на реакцию. Для этого есть классное упражнение. Под секундомер, на предельной скорости, дуешь зигзагами между деревьев. Задел хоть одно плечом — незачет. Начинай снова.

Дома не знаю сколько тысяч раз, до полного автоматизма, выполнял одно и то же нехитрое упражнение. Почему-то в служебном кителе — так велела Лана, ничего не объясняя.

***

Она позвонила на третий день утром. Сказала: «Вечером. Ты готов?» «Более чем». Тогда она сказала, где и во сколько меня будет ждать машина. Явиться надлежало в полицейской форме.

Сразу после этого я набрал Вику. Сказал, что хочу повидать сына.

Эта тоже спросила: «А ты готов?» Но смысл был другой. Она поставила мне условие: встреча с Лёшкой — сто баксов. Такая уж она, Вика. И некого винить — сам выбирал. Зато красивая.

— Более чем, — ответил я и этой.

Она деловито:

— Сейчас одену его, и едем. А то сижу, ни шиша денег нет.

У нее никогда денег нет. Не задерживаются.

Встретились, где обычно. На Таганке. Вика вылезла из бывшей моей тачки одна, Лёшку оставила внутри. Хотела убедиться, не наврал ли я насчет бабок.

Я показал ей целый веер зелени. Глаза у Вики заблестели.

— Откуда?

— Разбогател.

И я рассказал ей про завещание, а сам смотрел на Лёшку. Он приплюснул нос к стеклу, помахивал ручонкой робко — чтоб мать не увидела.

Мне вдруг жутко захотелось потратить один патрон на эту суку, тем более пистолет был с собой. Даже испугался.

— Там еще вот какой пункт есть, в завещании, — сказал я, придумав это только сейчас. (Надо будет снова заехать к нотариусу и вставить). — Если Лёшка станет жить и воспитываться у Тамары, с усыновлением и всеми делами, ты до его совершеннолетия будешь получать по две тысячи в месяц.

Тамара — ее сестра. На дух меня не переносит, но баба хорошая. И муж ее, Стас, тоже нормальный. Главное, Лёшке у них всегда нравилось. Там трое двоюродных, вместе расти веселей. А то Вика можно представить, что из парня сделает.

— Ага, щас. Так я сына и отдам! — фыркнула Вика, но глаза сверкнули.

Отдаст. Без вопросов.

— Гляди, тебе решать. — Я пожал плечами. — Воспитывай сама и получай тысячу.

— Ты говоришь так, будто помираешь прямо сегодня. — Она наморщила лоб. Не могла въехать, что означают все эти чудеса. — Чё с тобой, Николай? Тебе же вроде еще три месяца врачи обещают? Главное, откуда столько бабок? Натворил чего?

— Не бойся. Всё чисто. Деньги берешь? Здесь тройная плата.

Она цапнула у меня купюры.

Topreading.ru

— Ладно. Тогда можешь привезти Лёшку в шесть.

***

Мы хорошо погуляли. Поели отравы в фаст-фуде, поорали в зале игровых автоматов, накупили солдатиков в магазине для коллекционеров.

Я сказал, что скоро он станет жить у тети Тамары. Мама будет приходить к нему в гости.

— А ты? — спросил Лёшка, помолчав. Он для шестилетнего пацана вообще молчаливый. — Теперь ты тоже будешь ко мне приходить? К тете Тамаре ведь можно?

— Пойдем мороженого купим, — сказал я.

Я никогда его не целовал, даже когда вместе жили. Считаю, это неправильно. Если дочка — нормально, а мужика лишними нежностями портить незачем. И сейчас не стал. Только по головенке погладил, когда прощались.

Ну и всё. С жизнью — всё.

***

В назначенном месте, в назначенное время я сел к Лане в машину. Машина была другая, простенькая, с запыленными до полной нечитаемости номерами.

Только теперь я узнал, зачем понадобилась полицейская форма.

— У него в полдвенадцатого встреча на Никитской, в закрытом клубе. — Лана смотрела перед собой, правую руку держала на рычаге передач. - Это рядом с посольством. Фиксер вылезет из машины, тротуар там шириной метров пять. У тебя будет две секунды, максимум три.

— А где я буду?

— В будке постового, который дежурит перед посольством.

— Куда денется настоящий постовой?

— Просто уйдет. Ему заплатили хорошие бабки.

Я удивился:

— Наверно, очень хорошие. Ведь парня объявят в розыск.

— Триста штук баксов, если тебе интересно. — Она аккуратно притормозила на желтый свет. — Только из будки стрелять нельзя. Далековато для меткого выстрела. И темно. Опять же Фиксера с двух сторон будут охранники прикрывать.

— Как же тогда?

— «Крестного отца» смотрел? Принцип тот же. Только у нас не Америка, всё по-взрослому.

И она объяснила.

Перед тем, как высадить меня, Лана спросила:

— Можно… Можно я тебя поцелую?

И голос дрогнул.

Вот ведь извращенка. Ангел, блин, смерти.

Я сказал, куда именно она может меня поцеловать, и вышел. Машина тут же отъехала, а я направился к будке. Было двадцать минут двенадцатого.

— Всё, сержант, сдавай пост.

Молодой парень глядел на меня, нервно кусая нижнюю губу. И что-то жалко мне стало его, сучонка.

— Тебя, поди, обещали переправить в надежное место? — спросил я.

— Ну.

Он смотрел настороженно, будто ожидал подвоха.

— Послушай моего совета. Просто возьми и исчезни. Навсегда. Главное — домой не суйся. Замочат они тебя, сто пудов.

Сержант захлопал ресницами.

— Мне деньги забрать надо. Они дома!

— Ну, решай сам, что тебе дороже — жизнь или бабки. Всё, исчезни.

Я слегка подтолкнул его и залез в будку. Сержант, оглядываясь, быстро пошел прочь.

***

До момента, когда появился кортеж, я успел исполнить ключевое упражнение сто одиннадцать раз. С короткими паузами.

Первый автомобиль, взвизгнув тормозами, встал по ту сторону от входа в клуб; второй — «шестисотый» с включенной мигалкой — прямо напротив двери; замыкающий «крузер» — у ограды посольства.

К нему-то я и направился.

— Остановка запрещена. Проезжайте!

И помахал рукой. Это было важно — держать руки на виду. А то двухметровый верзила, выскочивший из задней дверцы джипа, уже в карман полез.

Из передней машины тоже вылез охранник. И застыл возле «Мерседеса» — не открывал шефу дверцу, пока я не отойду.

— Одна минута, и отъедем, командир, — сказал двухметровый. — Не нервничай.

— А я не нервничаю. Я службу выполняю. Здесь посольство. Не положено.

Я изображал ментокозла, который рад случаю скрасить скучное дежурство. Набычился, расставил ноги — типа не отступлюсь, с места меня не сдвинешь. Только не забывал демонстрировать пустые руки, а то второй телохранитель тоже впился в меня взглядом, полез щупать себе подмышку.

В лимузине чуть приспустилось заднее стекло. Мягкий голос прокартавил:

— Макс, уже 'еши эту п'облему века. Меня люди ждут.

Верзила левой рукой (правая осталась на рукоятке) достал из нагрудного кармана купюру.

— Плата за минуту парковки.

Я огляделся, как это сделал бы всякий мент в такой ситуации. Быстро цапнул бумажку.

— Ты чего? Тут камера... Одна минута, ребят. А то мне влетит. Эти (я кивнул на посольство) жалобу накатают.

— Давай-давай, топай. Сейчас отъедем.

Только когда я повернулся спиной и двинулся назад, к будке — и то не сразу, а через пару секунд, охранник тронулся с места.

Я неторопливо спрятал деньги в правый карман. Потом исполнил упражнение.

Мгновенный разворот на каблуке. Пистолет уже в руке. Он плоский, легкий. Шесть специальных пуль. При попадании раскрываются лепестками, внутри яд. Неважно, куда попадет — результат гарантирован.

Фиксер как раз вылезал из машины, даже еще не распрямился.

Реакция у него тоже была неплохая. Успел повернуть голову, даже разинуть рот, будто готовясь проглотить пулю — ствол был направлен ему прямо в пасть.

Я чуть дернул рукой. От крыши автомобиля брызнули искры. Фиксер присел.

Хваленые телохранители меня разочаровали. Пока они вынимали свои пушки, я запросто успел бы шмальнуть еще минимум трижды: разок для верности в клиента, и по разу в каждого из них. Потом дунул бы через дорогу, красивыми зигзагами. Перемахнул через ограду особняка напротив. Пока из джипов вылезли бы остальные, меня б и след простыл.

Я, улыбаясь, навел дуло на своего долговязого знакомого.

Ну давай уже, дылда, стреляй.

Сейчас будет больно, эту боль не заглушит даже сулажин. Но всё быстро кончится. И я, чище первого снега, окажусь там, где меня встретит Бог.

Если Он, конечно, есть.

Topreading.ru

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы скорее человек действия, а не рефлексии. Вы не боитесь новизны и эксперимента. Вы способны резко менять свою жизнь. Не любите монотонности и рутины. Любите приключения и имеете некоторую склонность к авантюризму.

Вы скорее человек действия, а не рефлексии. Вы не боитесь новизны и эксперимента. Вы способны резко менять свою жизнь. Не любите монотонности и рутины. Любите приключения и имеете некоторую склонность к авантюризму.

В сложных ситуациях Вы склонны идти напролом и нередко совершаете ошибки. Вы бываете конфликтны, довольно часто ссоритесь с людьми.

Делать важные дела Вам лучше в одиночку, а не в команде.

Вы умеете радоваться жизни и скорее оптимист, чем пессимист.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(3)

Я решил сесть к нахалу. Потому что нахалы удачливы, а удача сегодня мне была очень нужна.

— На Малую Дмитровку. Пятьсот. Без торговли.

— Хрен с тобой. Грузись. — Но едва мы отъехали, водила объявил: — Компания «Бомбила лимитед» предоставляет дополнительную услугу по желанию клиента. Предсказываю судьбу по руке. Пассажир накидывает две сотни и получает прогноз на будущее.

— Отстань, а? — сказал я.

— Не жидись. Ехать будет веселее. — Парень ловко обошел автобус, увернулся от встречного грузовика и засмеялся, когда его злобно обдудели. — Я между прочим, не туфту гоню. Учился. Просто покажь ладоху, я введу данные во внутренний компьютер, — он постукал себя по лбу, — и к моменту высадки пассажира результат будет готов.

Кажется, я совершил ошибку. Надо было садиться к молчаливому кавказцу.

— Окей. Но одно условие. Твой компьютер работает молча.

— Ноу проблем.

Водила изобразил, что зашивает себе губы ниткой. Я сунул ему под нос ладонь. С полминуты разглядывал мою руку.

— Ты за дорогой-то следи!

— У меня локаторы. Как у летучей мыши… Солидная вещь, — одобрил болтун мою ладонь. — Впечатляют мозоли на ребре. Каратист?

— Мы же договорились — едем молча.

Он вздохнул.

— Тогда не две сотни, а три. За стресс. Ладно, данные введены и обрабатываются.

Мы выехали на Рязанку и сразу встали. Время было двенадцатый час, машин — прорва. Я еще и поэтому не стал обзаводиться колесами, когда поселился в спальном Выхине. На метро быстрей. Но сейчас торопиться было особенно некуда. Пару часов назад я позвонил Полухину, попросил его выяснить всё что можно про Громова и «Подготовительные курсы» на Малой Дмитровке. Сказал, пока не хочу морочить голову подробностями, потому что скорее всего это пустышка, но может оказаться и след. Все вопросы — потом.

Полухин позвонил, когда мы подползали к Марксистской. Я сразу понял — он с уловом. Потому что начал он с расспросов: почему я заинтересовался Громовым, что связывает Громова с убитой и всякое такое. Я ответил только на последний вопрос: «Где ты?».

— Снял тачку. Еду к тебе. Всё расскажу. Сейчас не могу. Могу только слушать. Выкладывай. Сэкономим время.

— Не хочешь при водиле? Понял… Значит, так. Я тебе долго не звонил, потому что ларчик оказался с секретом. Громов — военный пенсионер, подполковник. Три года в отставке. Но для отставника живет шикарно. Квартирка на Пречистенке, загородный дом, ездит на «порше». Ребята из налоговой полиции кинули справку: Громов этот за пару лет получил в дарственную шесть объектов недвижимости. И все продал. Интересная хрень?

— Очень. — Я покосился на шофера. Неохота было при постороннем задавать уточняющие вопросы. — А что за служба была? Ну, у этого?

Вспомнилось, как Громов говорил, что в прежней своей жизни не раз находился у порога смерти.

— Вопрос в точку! — Полухин понизил голос. — Я чего так долго провозился-то… В открытом доступе сведений почти ноль. Написано «служба в горячих точках», правительственные награды — и больше ничего. Так бывает, когда человек был под секретностью, в спецподразделениях. Но ты знаешь, у меня везде контакты, за это и начальство ценит. Позвонил ребятам не скажу откуда, попросил по-хорошему…

Он умолк.

— Ну?

— Короче, Громов — точно наш клиент. Невойсковые операции против боевиков и террористов. Навыки контрдиверсионной деятельности. Спецсредства, все дела, понял?

— Понял.

Мне сделалось хорошо и спокойно. Я всё ехал и со страхом прислушивался к себе — не начнет ли подкрадываться боль? Голова работала четко, руки не дрожали. Капли Льва Львовича помогли, а сулажин вроде бы все равно действовал. Продержаться бы еще чуть-чуть. Я на финишной прямой.

— Ты хоть намекни, наводку дай, — попросил Полухин. — На чем ты этого Громова зацепил?

— Сейчас не могу. Приеду — всё объясню. Главное — ничего сейчас не предпринимай. Можешь напортить.

— Я хотел ребят послать к Громову на квартиру и на курсы эти.

— Мать твою, Полухин! — зашипел я. — Ты можешь потерпеть до моего приезда? Говорю тебе, всё испортишь!

— Ясно. Что ничего не ясно.

Он обиженно засопел. Ход его мыслей был мне понятен.

— Если ты думаешь, что я хочу у тебя из-под носа раскрытие увести и на себя записать, ты кретин, — сказал я, наплевав на водилу. Пускай думает, что хочет. — Прикинь, Полухин, на кой мне в моем положении эти гребаные лавры? Слово даю: приеду — сразу к тебе.

— …Ладно, жду.

Вот и жди, подумал я.

— С бабой что-нибудь выяснил?

— С Каратаевой так… — Было слышно, как он зашелестел блокнотом. — Нигде не работала. Полгода назад развелась. Продала большую квартиру на Патриарших, купила студио в том же районе.

— Близкие родственники? Наследники?

— Никого.

Больше мне от Полухина ничего не требовалось.

— Всё, не могу больше говорить.

И разъединился.

У водителя глаза так и горели. На дорогу он теперь вообще не смотрел. Надо было от него отрываться. И вообще торопиться. Марксистская стояла вмертвую. На метро до Малой Дмитровки я доберусь вдвое быстрее.

— Всё, шеф. Соскакиваю. Держи свои пятьсот.

Topreading.ru

— А за гадание? Компьютер работал, я по-честному молчал. Гони триста и слушай прогноз.

— Некогда. На́ триста. Счастливо.

Он крикнул, когда я уже вылезал:

— Погоди секунду! Я коротко! Самое главное! Всё у тебя будет нормально. Планы исполнятся. Жить будешь долго.

— Ага. Так я и думал.

***

Если б я не знал о том, что Громов — спец по контрдиверсионной деятельности (а это все равно что по диверсионной), от нетерпения мог бы совершить непростительную ошибку. Попер бы напролом, не ожидая серьезного сопротивления. И скорее всего нарвался бы. Но кто предупрежден, тот вооружен.

Я припомнил упругую скупость движений Громова, уверенный блеск глаз, поджарость фигуры. Это всё приметы человека, который знает свою силу. Я тоже знаю свою силу. И у меня есть важное преимущество: Громов меня не ждет. Во всяком случае, так быстро.

«Порше» во дворе не было. Плохо. Но когда я позвонил в дверь, мне ответили. Ассистент был на месте.

— Это я, Зайцев, — сказал я. — Откройте, пожалуйста.

Если бы ассистент хоть секунду промедлил, это означало бы, что мое появление его насторожило и что он скорее всего соучастник. На этот случай я приготовился вышибить дверь. Она была обычная, неармированная и к тому же распахивалась внутрь. Но ассистент сказал «Здравствуйте», и сезам открылся. Удивления в голосе не прозвучало. Должно быть, чокнутые громовские пациенты нередко являются сюда в неурочное время.

Бритый ждал меня внизу лестницы.

— Учителя нет, он обычно приезжает к пяти. Но я могу вас с ним связать. Вчера вы ушли не попрощавшись, и он не успел дать вам номер своего теле…

Я нанес короткий удар. Завернул скрючившемуся ассистенту руку. Затащил в комнату, усадил.

— Делай, что говорю. Иначе — извини. Будет очень больно.

Выпученные глаза уставились вверх, на приставленный ко лбу электрошокер. Потом взгляд переместился на меня.

— Вы только не нервничайте. Я сделаю всё, что вы скажете.

Мороженый он был какой-то, этот парень. Или привык иметь дело с психами.

— Звони Громову. Скажи, чтобы срочно приехал. Случилось ЧП. Скажи, кто-то был в его кабинете и рылся в бумагах.

— Зачем вы меня ударили? — с кроткой укоризной произнес ассистент. — И лгать тоже

лишнее. Если б вы сказали, что вам плохо и вы хотите видеть учителя, он и так бросил бы все дела и немедленно приехал. Для него нет ничего важнее пациентов.

Я слегка отодвинул руку и дал в воздух короткий разряд.

— Делай, как говорю!

— Хорошо-хорошо. Позволите?

Взял со стола телефон, набрал номер.

— Учитель, не могли бы вы приехать. Прямо сейчас. Случилось ЧП. Кто-то был в вашем кабинете и рылся в бумагах.

Я обнимал ассистента за плечо. Крепко. И прижимался к нему щекой, чтобы слышать голос Громова.

— Интересные дела. Полицию вызывать не вздумай. Еду, — сказали в трубке.

«Через сколько будете?» — шепнул я в ухо ассистенту.

— Интересные дела. Полицию вызывать не вздумай. Еду, — сказали в трубке.

«Через сколько будете?» — шепнул я в ухо ассистенту.

— Через сколько будете?

— Минут через пятнадцать-двадцать.

Когда разговор закончился, я привязал ассистента к креслу и залепил ему рот.

— Сиди смирно. Целее будешь.

Позвонил Полухину. Извинился, что долго еду — пробка. Он спросил, где я. Предложил подослать патрульную машину с мигалкой. Не надо, ответил я. Сейчас сяду на метро. Максимум через полчаса жди.

Всё шло превосходно. Никаких трех месяцев у меня не будет. Всё закончится сегодня. Но как закончится!

На мониторе видеонаблюдения просматривался весь двор. Значит, как я вчера садился в «ауди», тоже было видно. Но Громов находился в гостиной, со своими пациентами. Стало быть, это ассистент ему доложил, с кем уехала Лана. Соучастник?

— Хороший у вас тут бизнес, — сказал я залепленному. — Выгодный. Ты за процент работаешь или как?

Он таращился на меня, хлопал глазами. Тратить время на кильку, когда в сети плыла акула, было лень. Грохнуть заодно этого лысого или нет, я пока не решил. Как сердце подскажет.

Глаза ассистента скосились на монитор.

Приехал, гад.

Громов вылез из «порше», подошел. Очень крупно, с искажением, на экране появилось его лицо с озабоченно сдвинутыми бровями. Меня затрясло от ненависти.

Бесшумно ступая, я вышел в коридор и спрятался за угол.

— Влад! Это я! — Быстрые, легкие шаги на лестнице. — Ты у себя или…?

Тррр! — хищно, как гремучая змея, протрещал электрошокер. Второй разряд всаживать в заваливающегося Громова было уже лишнее. Но я не мог отказать себе в этом маленьком удовольствии.

***

Теперь они сидели на стульях рядышком, как шерочка с машерочкой. Рот Громову я тоже залепил. На моем судебном процессе не будет ни адвокатов, ни последнего слова обвиняемого. Право голоса имеет только один человек — я. Прокурор, судья и палач в одном лице.

Давать Громову слово я не собирался. Этот златоуст, мастер нейролингвистического программирования, стал бы выворачиваться, заморочил бы мне голову, зародил сомнение. Не было у меня на это ни времени, ни сил. Уже несколько минут я ощущал какое-то шевеление в желудке. Как будто начинала распрямляться сжатая до отказа пружина. Скрученная из колючей проволоки.

Ничего, дело шло к концу.

— Очухался? — сказал я, когда Громов начал мигать и щуриться. — Я мог тебя убить сразу. Но хочу, чтобы ты понял, кто тебя отправляет на тот свет. И за что. А еще я хочу, чтоб ты потрясся перед концом. Как тряслась Лана. Она знала, что ты за человек. И что ей не спастись.

Громов замычал, мотая головой. Мне понравилось, как он пучит глаза. Не хочет умирать, сволочь.

Я изложил ему всю нехитрую дедукцию — чтоб не воображал, будто он умнее всех на свете.

— Лана мне ничего толком не рассказала. Не успела. Но тебе со мной не повезло, повелитель больных душ. Ты зря не призадумался над моей анкетой. Я же написал там: «профессия — следователь». Или ты думал, что я от страха растерял все свои навыки?

Опять он попытался что-то сказать, задвигал бровями. Любо-дорого посмотреть. Если б только не шипастая пружина в животе — она вела себя всё агрессивней.

— Я тебе скажу, как было дело. У Ланы в жизни случилась какая-то беда. Может быть, тяжелый развод или еще что-то. Она была в депрессии, на грани самоубийства. — (Это я не домыслил — вспомнил, как она сказала «*надо было самой*»). — Испугалась, записалась к тебе на курсы. И попала на крючок. Ты ведь никого не выпускаешь. Ты вертишь людьми, как куклами. Не от страха смерти ты их избавляешь, а от имущества. Подбираешь только одиноких, у кого нет наследников. И потом выкручиваешь им мозги — чтоб они из благодарности перевели на тебя недвижимость. Мычи, мычи! — Я засмеялся, вдавливая кулак в живот, чтоб

было не так больно. — Лана раскусила тебя и опомнилась, но было поздно. Ты уже не мог ее отпустить. Она ухватилась за меня, как утопающий за соломинку. Ей вообразилось, что парень с широкими плечами и рожей в шрамах может быть защитой от тебя. Ты тоже этого испугался. Вот и поставил точку. Заряд прозрачной взрывчатки на дверцу — и проблема снята, да?

Громов на несколько секунд закрыл глаза. Понял, что не выкрутится.

«Ах, Лана, Лана, — думал я. — Почему ты мне не доверилась? Пусть я полупокойник, но я бы успел тебя спасти. А теперь мне остается только отомстить…»

Я вынул из-за пояса пистолет, военный трофей. Щелкнул предохранителем. Глаза убийцы открылись. Они напряженно смотрели на меня.

— Ммы-ммы-ммы, — сказал Громов.

— Ладно. Я сниму скотч. На две секунды. Чтоб ты мог ответить мне на один вопрос. От этого будет зависеть еще одна жизнь. Твой обсосок, — я показал дулом на ассистента, — знал, что ты собираешься убить Лану?

До этого момента ассистент сидел тише мышки, только глазами хлопал, а тут тоже зугугукал, зашевелился.

— Коротко: да или нет?

Я наполовину отодрал клейкую ленту.

Громов быстро сказал:

— Вы видели, как она на меня посмотрела?

Выругавшись, я приклеил скотч обратно. При моей работе я повидал немало отморозков, но такой фантастической гадины еще не встречал. У него был шанс спасти своего помощника. Вместо этого Громов решил покуражиться — напомнить мне, как Лана приходила к нему прощаться. Наверное, надеялась его разжалобить. А он бросил ей вслед: «Не будем отвлекаться».

— Торжествуешь? — Я приставил ствол к его лбу. — Сгинь, нечисть.

***

— Лев Львович… — Я задыхался. Из-за этого речь получалась прерывистой. — …Очень больно. Капли все-таки убили сулажин. Я долго так не выдержу… Вы обещали…

— Черт, — сказал он. — Я тебя предупреждал! Опиши симптомы. Как будто в животе моток колючей проволоки, и она всё время распрямляется?

— Да. Вы мне поможете? Вы обещали, что я не буду мучиться. Что нужно сделать?

— Ты знаешь, я слово держу. Не волнуйся. Но, может быть, все-таки объяснишь, зачем тебе понадобилось идти на такой риск? Что за необходимость?

— Объясню. С удовольствием. Я еще и поэтому звоню… — Я подавил стон. — Знаете, Лев Львович, я нашел отличный способ умереть без страха.

Topreading.ru

— Какой?

— Совершил напоследок один хороший поступок. Освободил белый свет от ужасного мерзавца.

— Что значит «освободил»?

— То и значит. Приставил ему пушку ко лбу. И вышиб мозги. Вон, вся стена в брызгах. Заглядение.

Лев Львович вздохнул.

— Это у тебя, Николай, сухие галлюцинации пошли. Среди бела дня. Реакция на химическое подавление сулажина.

— А-а-а! — я подавился криком. — Пожалуйста! Всё, больше не могу! Помогите, иначе я себе тоже башку прострелю! Вы говорили, что это не слишком надежный способ…

— Есть способ лучше. Он у тебя в кармане. Если ты, конечно, не оставил сулажин дома.

— Нет. Он всегда со мной. Ы-ы-ы! Ради бога, Лев Львович… Что мне делать?

После короткой паузы он грустно сказал:

— Просто выпей сразу шесть таблеток. Через пять минут боль утихнет. Потом ты начнешь цепенеть, сознание станет угасать. Больно не будет.

Я ударил стаканом о графин, чуть не расплескал воду.

— …Всё! Выпил… — И заскрипел зубами. — Пять минут я как-нибудь вытерплю…

— Сядь в кресло, откинься назад, — инструктировал меня он. — Я буду всё время с тобой. До самого конца. Как и обещал. Пока ты сможешь держать трубку.

— Я ее положу и включу громкую связь… Так слышно?

— Да. Хочешь мне что-нибудь сказать?

— Это не галлюцинация. Я действительно убил Громова.

— Господи, он-то в чем перед тобой провинился?

Судя по тону, Лев Львович все-таки мне не верил. И я рассказал ему всё. Язык начал заплетаться. Выговорить за один прием длинное слово у меня не получалось.

— …Я умираю со спокойным сердцем. Избавил чело…вечество от выродка. И отомстил за Лану. Мне хоро…шо. И уже не больно. Бла…года…ря вам… Я не бре…жу. Чессс…

Вот я уже и с коротким словом «честно» не справился.

— Больше не можешь говорить? — спросил Лев Львович. — А руками шевелить можешь?

— М-м-м, — промычал я.

— Не можешь… Паралич наступает за шесть-семь минут до смерти. Но слышать ты меня будешь до тех пор, пока не отключится мозг. Что ж, Николай. Слушай. Тебе это будет интересно. А мне тоже надо выговориться. Я ведь живой человек. Нельзя всё носить в себе — крыша поедет… Расскажу тебе одну мелодраматическую историю. Жил-был на свете один человек — умный и сильный. Была у него одна-единственная слабость. Очень он любил свою жену. А она, представь себе, ему изменяла. Несколько лет. С лучшим другом, которому этот человек спас жизнь. Они оба служили в опасных местах, хоть и в разных подразделениях. Один был врач, другой — наоборот. Друг сказал: «Я больше не хочу убивать людей, я хочу стать таким, как ты». Я тогда и не подозревал, до какой степени ему хочется занять мое место. В том числе в сердце Ланы… Не мычи, Николай. Ты меня сбиваешь… Я узнал про их шуры-муры полгода назад. Конечно, развелся. Поставил ей одно условие: хочешь жить — порви с ним. Она пообещала — и обманула. Хотя хорошо меня знала. Знала, что я слов на ветер не бросаю. Тогда я сказал ей: «Условия сделки меняются. Ты умрешь. Это решено. Но если хочешь, чтобы он остался жив — напиши, что никогда его не любила и возвращаешься ко мне. Никаких прощаний, никаких нежных взглядов. Иначе убью обоих». Я сам продиктовал ей письмо. Конечно, я все равно собирался их обоих прикончить. Просто хотел, чтобы Громов напоследок почувствовал себя преданным… У меня был неплохой план. Но тут очень кстати объявился ты со своей банальной язвой. И я сказал себе: «Эврика!» Ты все равно принадлежишь мне. Я подарил тебе несколько лет жизни. Пора и честь знать… Эй, ты меня слышишь? Помычи, что ли… Ладно, наплевать… Я знал, что она все-таки потащится к нему сказать последнее «прости». И знал, когда: прослушивал ее телефон. Отправил тебя к Громову именно в этот вечер. Рассчитывал, что Лана на тебя клюнет — и она клюнула. Она видела твою фотографию — у меня дома целый иконостас из пациентов, которых я вытащил с того света. Лана обязательно должна была вцепиться в крутого парня, героя войны. Чтоб защитил ее от меня. Своим драгоценным Громовым она рисковать не хотела, а тобой — запросто. Я хорошо знаю свою ненаглядную женушку. Дальше совсем просто. Военный трофей, невидимая мина, избавил меня от Ланочки. А до Громова должен был добраться ты. Если бы ты сбился со следа, я бы тебе дал подсказку. Но ты пес нюхастый, быстро вышел на цель. Хвалю. Прощай, дурачок. Этот мобильник я выкину. Он был заведен специально для тебя. Передавай привет Ланочке… Впрочем, ты, наверное, уже там…

И Лев Львович отключился.

***

— Ну, что я вам говорил? — сказал Громов. — Теперь вы, наконец, меня развяжете? Настоящий убийца найден, есть запись, есть свидетели.

Я молчал, всё смотрел на телефон. И никак не мог осознать весь смысл услышанного. Живот давно перестал болеть — практически сразу после того, как Громов сказал, где у него в аптечке лежит обезболивающее.

— Язва? — медленно произнес я. — Он сказал «язва»?

— Да. Вы проживете еще сто лет. Сильные боли у вас были от сулажина, Лев нарочно вас на него подсадил. Николай, да развяжите же нас!

— Почему она вам всё-таки не рассказала? — спросил я, перерезая веревку. — Вы могли бы ее спасти от этого полоумного Отелло.

Потирая запястья, Громов хмуро ответил:

— Боялась за меня. Слишком сильно любила. Вы же помните, как она на меня посмотрела. Там, в гостиной…

— Помню. Поэтому и не выстрелил.

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы скорее человек действия, а не рефлексии, но в сложной ситуации не теряете рассудительности, и это Вас не раз выручало.

Таинственное Вас не пугает и не отталкивает, а наоборот интригует и притягивает.

Вы не боитесь новизны и эксперимента, но не любите лишнего риска. Семь раз отмеряете, прежде чем отрезать.

Вы умеете находить компромиссы и уклоняться от лобовых столкновений, ссор, не любите выяснять отношения.

Работать и делать важные дела Вы предпочитаете не в одиночку, а в команде.

Вы умеете радоваться жизни и вообще скорее оптимист, чем пессимист.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(4)

Болтливый попутчик мне сейчас был ни к чему. Поэтому я прошел мимо «девятки» и сказал нерусскому человеку:

— На Петровку. Пятьсот.

Он молча кивнул, глядя в сторону. До Рязанки мы доехали быстро, но там в сторону центра машины еле ползли. Я не просил шофера гнать, спешить пока было некуда, но он сам с невероятной напористостью и сноровкой двинулся вдоль почти неподвижного потока: то выруливал на встречку, то, пробившись вправо, выезжал на тротуар и гнал прямо по нему. Мы не стояли ни одной минуты.

За всё время водитель ни разу на меня не посмотрел. Его синеватая от непробритости физиономия была каменной, большой нос торчал крюком, глаза мрачно глядели перед собой, черный чуб свисал наподобие полуопущенного забрала. Может, человек был с похмелья. Или его одолевали какие-то проблемы не сильно веселее моих. Но мне вообразилось, что я еду навстречу смерти на черном катафалке, и везет меня черный ангел.

Пускай везет, куда суждено. Только прихватим с собой в дальнюю дорожку еще кое-кого…

Полухин со мной связался, когда мы были уже у Марксистской. Два часа прошло с тех пор, как я ему позвонил и попросил навести справки насчет некоего Громова и «Подготовительных курсов» на Малой Дмитровке. Объяснять ему ничего не стал. Сказал лишь, что, может быть, это след, а может быть, пустышка. Мол, не хочу пока грузить.

Судя по тому, как шустро Полухин отзвонился, другого следа у него не было.

— Давай ко мне, срочно. И выкладывай всё, что знаешь. Как ты вышел на Громова? В каких он отношениях с Каратаевой? — вопросы так и сыпались.

— Уже еду, — сказал я. — Говорить не могу. Могу слушать.

Он запыхтел:

— Выслушаешь у меня в кабинете. Когда приедешь.

Ход его мысли мне был понятен.

— Брось. Я у тебя раскрытие отбирать не собираюсь. В моем положении, мне на это… сам понимаешь. Но в контору не поеду. Тяжело. Начнут соболезновать, то-сё. Давай в «Мама-миа». Минут через двадцать.

Когда я вошел в пиццерию, Полухин меня уже ждал. Ерзал от нетерпения. Но я предупредил:

— Сначала рассказываешь ты. Потом я.

— Ладно. Не знаю, где ты нарыл этого Громова, но, похоже, попал в десятку. Он подполковник в отставке. Три года как на гражданке. Зарегистрировал ООО, какие-то там курсы, где непонятно чему учат. Доход от этого бизнеса мизерный, еле на аренду хватает. А живет господин Громов Иван Сергеевич на широкую ногу. Квартира класса «люкс», тачка «порше-кайенн», все дела.

— На какие шиши?

— Это интересно. Громов в разное время получил в наследство, причем не от родственников, шесть объектов недвижимости: четыре квартиры и два загородных дома. Загадочное везение, да?

Ничего загадочного, подумал я. Благодарность обреченных пациентов, которых он избавил от страха смерти.

— Подполковник? — переспросил я, вспомнив, как Громов говорил, что в прежней жизни несколько раз находился на пороге смерти. — Где служил?

— Вопрос в самую точку! — Полухин азартно рассмеялся. — Насчет доходов и завещаний я быстро выяснил, у ребят из налоговой полиции. А вот с биографией мистера Громова пришлось повозиться. Где служил, чем занимался — непонятно. Засекреченные сведения. Но ты в курсе, у меня всюду ходы есть. Позвонил одному перцу сам-знаешь-откуда. За ним должок…

Он подмигнул.

— И что?

— Спецоперации против боевиков и террористов. Контрдиверсионная деятельность. Понял?

— И взрывное дело? — тихо спросил я.

— А то! — Полухин прямо сиял. — Насчет прозрачной взрывчатки меня тоже просветили. Добыть ее, оказывается, не особенная проблема. На Митинском рынке, если правильных людей знать, — запросто. Рыбаки-браконьеры пользуются. Ее в воде не видно. Но тут вот какая штука. Взрывчатка эта не то чтоб как стекло, стопроцентно прозрачная. Она скорее как медуза. Если просто прилепить на дверцу, заметно. При диверсиях такие мины обычно используют в темное время суток. А Каратаева наша утром взорвалась. Не слепая же она была? Чтобы установить взрывной механизм прямо на дверце абсолютно незаметно, нужен специалист экстра-класса. Мой перец вообще засомневался, возможно ли это.

— Так возможно или нет? — спросил я, вспомнив, что Лана не сразу открыла дверцу, а простояла перед ней несколько секунд, будто колебалась, уезжать или нет. Раз она не заметила мину, значит, та была очень ловко замаскирована.

— Говорят тебе, если кто и мог бы это сделать, то специалист экстра-класса. Такой как Громов.

Мы еще посидели, поговорили, но я уже не столько слушал, сколько прикидывал, как избавиться от Полухина, чтоб не путался под ногами. Была у меня на этот счет заготовка.

Когда я закончил его потрошить, он сказал:

— Теперь ты выкладывай. Как тебе удалось так быстро зацепить этого Громова? Колись, Коля.

— Очень просто. Каратаева у него ночевала. — Я спокойно выпустил струйку табачного дыма. «Мама-миа» хороша тем, что здесь плевали на правила и разрешают курить. — Если это тот же самый Громов.

Я коротко описал внешность владельца «Подготовительных курсов».

— Это он, но… — Полухин наморщил лоб. — Погоди, Громов живет на Пречистенке, вот адрес. Квартира — двести метров, круглосуточная охрана, подземный гараж. На кой ему твое Выхино?

— Выясняй. — Я пожал плечами. — Интересный вопрос, на кой этому жуку понадобилась однушка в спальном районе. Но зачем-то приобрел. Часто там бывает. И сейчас тоже там.

Здесь Полухин вообще чуть не подпрыгнул.

— Откуда ты знаешь, что он сейчас там?

— Агента приставил. — Я подмигнул. — Ладно, завязываю тебя интриговать. Просто мне повезло. У нас на первом этаже живет полупарализованная старуха, Ираида Кондратьевна. Целыми сутками сидит на кухне у окна и смотрит: кто пришел, кто ушел. Это у нее навроде телевизора. Я после того как с тобой поговорил решил к ней наведаться. Она меня любит, я ее курить научил. — Врать нужно нагло, с ненужными деталями. Тогда верят. — Старушка мне и рассказала, к кому фифа-брюнетка похаживает. К Громову из девяносто второй. Про то, что у Громова какие-то курсы на Малой Дмитровке, я тоже от Ираиды узнал. Она кладезь информации. Сейчас бабуля сидит и надзирает. Если Громов уйдет — позвонит. На твоем месте я бы его сразу брать не стал, а установил наблюдение. Человек серьезный, и дела у него серьезные.

— Само собой, — озабоченно сказал Полухин и потушил сигарету. — Дай номер твоей Кондратьевны.

— Не будет она с тобой говорить. Она чужим не доверяет. Если что, позвонит мне, а я тебе. Давай, Полухин. Торопись. Третий подъезд, седьмой этаж, справа. Синие занавески. Первым делом поставь наружную прослушку через вибрацию стекол — и паси. Не мне тебя учить.

Полухин едва со мной попрощался — еще не дойдя до двери, уже что-то бубнил в трубку.

Я коротко описал внешность владельца «Подготовительных курсов».

— Это он, но… — Полухин наморщил лоб. — Погоди, Громов живет на Пречистенке, вот адрес. Квартира — двести метров, круглосуточная охрана, подземный гараж. На кой ему твое Выхино?

— Выясняй. — Я пожал плечами. — Интересный вопрос, на кой этому жуку понадобилась однушка в спальном районе. Но зачем-то приобрел. Часто там бывает. И сейчас тоже там.

Здесь Полухин вообще чуть не подпрыгнул.

— Откуда ты знаешь, что он сейчас там?

— Агента приставил. — Я подмигнул. — Ладно, завязываю тебя интриговать. Просто мне повезло. У нас на первом этаже живет полупарализованная старуха, Ираида Кондратьевна. Целыми сутками сидит на кухне у окна и смотрит: кто пришел, кто ушел. Это у нее навроде телевизора. Я после того как с тобой поговорил решил к ней наведаться. Она меня любит, я ее курить научил. — Врать нужно нагло, с ненужными деталями. Тогда верят. — Старушка мне и рассказала, к кому фифа-брюнетка похаживает. К Громову из девяносто второй. Про то, что у Громова какие-то курсы на Малой Дмитровке, я тоже от Ираиды узнал. Она кладезь информации. Сейчас бабуля сидит и надзирает. Если Громов уйдет — позвонит. На твоем месте я бы его сразу брать не стал, а установил наблюдение. Человек серьезный, и дела у него серьезные.

— Само собой, — озабоченно сказал Полухин и потушил сигарету. — Дай номер твоей Кондратьевны.

— Не будет она с тобой говорить. Она чужим не доверяет. Если что, позвонит мне, а я тебе. Давай, Полухин. Торопись. Третий подъезд, седьмой этаж, справа. Синие занавески. Первым делом поставь наружную прослушку через вибрацию стекол — и паси. Не мне тебя учить.

Полухин едва со мной попрощался — еще не дойдя до двери, уже что-то бубнил в трубку.

Я малость расслабился, а то от напряжения даже в животе закололо.

Теперь у меня было достаточно времени, чтобы разобраться с мистером Громовым. Минимум несколько часов. Пока Полухин бумажки на наблюдение оформит, пока техникой загрузится, пока доедет, пока аппаратуру установит. Вламываться в квартиру он не станет. Да и побоится связываться с таким волчиной. Особо опасных преступников лучше свинчивать на улице.

Девяносто вторая квартира на седьмом этаже — это моя. Я там специально для Полухина глушилку поставил, в свое время с работы упер. Глушилка снимает вибрацию со стекол –невозможно слушать шумы в помещении, если нет жучков. Полухина такая предосторожность со стороны липового Громова должна сильно заинтересовать.

До Малой Дмитровки я дошел минут за десять. Рези в животе стали сильней. Очень мне это не нравилось. Неужели капли все-таки нейтрализовали анестезирующий эффект сулажина? Но голова работала нормально и руки не дрожали, а это главное. И всё же следовало поторапливаться. Не дай бог скрутит — тогда всё пропало.

Войдя во двор, я вздохнул с облегчением. «Порше» был на месте — не там, где вчера, а чуть поодаль. Значит, Громов уезжал и вернулся. Он здесь!

Соваться прямо в дверь не стоило. Мое появление насторожило бы убийцу, а человека с такой биографией можно взять только врасплох.

Сбоку, чтоб не попасть в обзор камеры наблюдения, я приблизился к двери. Открыть замок ничего не стоило, это я умею. Но наверняка сработает датчик.

Я вспомнил, что вчера, когда я шел к Ланиному «ауди», громовская машина хрюкнула. На ней установлена чуткая сигнализация. Отлично!

На асфальте валялась пивная бутылка. Я прицелился, запустил ею в «порше».

«Уи-уи-уи-уи!» — немедленно заверещал немец. Ну-ка, кто выскочит — сам или помощник?

Выбежал лысый. Я проскользнул в дверь, пока она не закрылась. По лестнице спустился бесшумно. В коридоре вжался в стену.

— Что там с машиной, Влад? — донесся голос Громова.

Из кабинета с открытой дверью. Метров шесть до нее было.

— Бутылкой? — переспросил Громов. — Сверху откуда-нибудь? Из окна? …Ладно, сейчас выйду. Разберемся.

Я нырнул обратно, в закуток перед лестницей. Ударил себя кулаком под дых, чтобы заглушить боль. В другой руке у меня был электрошокер.

Быстро приближающиеся шаги. Раз, два, пора!

Получи, сволочь!

Громов повалился, как паинька. Смачно стукнулся затылком о линолеум. Я не удержался — еще и приложил его пару раз ногой, хотя он сейчас ударов и не чувствовал.

Не прошло минуты, а голубчик уже сидел, прикрученный к креслу. Пасть заклеена скотчем. Я

экипировался как следует, ничего не забыл.

Теперь нужно дождаться, когда вернется лысый Влад, и можно приступать к беседе.

Ассистент появился не сразу. Сначала у Громова в кармане зазвонил телефон. Умолк. Снова зазвонил. Наконец на лестнице послышались шаги.

— Иван Сергеевич! Вы где?

Заглянул в кабинет, охнул. Два раза. Сначала от удивления, когда увидел своего шефа. Потом от удара ребром ладони по затылку.

Влада я пристроил рядышком, на стуле. Тоже по всей форме: связанного, с залепленным ртом.

Как раз и Громов очухался. Вытаращил на меня глаза, замычал.

— Картина Репина «Не ждали»? — сказал я ему. — Не думал, что я так быстро тебя срисую?

Если бы не спазмы, раздиравшие всё нутро, я был бы на седьмом небе.

— На свете есть справедливость. — Я вынул пистолет. Заныкал на одном обыске еще два года назад. Как чувствовал, что пригодится. — Сейчас ты в этом убедишься. Сколько бы ты выручил за квартиру Ланы Каратаевой? Полмиллиона? Даже меньше, ведь она тебе не родственница, пришлось бы платить налог на наследство. На всем свете столько денег нет — вот какая это была женщина. А ты ее мучил страхом, оставил от нее одно мокрое пятно. За это надо было бы тебя не сразу прикончить.

Я приставил ствол к его животу — в том же месте, где у меня разгорался костер. Потом прицелился в колено. В заклеенный рот. Громов часто мигал и всё порывался что-то сказать.

— Ладно. Я не такой зверь, как ты. — Дуло ткнулось ему в лоб. — Умрешь быстро. Но сначала ответь на один вопрос… Я вот чего в толк не возьму. Лана не была больна. Как ты затащил ее в свои сети? Почему она завещала тебе имущество? — Я наполовину отодрал скотч. — Говори правду, не то по ушам надаю. Больно.

Громов быстро заговорил:

— Вы ошибаетесь, Николай! Пожалуйста, успокойтесь! У вас галлюцинации! О каком пятне вы говорите? О каком завещании? Никуда я Каратаеву не затаскивал! Я познакомился с ней, когда был в гостях у друзей. Она стала вешаться мне на шею, но я не люблю навязчивых женщин. Потом она появилась здесь, на курсах. Выяснила у общих знакомых, чем занимаюсь. Пришла, прикинулась смертельно больной. Но я профессионал, меня одурачить трудно. Я попросил ее уйти. Однако от психопаток такого склада отделаться непросто. Они впиваются намертво…

Дальше я его враки слушать не стал. Он еще смеет оскорблять память Ланы подлой ложью! Я залепил Громову рот и, как обещал, с размаху врезал по ушам. Он взвыл. Но вряд ему было больнее, чем мне. Я глотнул воды из графина. Сжигавший меня огонь от этого не утих.

— Галлюцинации, говоришь? И это тоже?

Я сунул ему ксерокс Ланиного завещания, выпросил у Полухина. И потом, с наслаждением, всадил Громову пулю меж выпученных глаз.

Рукав забрызгало кровью. Труп опрокинулся вместе с креслом.

Ассистент засучил ногами по полу, пытаясь отодвинуться от меня на своем стуле. На голом скальпе выступили капли пота. Вероятно, холодного.

— Надо бы и тебя грохнуть, — сказал я. — Ты наверняка у него в доле.

Влад отчаянно замотал головой.

— Ладно, живи. Расскажешь, что тут было… Хотя нет, наврешь с три короба…

Зажимая рукой брюхо, я набрал номер Льва Львовича.

— Всё… Загибаюсь. Разрывает! Сделайте что-нибудь.

Он выругался.

— Я же предупреждал! Зачем тебе это понадобилось? Подумаешь, сознание подплывало! А теперь боль ничем не остановишь!

— Остановишь, — сказал я сквозь зубы. — Вы знаете, как. Вы обещали! Я готов. Я не боюсь. Пожалуйста! Иначе я мозги себе вышибу. Прямо сейчас! У меня пистолет в руке.

Лев Львович тяжело вздохнул.

— Эх, Николай, Николай. Сулажин у тебя при себе?

— Да.

— Проглоти шесть таблеток. Воды побольше. Скоро отпустит… Но это всё, ты понял?

— Понял, понял.

Я жадно насыпал в рот пилюли, запил водой. Снова схватил трубку.

— Долго еще? Мочи нет!

— Недолго. Рассасывание почти мгновенное. Две-три минуты. Потерпи… Ты вот что. Сядь или лучше ляг. Включи громкую связь. Я буду с тобой до конца.

Лег я на пол, больше было некуда. Мобильник положил рядом. Разговор с Львом Львовичем, как всегда, подействовал на меня успокоительно. А может быть, уже заработала сверхдоза сулажина.

— Расслабься. Ничего не бойся, — звучал возле уха печальный голос. — Через некоторое время у тебя наступит одеревенение мышц, ты не сможешь говорить. Слух отключится позже. Поэтому просто лежи и слушай.

— Нет, Лев Львович, это вы меня слушайте. Мне сейчас не психологическая поддержка нужна. Я хочу, чтобы вы всё запомнили и рассказали следователю. Его фамилия Полухин. У меня тут свидетель, но он лицо заинтересованное. По нему самому тюрьма плачет. Ничего, Полухин с ним разберется…

— Нет, Лев Львович, это вы меня слушайте. Мне сейчас не психологическая поддержка нужна. Я хочу, чтобы вы всё запомнили и рассказали следователю. Его фамилия Полухин. У меня тут свидетель, но он лицо заинтересованное. По нему самому тюрьма плачет. Ничего, Полухин с ним разберется…

Ассистент извивался, пытаясь высвободиться из пут, но узлы я кладу крепкие, можно было не беспокоиться. Вот клейкая лента у него начала отлипать — очень уж активно он двигал губами.

Сначала говорить было нетрудно, потому что боли я больше не чувствовал. Вместо нее изнутри подступало прохладное онемение. Оно, пожалуй, было даже приятным.

Я рассказал Льву Львовичу, как всё произошло. Он слушал, не перебивая. Только под конец пару раз переспросил. Но это потому что у меня начал заплетаться язык, и некоторые слова проглатывались.

Лысый Влад понял, что с веревкой не справится. Изогнувшись, он терся мордой об угол стола, отдирал скотч. Помешать ему я уже не мог, руки-ноги почти не двигались. Но пускай — нестрашно.

— Одного не пойму, — сказал Лев Львович. — Зачем Громову понадобилось ее взрывать? Ведь в случае насильственной смерти первое подозрение падает на наследника. А он даже не родственник.

— Не знаю, — с трудом пролепетал я.

— И еще. Почему она все-таки не попросила тебя заступиться? Ты ведь сказал ей, что ты следователь?

— Сказал…

Скотч повис у ассистента на углу рта.

— Да знала она, что вы следователь! — крикнул Влад. — Она ко мне вчера заходила, когда все в гостиной сидели! Спрашивала, кто этот, со шрамом. Я сказал: следователь. Она улыбнулась, говорит: «Подарок судьбы». И вышла. Что вы натворили! Иван Сергеевич ни в чем не виноват! Эта Каратаева ему проходу не давала. Она его замучила! Какой человек был! Лучший на свете!

И зарыдал, не мог больше говорить.

— Николай, ты не мог ошибиться? — Голос Льва Львовича звучал, будто из колодца. — Есть такой род параноидального помешательства — обсессионная влюбленность. В крайней форме может привести больного к убийству или к самоубийству…

Сделав неимоверное усилие, я заставил губы и язык шевелиться. Они не могли отобрать у меня последнее, что у меня осталось от всей моей нескладной жизни.

— А з…за…ве…

Нет, не смог выговорить длинное слово. Но Лев Львович догадался.

— Завещание? Она могла нарочно его составить. Чтоб утянуть за собой объект влюбленности. Патологическая любовь легко переходит в патологическую ненависть!

Неважно, всё это теперь было неважно. Меня утягивало. Из пахнущего кровью кабинета, из одеревеневшего тела, из бессмысленного мира. Я выползал из бытия, как личинка из яйца. Улетучивался, как воздух из проколотого шарика. Вызмеивался, как дым из трубки.

Меня завило вьюном, утащило в воронку. Она была черная, но не глухая, и через некоторое время вверху забрезжил свет.

Кто-то ждал меня там. Кто-то тянул ко мне тонкие и белые, как два луча, руки.

Это была черноволосая женщина с огромными сияющими глазами.

Это была Лана.

«Ну вот и ты, — зашептала она. — Видишь, как хорошо я всё устроила? Я купила взрывчатку, я научилась ею пользоваться, я сама прилепила ее на дверцу. Тебя мне подарила судьба. Я знала, ты до него доберешься и отправишь его вдогонку за мной. Теперь вы оба здесь, мои мужчины. И никуда от меня не денетесь».

Руки-лучи коснулись моего лица — верней места, где раньше у меня было лицо. Я отшатнулся. Я хотел назад — в воронку, в черноту, только бы подальше от этого шепота.

Но назад было нельзя.

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы скорее человек действия, а не рефлексии, но в сложной ситуации не теряете рассудительности, и это Вас не раз выручало.

Таинственное Вас не пугает и не отталкивает, а наоборот интригует и притягивает.

Вы не боитесь новизны и эксперимента, но не любите лишнего риска. Семь раз отмеряете, прежде чем отрезать.

Вы умеете находить компромиссы и уклоняться от лобовых столкновений, ссор, не любите выяснять отношения.

Работать и делать важные дела Вы предпочитаете не в одиночку, а в команде.

Вы склонны к пессимизму (выбирая средство передвижения, сели в ладью к Харону) и склонны оценивать жизнь в лунном, а не солнечном свете.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались,

вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(5)

Глубоко вздохнула. Побежала на бульвар.

Прожить последние три месяца самураем — это, наверное, прекрасно. Только я никакой не самурай.

Нужно было сделать крюк: по подземному переходу на ту сторону площади, потом еще вдоль тоннеля. Выйдя на угол Гоголевского бульвара, я набрала номер Льва Львовича еще раз, уже безо всякой надежды. Он не взял, но включился автоответчик.

И очень хорошо. То, что я собиралась сказать, нужно было выпалить разом. На это у меня сейчас пороху бы хватило. Но не на то, чтобы услышать что-то в ответ.

Я никогда и никому об этом не говорила. И не вспоминала про это. Старалась не вспоминать.

— Лев Львович, я не приду. Потому что вы не знаете про меня главного. Из-за чего я такая, какая я есть. Помните мою депрессию, три года назад? Конечно, помните. Вы никогда не спрашивали, а я не говорила… Я попала в автокатастрофу. Была за рулем. Машина перевернулась и загорелась. Со мной была дочка, четырехлетняя. Я сама вылезла, а ее не вытащила. Потому что машина горела, и было страшно. Дочка кричала, а я не могла двинуться с места. Вот такой из меня самурай. И куда мне от этого деться? Я получила от судьбы то, чего заслуживаю. Туда мне и дорога. Всё.

От волнения я не поняла, успело ли всё записаться. Неважно. Главное, что я это проговорила вслух. Впервые.

Я спрятала телефон.

Каменный Гоголь лукаво улыбался мне с высоты, из-под столбов таращились круглыми глазами маленькие веселые львы.

За оградой стоял Громов и махал мне рукой. Он был торжественный: в костюме, белой рубашке, галстуке.

— Прекрасная новость, Антонина, — сказал Громов, пожимая мне руку. — Ночью умер один из моих учеников. Вы его не видели, он последнюю неделю уже не вставал. Мне позвонила вдова. Умер он в ясном сознании и с улыбкой. Я спас еще одного. Мой груз стал легче.

— Рада за вас, — пробурчала я, еще не придя в себя после моего телефонного харакири (тьфу, привязалась самурайская тема!). — Вы меня из-за этого так срочно вызвали?

— Нет. — Олег Вячеславович, не выпуская моей руки, пристально смотрел на меня. — Я думал про вас. Я вас *чувствовал*. И понял, что мы очень похожи. На вас тоже лежит какой-то тяжкий груз. Не говорите, какой. Помните о дистанции. В любом случае, только вы сами можете от

него избавиться.

— Не могу.

— Можете. Я объясню, как. У нас ведь целых три месяца. Этого должно хватить, чтобы я расплатился со своими долгами и подготовил вас.

— То есть как?! — переполошилась я. — Вы обещали, что еще одно занятие, и я обрету покой! Мне очень нужен покой! Вы не представляете, что со мной происходит! Сегодня мне еще хуже, чем было вчера!

— Чтобы подготовить вас к смерти, хватило бы одного занятия. Но я должен подготовить вас к жизни. Это гораздо трудней.

«И этот туда же», — с тоской подумала я.

— Какой в этом смысл? Зачем?

— Мне нужно оставить кого-то вместо себя. Вы — годитесь. В этом и заключалось мое озарение. Я сброшу груз и уйду. Но я должен оставить кого-то, иначе я не смогу уйти с чистым сердцем. Мы будем заниматься каждый день. Я научу вас работать с больными душами. У вас получится, я знаю. И как только вы будете готовы, а я расплачусь со своими долгами, мы уйдем вместе. Вы проводите меня на ту сторону тоннеля, мы попрощаемся, и вы вернетесь обратно.

Громов держал меня за руку, но смотрел куда-то вверх. Глаза у него оказались ярко-голубые. А может быть, в них просто отражалось весеннее небо.

— Я…не понимаю… Да как же я оттуда вернусь?

— Вернетесь. Я помогу вам. Я знаю, как это сделать. Вы очнетесь, выздоровеете. И будете помогать обреченным преодолевать страх.

— Вы что, забыли? У меня рак в терминальной стадии!

Он небрежно пожал плечами.

— В момент второй смерти у меня были ранения, не совместимые с жизнью. Но я очнулся и, как видите, жив-здоров. То же произойдет и с вами. У души есть свои ресурсы. Метастазы исчезнут. Вы больше вообще не будете болеть, никогда. Останется только груз, который будет вас тянуть книзу. Но дело, которым вы станете заниматься, поможет вам избавиться от этого бремени.

— Вам-то легко, — пожаловалась я. — Чистая арифметика: столько-то душ угробили, столько-то спасли. И свободны. А когда освобожусь я?

— Вы это поймете сами. Почувствуете. Тогда подготовите себе замену. И отправитесь в вольный полет.

Громов скользнул по мне взглядом и снова уставился в небо.

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы склонны к рефлексии, стараетесь уклоняться от потенциально опасных и конфликтных ситуаций.

Склад характера довольно холодный, эмоции в Вас не бурлят. Тип мышления: умозрительный. Хорошо развиты фантазия и восприимчивость к искусству.

Теория дается Вам легче, чем практическая сторона жизни.

Вы довольно добродушны, у Вас хорошее чувство юмора. Советую дожить до старости. У Вас будет неплохой шанс достичь мудрости.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(6)

Глубоко вздохнула. Побежала в скверик.

Сталкиваясь с прохожими, извиняясь, начиная задыхаться, я пыталась объяснить самой себе свой выбор.

Неужели дело в том, что с Громовым я познакомилась только вчера, а Льва Львовича знаю давно и привыкла ему доверять? Ну да, и в этом тоже. Я слишком многим обязана этому человеку, невозможно его обидеть — взять и не придти на первую встречу. Но не только это, не только.

Я боюсь Громова, вдруг поняла я, на бегу оглянувшись и посмотрев в жерло тоннеля, откуда сплошным потоком выползали автомобили. Он тянет меня в тьму, а Лев Львович хочет, чтобы я до самого конца — сколько уж получится — оставалась на свету. Не закрывала глаза, не затыкала уши, не ёжилась. И тогда, может быть, на самом излете жизни, я пойму и почувствую, *что она такое*.

Решение было правильное. С каждым шагом, с каждым метром я всё больше уверялась в этом. В руке у меня был телефон, я хотела еще раз попробовать связаться с Громовым — и не стала.

Не желаю смиряться с неизбежностью. Это всё равно как если бы в раннем детстве, когда впервые узнаёшь, что однажды придется умереть, начать немедленно к этому готовиться и каждую минуту говорить себе: «Этого делать не надо, потому что я умру; любить никого не надо, потому что или я умру, или он умрет; всё не имеет смысла, потому что впереди смерть».

Я даже засмеялась, будто сбросив с себя тот самый груз, о котором твердил вчера Громов. Или какой-то другой груз, не знаю.

Как прекрасно, что на свете есть Лев Львович. В самый драматичный момент жизни рядом со мной оказался человек, который *не дал мне пропасть*.

Не дожидаясь, пока зажжется зеленый, прямо перед носом у машин, я перебежала на угол Никитского бульвара и через минуту была уже перед оградой.

Возле памятника было несколько человек. Я смотрела не на лица — на руки. Но желтого портфеля ни у кого не было.

Взглянула на часы. Девять минут одиннадцатого. Не так уж сильно я опоздала. Пришла раньше Льва Львовича. Надо подождать. Заодно и отдышусь.

Зазвонил телефон. Посмотрела — Громов.

Брать, не брать?

Возьму. Прятаться от жизни я больше не буду.

— Извините, Олег Вячеславович, — сказала я. — Хотела вас предупредить, но не могла соединиться.

— Да, я вижу, что вы звонили четыре раза. Что-то случилось?

— Я не приду. — Как твердо, как уверенно я говорила! — Я не хочу умирать прежде смерти. Вот и всё.

Он помолчал и спросил, тихо:

— И вы уверены, что у вас хватит на это сил? Вчера мне так не показалось.

— У одной, может, и не хватило бы. Но, слава богу, я не одна.

Опять Громов ответил не сразу.

— У вас кто-то есть? Значит, вчера вы были со мной неискренни. Я не работаю с неискренними людьми. Больше не звоните и не приходите.

— Не приду. Прощайте. Вы… страшный человек.

— Счастливо умереть.

Вот какими словами попрощался со мной Громов.

Корабли были сожжены, альтернативы не осталось. Возбуждение, с которым я бежала вдоль Арбатской площади, кончилось. Где же Лев Львович? Уже двадцать минут одиннадцатого!

В животе начинало подергивать — пока лениво, но я знала, что скоро покалывание перейдет в резь. Вчера вечером я не приняла сулажин, переволновалась и забыла. Зато голова работает ясно. И зрение на периферии не заволакивается туманом.

Когда станет невмоготу, приму таблетку, а пока лучше потерпеть. Хочу во время разговора

Topreading.ru

быть собранной, полностью адекватной.

Однако почему так долго? Вдруг с ним что-то случилось? Он бы позвонил. Лев Львович — человек пунктуальный!

«Откуда ты знаешь, пунктуальный он или нет? — спросила я себя. — Он же никогда сам тебе не звонит, всегда звонишь ты».

И здесь наконец грянуло «Прощание славянки». Даже не взглянув, кто это, я крикнула:

— Лев Львович, где же вы?

— Опять она со своим Львом Львовичем, — проворчал в трубке знакомый голос. — Я тебя предупреждала, Антонина, не перебирай с таблетками — крыша поедет.

Мой врач Софья Васильевна, подруга покойной мамы.

— Сходила к психотерапевту?

— К какому терапевту? — спросила я, потирая висок.

— На Малую Дмитровку. Вчера. Ты же обещала! Господи, Антонина, ты вообще ничего не помнишь? Опять начала про своего Льва Львовича. Нет никакого Льва Львовича. У тебя бред. Мы же это выяснили, забыла? Ты согласилась, пообещала быть умницей. Ей-богу, я сниму тебя с сулажина! Есть другие болеутоляющие. Не такие действенные, зато меньше побочных эффектов.

— А Громов? — осторожно спросила я.

— Что Громов?

— Громов есть? Он был на самом деле?

— Ты про психотерапевта? Да, правильно, его зовут Громов Олег Вячеславович, у меня записано. Это ты мне расскажи, была ты у него или нет?

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Совсем ничего. Ничего и ни о чем, — сказала я и поскорей сунула в рот таблетку.

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы склонны к рефлексии, стараетесь уклоняться от потенциально опасных и конфликтных ситуаций.

Склад характера довольно холодный, эмоции в Вас не бурлят. Тип мышления: умозрительный. Хорошо развиты фантазия и восприимчивость к искусству.

Теория дается Вам легче, чем практическая сторона жизни.

Вы смотрите на жизнь довольно мрачно, вечно ожидаете от нее неприятных сюрпризов и внутренне к ним готовы.

Когда случается что-то плохое, Вы не раскисаете, а наоборот мобилизуетесь. На Вас можно положиться в трудную минуту, но в веселой компании Вы иногда чувствуете себе не в своей тарелке.

А еще Вы верите в загробную жизнь.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(7)

Но это было сильнее меня, я обернулась.

В ту же секунда дверца открылась. Оставив ее нараспашку, Олег кинулся ко мне, а я… я сама шагнула ему навстречу. И прижалась к его груди, и зарыдала от чувства вины, от сознания своей скверности, от невыразимого облегчения — от всего сразу.

— Прости меня, прости, прости… — лепетала я. — Нет, уходи… Еще минуточку, и уходи… Я сейчас справлюсь…

— Никуда я не уйду, — прошептал он мне в макушку. Потом полуобнял меня, повел к подъезду. — Ни о чем не думай. Просто живи, и всё. Я тоже ни о чем думать не буду.

Я поняла, что именно этого мне сейчас больше всего хочется: ни о чем не думать, обо всем забыть. Так я и сделала.

Мы поднялись ко мне, и наступила лучшая ночь моей жизни. Я знала разных мужчин. Пылких, нежных, неутомимых, изобретательных — всяких. Но никогда я не чувствовала такого полного опьянения любовью. Потому что Олег был одновременно и пылким, и нежным, и неутомимым, и изобретательным.

— Ты самый лучший любовник на свете, — сказала я ему, когда мы лежали, пытаясь отдышаться. — А я, дура, чуть от тебя не отказалась.

— Просто ты наконец полюбила, — ответил он.

И это было правдой.

Под утро, когда он наконец уснул, я все-таки стала думать. О том, что у меня впереди три чудесных месяца и что это очень-очень много. Мне несказанно повезло. Я самая счастливая женщина на свете.

— Просто ты наконец полюбила, — ответил он.

И это было правдой.

Под утро, когда он наконец уснул, я все-таки стала думать. О том, что у меня впереди три чудесных месяца и что это очень-очень много. Мне несказанно повезло. Я самая счастливая женщина на свете.

Под ложечкой очнулась и зашевелилась боль. После приема сулажина прошло больше двенадцати часов. Поселившийся во мне звереныш проснулся, разинул голодную пасть и начал кусаться. Мне не хотелось глушить остроту ощущений лекарством, я терпела, сколько могла. Но хищник ворочался всё нетерпеливей, он грыз мои внутренности с нарастающей яростью.

Я не спартанский мальчик, я не выдержала.

Тихонько, чтоб не разбудить любимого, спустила ноги с кровати, потянулась дрожащей рукой к столику. Проглотила таблетку. Но лекарство начинает действовать не моментально. Я согнулась пополам, кусая губы. И не сдержалась, застонала.

Раздался шорох.

Олег сел, обхватил меня за плечи.

— Тебе больно?

Я хотела сказать: «Сейчас пройдет» — и не смогла. Снова простонала.

Тогда он стал целовать мои плечи — с такой страстью, словно наше свидание только что началось. И через минуту я стонала уже не от боли, а от наслаждения.

Олег что-то повторял шепотом. Я разобрала:

— Ты как цветок, как цветок, как цветок…

Он снова уснул, а я лежала и плыла, покачивалась на волнах — уж не знаю, от сулажина или от блаженной расслабленности.

Захотелось пить. Слишком много орала — пересохло горло. Я медленно сняла с груди его руку, поднялась. Посмотрела на Олега, на цыпочках вышла из комнаты.

У дверей валялся пиджак. Олег бросил его, когда мы, обнявшись, шли из коридора, срывая с себя одежду.

Я подняла, поцеловала рукав. Захватила пиджак с собой, чтобы повесить как следует. Перед этим встряхнула.

Из кармана вывалилась маленькая фотография. В темноте было видно только, что это портрет, а чей — непонятно.

Topreading.ru

В наши времена никто не носит фотокарточек — все щелкают мобильником. Если у человека в кармане снимок, это должно быть кто-то особенно дорогой.

Я вдруг сообразила, что совсем ничего не знаю про семью Олега. Женат ли он? Есть ли у него дети?

На кухне я включила настольную лампу, поднесла к ней фотографию — и вздрогнула.

Это была брюнетка, которая сегодня — то есть, уже вчера — заходила на курсы попрощаться. Олег сказал: «Одна из тех, кого я приготовил».

Я вернулась в коридор, ощупала пиджак. Других снимков там не было.

Если «одна из», то зачем карточка? Вчера женщина Олегу ничего не передавала. Я бы заметила. Судя по обтрепавшимся углам, фотография пролежала в кармане долго, я поднесла ее к носу и ощутила запах Олега.

Перевернула. Там было написано: «От твоего сломанного цветка. Помни меня, пожалуйста. Лола».

Несколько минут я просто сидела, судорожно сжимая и разжимая пальцы. Потом вспомнила, что нащупала в кармане пиджака телефон. Сходила за ним.

Потыкала в «контакты» айфона.

Вот она, Лола.

Я нажала кнопку, ни о чем не думая. Просто чувствовала: если не сделаю этого, то не знаю, что со мной будет.

Никто не отвечал. Я сказала вслух: «Перестань. Возьми себя в руки. Четыре часа ночи. Странно, что она вообще не отключила мобильный. Позвонишь завтра и всё выяснишь. Наверняка есть какое-то человеческое объяснение».

Трубку взяли, когда я собиралась дать отбой.

— Олег Вячеславович? Вы уже знаете?

Я молчала. Это не вчерашняя брюнетка. Слишком старый голос. Надтреснутый.

— Лолочки больше нет. — Всхлип. — Она вчера приняла таблетки, и… Я не могу ее винить. Она так устала, бедняжка. Я знаю, сколько вы тратили времени на мою бедную девочку. Вы ей очень помогли. Она в последнее время стала такая спокойная. Прямо светилась. Это ваши занятия так на нее подействовали. Приходите, пожалуйста, на похороны. Я скажу, когда…

Тут я отключилась. Меня заколотило.

Напротив имени «Лола» стояло — я только сейчас заметила — маленькое сердечко.

Я стала просматривать «контакты» насквозь. Нашла еще несколько сердечек.

Topreading.ru

Алла, Каролина, Лейла, Марианна, Оксана.

Что всё это значит?

Вышла из «контактов», растерянно уставилась на общее меню. И вдруг увидела среди иконок красное сердечко.

Это был отдельно вынесенный раздел фотогалереи.

Нажала.

Несколько альбомов. У каждого название.

«Алла. 11.01.2013»

«Каролина. 21.09.2013»

«Лейла. 03.07.2014»

«Лола. ?.?. 2015»

«Марианна. 10.02.2012»

«Оксана. 17.12.2011».

В каждом альбоме по три-четыре фотографии. На них женщины. Все они смотрели на меня светящимся любовью взглядом. Некоторые сняты обнаженными. И каждый альбом кроме Лолиного заканчивается снимком могилы.

«Завтра Олег наверняка захочет сфотографировать и меня», — подумала я и отшвырнула «айфон», словно он жег мне пальцы. Но пальцы немедленно начали сжиматься и разжиматься, они не желали оставаться пустыми. Я взяла со стола первое, что попалось под руку. Судороги прекратились.

Не помню, как я вернулась в комнату, но очнулась я, когда уже стояла над кроватью. Очевидно, прошло какое-то время — мои глаза успели привыкнуть к темноте, и я отлично видела спящее лицо страшного человека. Губы Громова расползлись в сытой полуулыбке. Оказывается, он умеет улыбаться по-настоящему, а не одними глазами только во сне.

— Так ты, оказывается, некрофил? — тихо спросила я. Громов улыбнулся шире и заурчал. — Есть кретины, которым обязательно нужно быть у женщины первым любовником, а ты заводишься от того, что ты — последний? Африканская страсть гарантирована? Умирающий цветок это круто?

Он облизнулся, перевернулся на спину. На горле пульсировала жилка. Еще недавно я ее целовала, замирая от нежности и благодарности.

Что-то было у меня в правой руке. С удивлением я поднесла к глазам нож. Узкий и острый, он остался после моего второго мужа, любителя охоты. Я резала этим ножом яблоки. У меня на кухне всегда блюдо с яблоками. Я люблю яблоки. Антоновку.

Потрогала пальцем клинок — с одной стороны, с другой. Он был обоюдоострый.

— Может, давай по-честному? — сказала я Громову. Он причмокнул губами. Не возражал. —

Ты у меня последний мужчина, а я у тебя стану последней женщиной?

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы эмоциональны, импульсивны, бываете несдержанны.

С Вами происходили или произойдут романтические ситуации типа солнечного удара. Вы вообще чувственны, гормоны бьют ключом.

В любовных отношениях Вы часто проявляете инициативу, и это не всегда полезно.

Вас бывает слишком много, Вы способны перегнуть палку.

Вы умеете радоваться, но в Вашей жизни много грустного.

А еще Вы хорошо чувствуете красивое.

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Глава 4(8)

Если и был в моей никчемной жизни хоть один достойный поступок, то этот: я дошла до подъезда, так и не обернувшись.

Не помню, как поднималась по лестнице, зато помню, как тряслись руки и ключ всё не мог попасть в скважину.

В конце темного коридора светилась вертикальная черта — щель двери, ведущей в комнату, и я вспомнила, как Олег говорил про тоннель, который он видел после клинической смерти. Мне следовало бы включить электричество и в прихожей, чтобы не было так тоскливо. Вместо этого я дошла до двери и выключила свет в комнате.

Стало совсем темно. Как будто у меня на глазах повязка. Только никто не держал меня за

Topreading.ru

руки, и не звучал волшебный голос.

Вот что нужно сделать, срочно. Позвонить Льву Львовичу.

Я вслепую дошла до кресла, села.

— Это я. Можете говорить?

— Конечно. Что курсы? Имеет смысл туда ходить? Рассказывай, Тоня.

Я рассказала. Всё, как было. Без подробностей, конечно. Только про то, как жестоко поиздевалась надо мной жизнь: напоследок, когда ничего изменить нельзя, наконец поманила любовью — лишь для того, чтоб испытать на вшивость.

— И ты выдержала испытание, — сказал Лев Львович.

— Да.

Я заревела.

— А он что? Просто дал тебе уйти и всё?

— Я от него сбежала… Он только дверцу открыл — я уже была в подъезде…

— Значит, ты выдержала испытание. А он — нет. Ну и нечего тогда о нем плакать.

Я так возмутилась, что даже слезы высохли.

— Не смейте так про него говорить! Вы же его не знаете! — Никогда в жизни не разговаривала я со Львом Львовичем в подобном тоне. — Да если бы он меня насильно удерживал, я все равно убежала бы! Я понимаю, вы обо мне невысокого мнения, но я не могу мучить хорошего человека! Представляете, какой чернухой была бы такая любовь?

— Не смейте так про него говорить! Вы же его не знаете! — Никогда в жизни не разговаривала я со Львом Львовичем в подобном тоне. — Да если бы он меня насильно удерживал, я все равно убежала бы! Я понимаю, вы обо мне невысокого мнения, но я не могу мучить хорошего человека! Представляете, какой чернухой была бы такая любовь?

— Не представляю. И ты не представляешь. Этого никто не знает… — Он вздохнул. — Видишь, какая поразительная штука жизнь. Понадобилась смертельная болезнь, чтобы ты узнала про себя нечто важное. Что ты способна любить кого-то больше, чем себя… Ладно, что сделано, то сделано. Как же мне, Тоня, теперь с тобой быть?

Шторы на окне были задвинуты. Там рос клен. Иногда в непогоду он стучал ветками в стекло. Вот и сейчас я услышала легкое постукивание, и качнулась тень. Наверное, на улице поднялся ветер.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Я подошла к окну, отодвинула занавеску — и вскрикнула.

На меня через стекло смотрел Олег и беззвучно шевелил губами. Сначала я решила, что это шутки сулажина. Но потом вспомнила, что рядом с окном проходит водопроводная труба.

— До свиданья, Лев Львович. Потом, — сказала я в трубку.

И открыла створку.

— Господи, ты упадешь! Дай руку!

— Не упаду. Я же бывший спасатель. Сто раз по трубе влезал. Не на второй этаж, а повыше. Руку не надо. Лучше отодвинься.

Он взялся за раму и через секунду уже сидел на подоконнике, боком, свесив ноги наружу.

— Ты сошел с ума! Позвонил бы снизу, я бы открыла!

— Во-первых, не открыла бы. А во-вторых, я же не знаю номера квартиры. Можно войти?

Он сказал:

— Ну чего ты испугалась? Какая разница, что будет потом? Я за всю свою жизнь не был по-настоящему счастлив и трех дней, а тут три месяца. Это целая вечность!

Он сказал:

— Может быть, за это время что-то случится. Произойдет чудо, и ты выздоровеешь. Или мы поедем куда-нибудь, и оба разобьемся на машине. Или решим, что нам лучше уйти вместе. Я же был *там*, я знаю, что это нестрашно. Вдвоем — вообще прогулка… Ну хорошо, не прогулка, но ведь вдвоем же…

Он сказал:

— Не мотай головой, я не буду про это. Честное слово. Ну хорошо, пройдет три месяца, и ты умрешь. Я похороню тебя, останусь жить с разбитым сердцем. Или не выживу с разбитым сердцем. Или случится конец света. Зачем нам думать об этом? Зачем хоронить себя, пока мы живы? Какая разница — три месяца впереди или тридцать лет? Важно ведь не сколько ты живешь, а как. Впусти меня, Тонь. По трубе спускаться гораздо трудней, чем подниматься. Сверну себе шею, и это ты будешь меня хоронить, а не я тебя.

Я протянула ему руки. А что оставалось делать?

Цепочка решений, которые Вы принимали в пунктах разветвления сюжета, определилась формулой Вашего подсознания и складом Вашей личности. (Если, конечно, вы не жали на иконку совершенно бездумно). В результате получился жанр и финал, который позволяет предположить о Вас следующее.

Вы эмоциональны, импульсивны, бываете несдержанны.

С Вами происходили или произойдут романтические ситуации типа "солнечного удара". Вы вообще чувственны, гормоны бьют ключом.

Вы умеете любить, и Вас тоже любят.

Заводите побольше детей — у Вас хороший родительский потенциал.

К жизни Вы относитесь довольно легко, не склонны фиксироваться на трагическом и неприятном.

Вообще у Вас неплохие шансы прожить жизнь счастливо (тьфу-тьфу-тьфу).

Если психологический портрет получился непохож, вспомните, в каком пункте вы колебались, вернитесь туда и пройдите по другой ветке.

Topreading.ru